

Жизнь и труды
священномученика
ИЛАРИОНА

*«Насколько христианин должен
осознавать свои грехи и скорбеть о них,
настолько же он должен радоваться
бесконечной милости и благодати Божией
и никогда не сомневаться и не отчаиваться
в своем жизненном подвиге».*

Священномученик Иларион

Андрей Горбачев

Жизнь и труды священномученика ИЛАРИОНА

Издательство
Сретенского монастыря

Москва
2016

УДК 271.22(470+571)-72:929Иларион

ББК 86.372.24,8 Иларион

Г67

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской
Православной Церкви
ИС Р16-604-0133

Горбачев А. А.

Г67 Жизнь и труды священномученика Илариона. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. — 208 с. : ил.

ISBN 978-5-7533-1218-1

Книга кандидата богословия А. А. Горбачева посвящена священномученику Илариону (Троицкому). Святитель Иларион — яркая личность, талантливый богослов, самый молодой в свое время архимандрит и профессор МДА, имя которого значилось на Поместном Соборе 1917/1918 гг. в числе кандидатов на патриаршество, сподвижник Святейшего Патриарха Тихона, активнейший борец с обновленческим расколом. Церковь — сфера особого интереса владыки Илариона. То понимание Церкви, к которому он пришел, основываясь на внимательно изученных писаниях святых отцов и учителей Церкви, священномученик пронес неизменным через всю жизнь. Тема книги — раскрытие связи учения о Церкви, которого придерживался владыка, с его духовным обликом и исповедническим подвигом.

УДК 271.22(470+571)-72:929Иларион

ББК 86.372.24,8 Иларион

© Горбачев А. А., 2016

ISBN 978-5-7533-1218-1

© Сретенский монастырь, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«Грехи некоторых людей явны
и прямо ведут к осуждению,
а некоторых открываются впоследствии.*

*Равным образом и добрые дела явны;
а если и не таковы,
скрыться не могут»*
(1 Тим. 5, 24–25)

В подвиге мученичества выражается крайняя степень готовности следовать за Христом даже до смерти и смерти крестной (Фил. 2, 8), когда для мученика, по слову святителя Григория Богослова, «страдать со Христом и за Христа вожденнее, нежели наслаждаться с другими»¹. Но тот внутренний путь, которым идет мученик к своей Голгофе, у каждого свой, и связь между предыдущей жизнью святого и его подвигом не всегда явна.

Так, священномученик Игнатий Богоносец, носивший «Христа в своем сердце»², всю жизнь стремившийся к мученическому подвигу, эта «пшеница Божия», желающая стать «чистым хлебом Христовым»³, горячо убеждал римских христиан не только не препятствовать, но и посодействовать его мученической кончине: «Лучше приласкайте этих зверей, чтобы они сделались гробом моим... Молюсь, чтобы они с жадностью

бросились на меня. Я заманю их, чтобы они тотчас же пожрали меня... Если же добровольно не захотят, – я их принужу»⁴.

Если обратиться к личности священномученика Вениамина (Казанского), то, на первый взгляд, может показаться, что такого рода настроения не были ему близки. Не слишком заметный среди других современных ему иерархов, Петроградский митрополит любил совершать богослужения в храмах на окраинах российской столицы, проповедовать и читать воскресные лекции простому народу, был, «вероятно, самым аполитичным во всем российском епископате»⁵, и трудно было заметить в нем стремление к мученичеству. Но после того как Петроградский владыка по ложным обвинениям был приговорен к смертной казни, обнаружилось, что он еще «в детстве и отрочестве... зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом... жалел душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали»... И вот, когда на его долю выпала смерть за Христа, он оказался в полной мере готов к исполнению своих детских желаний и при этом «радостен и покоен, как всегда», исповедуя мученический подвиг нормой христианской жизни: «Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявлять подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века!»⁶

Есть и мученики, добродетели которых до их подвига представляются совершенно сокрытыми.

Наиболее известный пример — святой мученик Вонифатий. Пристрастный к винопитию, живущий со своей госпожой «в нечестивой связи», Вонифатий, увидев невинные страдания христиан, возгорелся огнем любви и веры Христовой, исповедал себя христианином и ценой жизни получил не только отпущение грехов, но и мученический венец. Но, несмотря на внешнюю неожиданность такого обращения, можно твердо сказать, что предпосылки его имелись ранее, и добродетели мученика Вонифатия, сделавшие бывшего грешника способным воспринять мученический венец, существовали до их проявления. Так, из жития святого нам известно, что он «был милостив к нищим и охотно принимал странников». Кроме того, «сознавая себя рабом греха, Вонифатий молил Бога, чтобы Он избавил его от сетей дьявольских и сделал бы его победителем над своими вожделениями и страстями»⁷.

В этом отношении (то есть в приготовлении к мученичеству добродетелями) не является исключением и священномученик Иларион (Троицкий). Конечно же, высокие нравственные качества владыки Илариона, приобретенные им Божией милостью в предшествующей жизни, помогли ему достойно вынести исповеднический подвиг до самой мученической кончины. Но связь этого подвига и предшествующей жизни священномученика Илариона имеет свои особенности. Как богослов архиепископ Иларион был занят разработкой в основном одного из направлений

богословской науки – учения о Церкви. Церковь – сфера особого интереса владыки Илариона «от молодых ногтей», и то понимание Церкви, к которому он пришел, основываясь на внимательно изученных писаниях святых отцов и учителей Церкви, священномученик пронес неизменным через всю жизнь. Поэтому целью нашего скромного труда будет не только обзор основных работ и событий жизни архиепископа Илариона (Троицкого), но и, насколько это возможно, раскрытие связи учения о Церкви, которого придерживался священномученик, с его духовным обликом и исповедническим подвигом.

А. Горбачев

О ПРЕДКАХ И РОДСТВЕННИКАХ

Владимир Алексеевич Троицкий, будущий архиепископ и священномученик, родился 13 сентября 1886 года в семье Алексия Троицкого, приходского священника села Липицы Каширского уезда Тульской губернии. Липицы — «село большое, двухштатное»⁸, «в 5–6 км ниже Серпухова по течению Оки»⁹. В октябре 1923 года Каширский уезд вошел в состав Московской губернии¹⁰. Возможно, по этой причине некоторые жизнеописания ошибочно относят место рождения архиепископа Илариона (Троицкого) к Московской губернии¹¹, что, впрочем, сам владыка Иларион вряд ли стал бы расценивать как ошибку: «Липицкие-то ведь московские, — писал он из ярославского тюремного изолятора в 1926 году, — значит, и я стал природный москвич!»¹² Кроме старшего Владимира в семье отца Алексия Троицкого было еще четверо детей: Дмитрий, Алексей, Ольга и София.

Дмитрий (род. 6 октября 1887 г.) после окончания Санкт-Петербургской духовной академии принял монашество с именем Даниил. Впоследствии он стал викарием Орловской и Смоленской епархий, затем епископом Орловским и архиепископом Брянским. Так же как и его старший брат, архиепископ Даниил был активным борцом с обновленческим расколом и исповедником.

Наследие тюрем и ссылок, тяжелый и изнурительный недуг стал причиной ранней смерти владыки Даниила 17 марта 1934 г. О дне своей кончины он был извещен явлением ангелов. Перед смертью соборовался и причастился Святых Таин¹³.

Алексей (род. 24 марта 1891 г.) стал священником, заняв место скончавшегося в 1917 году родителя. Позже, как и старшие братья, подвергся репрессиям (кроме прочего – и за борьбу с обновленческим расколом), а 23 сентября 1937 г. был расстрелян на подмосковном полигоне Бутово¹⁴.

О сестрах владыки Илариона известно следующее.

София (род. 17 марта 1889 г.) в 1914 г. преподавала в одной из московских школ, не закончив до конца женские курсы¹⁵. В 1915 году мы находим ее состоящей «в замужестве за преподавателем Симферопольской Духовной Семинарии»¹⁶. Но вскоре, в феврале 1916 года, в неполные 27 лет¹⁷ она скончалась, по некоторым источникам – во время родов.

Ольга (род. 27 мая 1897 г.) в 1915 г. служила «учительницей М.[инистерства] Н.[ародного] Пр.[освещения] школы сельца Шепилова»¹⁸, что в 2–3 километрах от Липиц, а в 1920–22 годах жила в Москве¹⁹ и трудилась «где-то на легком месте, конечно задаром, как и все совработники»²⁰. В дальнейшем Ольга Алексеевна также проживала в столице, работала бухгалтером. Скончалась 25 октября 1967 года²¹.

О предках владыки Илариона нам известно, что прапрадед его по отцовской линии Иоанн был диаконом, а прадед Иван Иванович носил фамилию Рождественский (1795–?) и исполнял должности дьячка и пономаря в тульских селах Дураково – «Ушаково тож»²² Каширского уезда, Архангельское – «Стародубки тож» Тульского уезда, Банино²³. 27 марта 1818 года он был переведен на должность пономаря к Спасской церкви²⁴ села Квашнино Тульского уезда²⁵.

Из троих детей Ивана Ивановича дед священномученика Илариона, Петр Иванович (1820? – 08.06.1892²⁶), был старшим. В 1840 году в селе Квашнино был построен и освящен²⁷ новый каменный храм во имя Святой Живоначальной Троицы²⁸. По этой причине Петр Иванович, учившийся в это время в первом классе высшего отделения Тульской духовной семинарии, получил фамилию *Троицкий*²⁹. Если бы не это обстоятельство, то и его прославленный внук мог бы оказаться не *Троицким*, а по фамилии прадеда – *Рождественским* или, по месту его же служения, *Спасским*, как, к примеру, дьячок квашнинской церкви Анастасий Иванович Спасский³⁰.

Петр Иванович Троицкий, окончивший в 1842 году семинарию по 1 разряду, был рукоположен в сан священника к Благовещенской церкви села Липицы Каширского уезда Тульской губернии 21 ноября 1846 г.³¹ Жена отца Петра Марья Григорьевна (1829–?)³², бабушка будущего архиепископа Илариона, была дочерью местного

священника Григория Александровича Ляпидевского. Вдова его Марья Романовна жила «в доме и на пропитании зятя своего священника 1-го штата Петра Троицкого по обязательству»³³. Это означает, что ко времени рукоположения Петра Ивановича отец Григорий Ляпидевский скончался, не имея сыновей, способных заместить его в священнослужении. Поэтому, по устоявшейся практике того времени, Петр Троицкий взял супругу, что называется, «с местом», приняв на себя обязательства по обеспечению тещи.

По данным клировых ведомостей села Липицы за 1880 год видно, что дедушка владыки Илариона был деятельным и добросовестным священником. Отец Петр кроме священнического нес и ряд дополнительных видов служения: духовный депутат, наблюдатель приходских школ, духовник благочиния, помощник благочинного, цензор проповедей и катехизических поучений, законоучитель, председатель церковно-приходского попечительства. Также он был награжден наперсным бронзовым крестом в память Крымской войны 1853–1856 годов³⁴. «Прихожане сохранили память о нем как о человеке необыкновенном. Когда он умирал, все жители села пришли проститься с ним и получить от него последнее благословение»³⁵. Видимо, добрые качества отца Петра передались и младшему из его пяти сыновей Алексею.

Алексей Петрович Троицкий (17 февраля 1863 г.³⁶ – 25 февраля 1917 г.³⁷) в июне 1884 года

окончил Тульскую духовную семинарию, а 19 января 1886 года был рукоположен в священники села Липицы³⁸. Он являлся инициатором создания двух церковно-приходских школ и исполнял должности учителя в земском училище, «законоучителя в... одноклассном М.[инистерства] Н.[ародного] П.[росвещения] училище», заведующего и законоучителя нескольких школ³⁹, уездного наблюдателя церковных школ, следователя по первому и второму Каширским округам, члена Каширского уездного отделения Тульского епархиального училищного совета⁴⁰. В 1896 г. отец Алексей был награжден серебряной медалью «в память Императора Александра III»⁴¹, в последующие годы — бронзовой медалью за народную перепись (1897), серебряной медалью в память 25-летия церковных школ (1909), нагрудным знаком и светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых (1913)⁴².

*Священник Петр Троицкий,
дед священномученика
Илариона*

По воспоминаниям современников, «отец Алексей <...> был очень любим и чтим прихожанами и сам был крайне привлекательным

человеком. Высокого роста, дородный, с длинными русыми волосами, всегда оживленный и красноречивый...»⁴³

Дополнить его портрет мы можем по некоторым косвенным источникам. «Скажи мне, кто твой друг, — и я скажу, кто ты», — гласит народная мудрость. В дневниках тульского протоиерея Капитона Виноградова мы часто встречаем имена членов семьи отца Алексея Троицкого. Отец Капитон с 1887 по 1899 годы служил в селе Спас-Тешилово, располагавшемся в пяти с небольшим километрах от Липиц, и с тех пор их семьи поддерживали дружеские отношения, которые не прервались с переходом отца Капитона в Александро-Невский храм г. Тулы. «Общение наших семей было частое и очень дружественное»⁴⁴, — вспоминал сын отца Капитона Виктор. Они ездили друг к другу в гости, переписывались, отмечали праздники и памятные даты, присутствовали на крещении детей. Со временем эта дружба естественным образом переросла в кумовство. Нам известны по крайней мере два таких случая. Отец Петр Троицкий в 1888 году совершил крещение и стал восприемником сына отца Капитона Виктора, а отец Алексей Петрович в 1898 году также крестил и воспринял от святой купели дочь Виноградовых Марию⁴⁵.

Некоторые дневниковые записи протоиерея Капитона Виноградова по общему настроению и тону напоминают дневники праведного Иоанна Кронштадского: «После исповеди как

легко-усладительно совершается служение. В четверг после утрени исповедывался. Иерею надлежит первее всех самому исповедываться, чтобы потом испов-ть⁴⁶ других. Как разрешить других связанному? Какое обличение и наставление можно преподать от сердца, отягченного греховностию! Опыт показал, что при чистоте совести на учение льется благодатною рекою и внушительно для слушающего. А то и от слова Божия говоришь, но недействительно. О, как бы всеильно было слово иерея, его молитва и дела, если бы он сам с благоговейным настроением и сердечным умилением, и горением любви приступал и совершал Бож. Литургии. Мы тяготимся тем, в чем наша сила, честь и слава. Быть приближенным архиерея почитаем за счастье, а Архиерея, прошедшего небеса, божественную трапезу, обожествляющую нас, почитать бременем: не крайнее ли лишение себя «возблагодати», неведомой и ангелами! Не оттого ли бесплодно и пастырское наше служение!»⁴⁷

Покаяние, чувство собственного недостойнства и упование на Божественную помощь красной нитью проходят через многолетние записи: «Был после ранней у о. духовного протоиерея Василия Павловича Боженова. Глубокое сознание своей греховности — да будет началом новой жизни! Доселе все не исправился! Боже, сохрани прочее время жизни для благоугождения Тебе»⁴⁸. Получив на двадцать седьмом году служения наперсный крест, отец Капитон пишет: «Благодарение Богу и слава! Не по заслугам»⁴⁹.

Те же чувства остаются неизменными и с наступлением старости: «День моего ангела. Уже минуло 60 лет. Увы мне! Ничего доброго в жизни своей доселе не укрепил. Остаюсь доселе игральщиком страстей. Не положил еще начала благочестию. На Тя, Господи, уповаю, спаси мя!»⁵⁰

Даже архиерейские благословение и присутствие при участии в некоторых несвоевременных мероприятиях не заглушают укоров его совести: «...был в дворянском собрании на лекции Попечит. округа „Жизнь доисторического человека“, причем были исполнены музыкальные пьесы и хоровые — от всех учебных заведений. Посетили собрание оба архиерея. Но потом осудил себя: быть во время св. Четырдесятницы на веселой музыке и пении нашему брату позорно. Так изменились наши нравы!»⁵¹

При тесных дружеских отношениях священников Капитона Виноградова и Алексия Троицкого естественно предположить, что подобного рода благочестивые мысли и настроения были присущи и отцу Алексию. Поэтому не выглядит случайным, что священство для его детей стало осознанным выбором, а не вынужденной мерой, обусловленной сословной принадлежностью. Видимо, исходя из опыта своей семьи, на Поместном соборе 1917–18 годов архимандрит Иларион говорил о том, «что пастыри Церкви и детей своих готовили к дорогому для них пастырству»⁵².

Судьбы Алексея Петровича, его отца Петра Ивановича и его деда Ивана Ивановича

*Священник Алексей Троицкий с женой и сыновьями
Владимиром (справа) и Дмитрием*

объединяло одно печальное жизненное обстоятельство — все они рано овдовели.

Так, Алексей Петрович остался без супруги уже в 35 лет. «Первое горе этой семьи осталось в памяти своей неожиданной великой скорбью — матушка Варвара Васильевна, совсем еще молодая, цветущая, живая женщина, — трагически скончалась, утонув, купаясь в Оке, оставив пять сирот»⁵³. Произошло это в 1898 году⁵⁴. Варваре Васильевне было 32 года⁵⁵. Володе шел тогда

12 год, а его младшей сестренке Ольге — немногим больше года. «Отец Алексей мужественно нес свой крест»⁵⁶. С этого времени в заботе об оставшихся без матери детях отцу Алексию стала помогать незамужняя сестра покойной, Надежда Васильевна, преподавательница церковно-приходской школы.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Лишившись в детстве матери, Владимир Троицкий долго и остро переживал эту потерю: «Ты, мой дорогой, знаешь, — писал архимандрит Иларион в 1916 году в „Письмах о Западе“, — что я почти двадцать лет назад потерял мать. В то время ощущал я свое сиротство, так сказать, практически, в смысле житейском, а теперь порою я болезненно ощущаю свое сиротство мистически»⁵⁷. Возможно, и потому еще у владыки с детства особо теплое чувство к Богородице: «Пресвятая Богородица — наша общая Матерь»⁵⁸, — и в еще большей степени — к Церкви Христовой, в отношении к которой он любил приводить слова священномученика Киприана Карфагенского: «Тот не может уже иметь отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь»⁵⁹. Надо думать, что это высшее материнство в совершенной мере восполнило если уж и не житейское, то «мистическое» сиротство архиепископа Илариона.

Рано освоив грамоту, Владимир в возрасте пяти лет уже участвует в храмовом богослужении, читает часы и шестопсалмие. Если старший современник Владимира Троицкого писатель А. П. Чехов вспоминал, что он и его братья в детстве пели на клиросе, но «в это время чувствовали себя маленькими каторжниками»⁶⁰, то будущий священномученик с детства относился к богослужению с любовью, которую пронес через всю жизнь: «Однажды он сказал мне, — вспоминал об архимандрите Иларионе бывший студент Московской духовной академии (МДА) Сергей Волков, — что церковное богослужение, исполненное по уставу, с любовью и тщанием, прекраснее лучшей оперы с ее „нелепыми руладами и часто посредственным смыслом“... Эту красоту церковного богослужения, которая привлекала меня в академии, сильно и глубоко чувствовал Иларион»⁶¹.

В том же пятилетнем возрасте Володя в компании младшего брата сделал попытку уйти в Москву «учиться», но вскоре силы малолетнего Димитрия иссякли. «Ну и оставайся неученым», — был суровый ответ Владимира на жалобы заплаканного и утомленного длительным путешествием братишки⁶². На отцовские упреки старший из беглецов приводит пример Ломоносова, который ради учебы отправился в Москву пешком из Архангельска. Н. Кривошеева в своем жизнеописании владыки Илариона с печальной иронией замечает: «Спустя тридцать лет он поедет „продолжать свое образование“ из Москвы в Архангельск»⁶³.

В клировых ведомостях по городу Кашире и уезду за 1900 год (Владимиру Троицкому в это время 14 лет) можно найти заметки о содержании библиотеки липицкого храма: «В церкви есть библиотека, в коей находятся книги и с противораскольническим содержанием, а именно: журнал „Братское слово“ с 1886 по 1890 г., а также за 1894, 1895, 1897 и 1898; журнал „Миссионерское обозрение“ за 1896 г.; сочинения архимандрита Павла в 2-х томах; „Выписки из старопечатных книг“ Озерского в 2-х частях; „О перстосложении для крестного знамения“ высокопреосвященного Никандра; „Истинно-древняя и истинно-православная Церковь“ митрополита Григория; две книги о беспоповщинской исповеди профессора Ивановского; миссионерские статьи „Истина“ и „Уветник“ – Панова»⁶⁴. Естественно предположить, что будущий богослов при его любви к просвещению не упустил возможности ознакомиться с перечисленными произведениями, что впоследствии помогало ему в полемике с сектантскими и еретическими идеями.

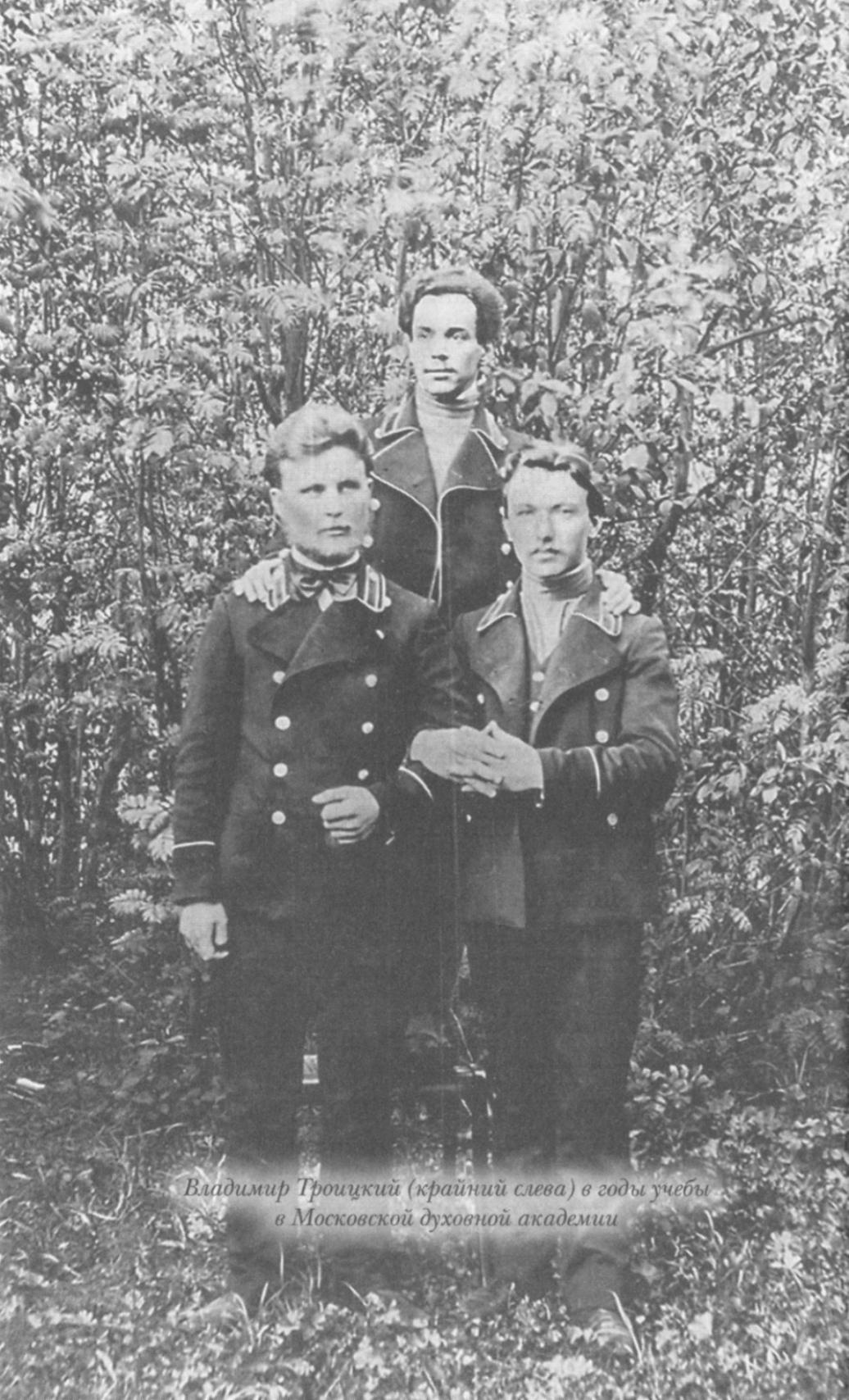
Таким образом, основные жизненные интересы Владимира определились уже с первых лет его жизни. Кратко их можно определить двумя словами – Церковь и наука. Впрочем, второй интерес, то есть наука, был для него производным от первого, поскольку наука имеет смысл только тогда, когда она, так или иначе, служит Церкви: «наука должна быть *ancilla Ecclesiae*»⁶⁵. И если о науке архиепископ Иларион всегда вспоминал

как о «своей первой и единственной любви»⁶⁶, то Церкви были посвящены не только почти все его богословские работы, но и вся его жизнь.

В 10 лет Владимир поступает в Тульское духовное училище, по окончании которого в 1900 году продолжает образование в Тульской духовной семинарии, где учится с неизменным успехом. В 1906 году Владимир Троицкий поступает на казенный счет в Московскую духовную академию. Кроме того, ему присуждается частная стипендия имени профессора В. Д. Кудрявцева-Платонова.

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ко времени учебы Владимира Троицкого в семинарии и академии революционные идеи захватили значительную часть русского общества. Причем, очень часто рассадниками этих идей являлись именно духовные учебные заведения. Революционные настроения не прошли и мимо МДА. Вот как описывал первые впечатления Владимира Троицкого от академии и результаты навеянных ими дум его однокурсник, священник Г. Добронравов: «Владимир Алексеевич поступил в академию в 1906 году, когда чад и угар революционный, проникший и за стены академии, только начинал рассеиваться, но не исчез еще окончательно. И Владимиру Алексеевичу

*Владимир Троицкий (крайний слева) в годы учебы
в Московской духовной академии*

пришлось много пережить, видя, как он говорил, „позор академии, променявшей светлые ризы чистой и трезвой науки на яркие, но грязные разноцветные лохмотья уличной политики“, позор той академии, которую он любил, как „свою возлюбленную невесту“... Но гроза не прошла бесследно для Владимира Алексеевича: его всеанализирующий ум не мог успокоиться, пока не отыскал причины, почему пронесшийся шквал захватил столь широкие круги: одним из главнейших условий, определивших такой масштаб движения, была безцерковность нашего общества, в его массе утратившего связь с Церковью, порвавшего с его исконными традициями... Как только это определилось с достаточной ясностью, ...он посвятил свои обязательные сочинения и свои досуги разработке вопроса о Церкви и церковности»⁶⁷.

Чтобы противостоять общепринятому общественному мнению о Церкви в начале XX века, нужны были немалые мужество и твердость, и можно с уверенностью сказать, что уже во время учебы в академии молодой богослов, заняв в учении о Церкви неприемлемую для многих его современников позицию, встал на путь исповедничества, который и привел его, в конце концов, к мученическому венцу. «Есть два рода мученичества, — писал святитель Григорий Двоеслов, — одно — внутреннее, другое — внешнее, и если не будет внешнего гонения, может быть мученичество сокровенное, когда душа сгорает готовностью на мучение»⁶⁸.

А в том, что отстаивание православного учения о Церкви в России начала XX века не могло совершаться без подвига исповедничества, нас могут уверить несколько иллюстраций мыслей и нравов русских людей того времени, принадлежащих к различным слоям общества.

Великий князь Александр Михайлович Романов, двоюродный дядя и друг детства императора Николая II, женатый на сестре царя Николая великой княгине Ксении Александровне, так описывал свое первое (в 12 лет) посещение Иверской часовни в Москве: «Мне казалось невозможным, чтобы Господь Бог мог избрать подобную обстановку для откровения своим чадам святых чудес. Во всей службе не было ничего христианского. Она, скорее, напоминала мрачное язычество. Боясь, что меня накажут, я притворился, что молюсь, но был уверен, что мой Бог, Бог золотистых полей, дремучих лесов и журчащих водопадов, никогда не посетит Иверскую часовню... Со дня моего первого посещения Первопрестольной и в течение последовавших сорока лет я, по крайней мере, несколько сот раз целовал мощи Кремлевских святых. И каждый раз я не только не испытывал религиозного экстаза, но переживал глубочайшее нравственное страдание. Теперь, когда мне исполнилось шестьдесят пять лет, я глубоко убежден, что нельзя почитать Бога так, как нам это завещали наши языческие предки»⁶⁹.

Об утере веры в Церковь говорит нам и популярность толстовских идей в среде русской

интеллигенции, которая вслед за женой Льва Толстого Софьей Андреевной могла бы сказать: «Для меня Церковь есть понятие отвлеченное»⁷⁰.

А вот наглядное изображение той нравственной бездны, в которую падало отошедшее от Церкви русское крестьянство начала XX-го века. В сентябре 1917 года в одном из орловских сел «был зверски убит уважаемый священник о. Григорий Рождественский со своим юношей-племянником на глазах у жены; заграбив деньги, разбойники бежали, заслышав набат; собравшиеся прихожане, увидав плавающего в своей крови убиенного пастыря, принялись растаскивать все оставшееся после грабителей имущество осиротевшей матушки: рожь, овес, яблоки — все, что попадало под руки»⁷¹.

В том же Орловском крае «28 ноября 1917 года в селе Добруни Севского уезда... солдаты и крестьяне разгромили домовую церковь и барскую усадьбу Подлиневых. С криком „Бери ковры, будет тут „игоготникам" топтаться!“ крестьяне топорами подрубили престол, растащили сосуды и ризы, а затем подожгли дом и церковь. Но этого им показалось мало. Они вытащили из могил тут же, около церкви, погребенные трупы владельцев Подлиневых. Истлевшие останки владелицы: голову, руки, ноги — разбросали, а труп владельца, сохранившийся в целости, положили на солому и подожгли. „Как свинью палили“, — говорили православные. При этом били палками по животу и выдирали усы. Затем его тут же неглубоко

зарыли, а цинковый гроб утащили... Позже подобная участь постигла и захоронение поэта с мировым именем Афанасия Фета (Шеншина) в храме села Клейменово»⁷².

Подобные факты находят себе значительное объяснение тем, что в России начала прошлого столетия «в некоторых местах почти 70 проц. из поступающих» в армию «не только не знали молить, но и не имели ни малейшего представления о религиозных началах»⁷³.

Конечно, в этом народном одичании была немалая вина самого духовенства: «Но большей частью мы становились „требоисполнителями“, а не горящими светильниками», — вспоминал о священстве предреволюционного времени митрополит Вениамин (Федченков)⁷⁴.

ГДЕ ГРАНИЦЫ ЦЕРКВИ?

Самое же печальное, что среди священства и церковной иерархии распространяются идеи, противоречащие традиционным церковным взглядам на природу Церкви и ее границы. «Кажется, уже и мы живем в предместьях Вавилона, если не в нем самом», — сказал как-то святитель Филарет (Дроздов) под впечатлением окружающей его действительности⁷⁵. Но трудно полностью защититься от множества гуманистических

идей, исподволь проникающих в православное церковное сознание, и уже сам митрополит Филарет вводит в церковный лексикон некое новое понятие: «Христианская Церковь может быть только либо „чисто истинная“, ...либо „не чисто истинная“»⁷⁶. И хотя выражение „не чисто истинная“ само по себе сомнительно, а в приложении к Церкви — Невесте Христовой звучит, по меньшей мере, странно, оно приживается в словесном обиходе в церковных кругах.

В православной среде получает также распространение высказывание митрополита Киевского Платона (Городецкого † 1891) о том, что «наши человеческие перегородки до неба не достигают»⁷⁷ (в передаче митрополита Евлогия (Георгиевского): «Перегородки, которые настроили люди в церкви, не доходят до неба»⁷⁸).

Протопресвитер военного и морского духовенства в 1911–1917 годах отец Георгий Шавельский видел «объединение около имени Божия и около св. храма людей, разделенных временными, не божественного происхождения перегородками»⁷⁹, в следующих событиях армейской жизни: «Воинские чины — протестанты, католики, кальвинисты — не только солдаты, но и офицеры, наряду с православными аккуратно посещали свою полковую православную церковь, ...соблюдали православные праздники и обычаи; в военное время пред сражениями даже офицеры нередко исповедовались и приобщались у полковых — православных — священников»⁸⁰.

Подобное отношение к инославию постепенно проникает в среду монахов и мирян. И вот уже монахини Вировского монастыря во главе с игуменьей Анной приветствуют «несущего Св. Дары ксендза низким поклоном и с горящими свечами» провожают «его до постели больной»⁸¹. А русские воины во время Первой мировой войны не останавливаются и перед участием в евхаристическом общении с униатами: «Бедняги солдаты, шедшие на фронт, а потому, на верную смерть, не имели возможности причаститься, ходили к униатам, там молились и причащались. Мне рассказывали, — вспоминал митрополит Евлогий, — как в униатском монастыре они вместе с униатами восклицали: „Святой священномучениче Иосафате, моли Бога о нас“ (это тот Иосафат Кунцевич, который был известным гонителем православия)»⁸².

В это время русские богословы подводят идейную базу под действия такого рода. «Так, протоиерей П. Я. Светлов утверждает, что западные христианские вероисповедания, наравне с православным, суть христианские Церкви и принадлежат к Церкви Вселенской, а не внецерковные общества, отделенные от Церкви, — что существующие христианские Церкви на Западе и Востоке суть поместные Церкви или части Вселенской Церкви, и потому присвоение какою-либо из них прав Церкви Вселенской незаконно»⁸³.

В атмосфере отмеченных идей и нравов, все более захватывающих русских людей, отстаивание традиционных взглядов на Церковь, как уже

было сказано выше, стало для Владимира Троицкого началом исповеднического подвига, который он с честью пронес через всю жизнь.

СТУДЕНТ АКАДЕМИИ

За успешную учебу в Московской духовной академии Владимир Троицкий в виде поощрения дважды направлялся в зарубежные поездки. В 1908 году он посещает Сербию, Болгарию, Турцию, Грецию и Афон. Наполняясь новыми, самыми разнообразными впечатлениями, молодой академик рассматривает их, вольно или невольно соотнося с темой Церкви, делая, в том числе, выводы и из прошлого увиденных стран: «Но самая главная черта византизма — проникновение всей жизни религиозными началами и интересами, это дивное сочетание небесного и земного, это настоящее богочеловечество, а не наше современное человекобожество»⁸⁴.

ЦЕРКОВЬ И ИДОЛЫ

К четвертому курсу академии мы находим еkkлезиологические взгляды Владимира Алексеевича уже вполне сформировавшимися. В Церкви он видит смысл, цель и оправдание

Владимир Троицкий с двоюродной сестрой

жизни. Отступление от Церкви не может пройти безнаказанно и само по себе уже есть наказание. Поклонение и служение истинному Богу во Христе возможны только в Церкви, и покидающие ее вместе с ней оставляют и Бога. Но «свято место пусто не бывает», и на место Бога встает уже некоторое понимание Бога, концепция всегда ложная, которая, собственно говоря, есть идол: «Жизнь полна идолов; на каждом шагу встречаем и идолов, и идолопоклонников. Правда, вы не увидите идолов каменных, золотых и серебряных. Но идолопоклонство тонкое, часто бессознательное, прикрывающееся именем служения истинному Богу, такое, даже более опасное, идолопоклонство снова грязной волной разлилось по лицу земли»⁸⁵.

Церковность, освящающая жизнь, придающая ей смысл, заменяется религиозностью, которая становится лишь отдельной частью жизни, весьма незначительной и служащей в основном практическим нуждам: «Теперь можно слышать речь лишь об „удовлетворении религиозных потребностей“ или об „отправлении религиозных обязанностей“, причем и потребностей, и обязанностей этих оказывается удивительно мало, сравнительно со всякими другими потребностями и обязанностями»⁸⁶.

Теряется понимание соборности церковной жизни. На место Церкви устремляются идолы внецерковных форм «христианства». «Идолы все больше и больше вытесняют Христа из жизни людской... В наши дни христианство проявляется

только как личное потаенное благочестие, но совсем оскудела христианская жизнь. Христианская жизнь возможна только в Церкви; только Церковь живет Христовой жизнью»⁸⁷.

Не остались без оценки молодого студента академии и мнения, методы и образ мышления западного богословия, проникшие в ограду православных учебных заведений, уводящие умы и сердца в область бесплодных рассуждений и мечтательных идей, разделяющих веру и жизнь, богословие и благочестие, догмат и нравственность. Апостол Иаков, упоминая о мудрости душевной, бесовской (см. Иак. 3, 15), «дает нам возможность думать и говорить, что даже и занятие богословием еще не есть служение единому Богу; можно быть и богословом, и все же поклоняться богам иным, служить идеалам бездушным. Недостаток преданности единому Богу вместе с желанием соединить поклонение Богу и идолам создали в наше время преимущественно у западных еретиков взгляд на богословие как на одно только внешнее знание... Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием и только тогда принесет оно плод по роду своему»⁸⁸.

Последние несколько цитат из слова Владимира Алексеевича Троицкого, произнесенного в 1909 году на праздновании 95-й годовщины МДА и напечатанного в журнале «Богословский вестник» под заголовком «Да не будут тебе бози инии», приводятся здесь столь подробно по

той причине, что в слове этом просматривается связь и с детскими устремлениями, и со всем жизненным подвигом архиепископа Илариона. Его детские любовь к Церкви, навыки благочестивой жизни и жажда познания соединились на избранном поприще служения Церкви в качестве богослова и пастыря Церкви, не только исповедующего и проповедующего веру во Христа и Церковь, но и живущего жизнью Церкви и внешней, и внутренней, погруженного в поток этой полноводной церковной жизни и чувствующего себя нераздельной частицей Церкви.

Двадцатитрехлетний молодой человек убедился в истинах, которые станут теперь неизменной путеводной звездой его жизни: без Церкви нет ни жизни, ни спасения, ни познания Бога, то есть — богословия, которое неотделимо от благочестия, согласно с Преданием Церкви и, прежде всего, с писаниями святых отцов, этих «духоносных богословов»⁸⁹. Под словом же «Церковь» (с большой буквы) будущий владыка

всегда подразумевает Церковь Православную. Естественно, что эта позиция не могла вызвать восторженной реакции его современников, увлеченных идолами гуманизма и «свободомыслия».

Владимиру Троицкому, несмотря на молодость, уже к 1909 году стали понятны не только главная беда России, приведшая в скором времени к катастрофе, но и единственный выход из этой беды: «На нашу русскую равнину налетели со всех сторон безводные облака, носимые ветром, *котормь блюдется мрак тьмы на века* (Иуд. 1, 13). Уста их произносят надутые слова... Врата адовы собрали все свои силы и устремились на св. Церковь... Верим, непоколебимо верим, — никаким ветрам, никаким бурям не потопить корабля Иисусова!..

Вменить в уметы всех пустых и бездушных идолов суетного мира, все сором счесть и только единому Богу и Его Св. Церкви служить — выше этого нет и быть ничего не может!»⁹⁰

КАНДИДАТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

В 1910 году Владимир Алексеевич заканчивает академию первым магистрантом в степени кандидата богословия. Кандидатское сочинение Владимира Троицкого (объемом в 1306 страниц) под названием «История догмата о Церкви» вызвало более чем положительные отзывы рецензентов.

*Владимир Троцкий в годы учебы
в Московской духовной академии*

Профессор А. Д. Беляев, не сделавший ни одного отрицательного замечания в своем отзыве, дает следующую характеристику работе молодого богослова: «При первом взгляде на огромный объем сочинения Владимира Троицкого и принимая во внимание краткость времени, назначенного для его написания, можно подумать, что оно нагружено сырым материалом; однако на самом деле этого нет. Он пишет документально, и выписок из отеческой литературы, кратких и не кратких, в его сочинении очень много... Но эти многочисленные выдержки, как камни в стене здания, хорошо пригнанные и крепко спаянные цементом, объединены и связаны мыслию; а оттого и все сочинение, несмотря на разнообразие и огромное количество внесенного в него материала, оказывается хорошо обработанным, последовательно и стройно изложенным. Чтение сочинения Владимира Троицкого, несмотря на его обширность, не утомительно: так разнообразно его содержание, так много затронуто в нем важных вопросов и рассеяно дельных мыслей, да к тому же и изложено оно языком легким, чистым, вполне литературным. Автор сочинения отлично подготовлен к делу письменных ученых трудов и к литературной обработке их. В его сочинении талант и трудолюбие взаимно друг друга поддерживают. Автор сочинения не только достоин степени кандидата богословия, но оно должно быть признано прямо выдающимся по учено-литературным достоинствам трудом»⁹¹.

Не менее хвалебную рецензию на диссертацию Владимира Троицкого составил и ректор МДА епископ Феодор (Поздеевский), который после незначительных критических замечаний завершил свой местами просто восторженный отзыв следующими словами: «Повторяем, что автор сделал громадный труд, скажем, сделал ценный вклад в науку и за свое сочинение не только заслуживает степени кандидата богословия, но и особенной похвалы, скажем больше: сочинение это может быть даже в настоящем его виде печатаемо в качестве магистерской диссертации»⁹².

За кандидатское сочинение Владимир Троицкий был награжден премией митрополита Иосифа. Совет академии от 10 июня 1910 г. определил оставить его на 1910–1911 учебный год при академии для подготовки к преподавательской деятельности⁹³.

ПРОФЕССОРСКИЙ СТИПЕНДИАТ

6 октября 1910 года Совет МДА постановил: «На первую кафедру Священного Писания Нового Завета пригласить кандидата и профессорского стипендиата академии выпуска 1910 года Владимира Троицкого, предложив ему посвятить текущий 1910–1911 учебный год подготовке к занятию означенной кафедры под

руководством заслуженного ординарного профессора М. Д. Муретова, а в конце года прочесть в присутствии Совета две пробные лекции»⁹⁴.

Нужно отметить, что Владимир Троицкий должен был заместить на кафедре профессора М. Д. Муретова⁹⁵, который и рекомендовал его в качестве своего преемника, отметив в молодом богослове «серьезную как лингвистическую, так и методологическую подготовку к научному изучению и академическому преподаванию Священного Писания Нового Завета»⁹⁶. Первая и вторая кафедры Священного Писания Нового Завета делили содержание предмета на две части. Преподаватель второй кафедры читал «о Деяниях и Посланиях апостольских и об Апокалипсисе», в то время как занимавший первую кафедру преподавал «введение в новозаветные книги и о Евангелиях; после же исагогических и эзегетических лекций о Евангелиях» излагал «в связном систематическом виде историю земной жизни Господа нашего Иисуса Христа с опровержением всяких лживых и богохульных теорий, ныне особенно усердно распространяемых»⁹⁷.

3 мая 1911 года на собрании Совета академии Владимир Троицкий прочитал две пробные лекции на темы «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету» и «Сын Божий и Церковь (толкование Мф. 16, 13–18)». Тема первой из лекций была выбрана самим испытуемым, второй – назначена Советом МДА. «Обе лекции, прочитанные профессорским стипендиатом Троицким, Совет

академии единогласно признал удовлетворительными, а лектора — достойным избрания на должность преподавателя академии по 1-й кафедре Священного Писания Нового Завета, имеющей освободиться с начала 1911–1912 учебного года»⁹⁸. Святейший Синод утвердил «профессорского стипендиата Московской духовной академии, кандидата богословия, Владимира Троицкого в должности преподавателя названной академии по I-й кафедре Священного Писания Нового Завета в звании и. д. доцента с 16 августа» 1911 г. Указ об этом утверждении был зачитан на заседании Совета МДА 1 сентября того же года⁹⁹.

Владимир Алексеевич со свойственной ему самоиронией так прокомментировал свое утверждение в новой должности: «Да, вот уже три дня как на первой кафедре Нового Завета наступила мерзость научного запустения в моем лице»¹⁰⁰.

ЦЕРКОВЬ И ПИСАНИЕ

Как уже было отмечено ранее, к этому времени твердо определилась направленность богословских интересов Владимира Троицкого, и практически любая тема, любой предмет, тем более — тема церковная, рассматривались им, прежде всего, в плане отношения к Церкви.

В пробной лекции по Священному Писанию Нового Завета на тему «Гностицизм и Церковь

в отношении к Новому Завету» начинающий преподаватель не отступает от этого правила.

Священное Писание для людей нецерковных остается закрытой книгой, книгой за семью печатями (см. Откр. 5, 1). По сути, вне Церкви никто не может *ни на небе, ни на земле, ни под землю раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее* (Откр. 5, 3) *открытым лицом* (2 Кор. 3, 18). Это мнение ясно раскрывают отцы и учителя Церкви.

«Писания принадлежат только Церкви, — говорит Тертуллиан, — еретиков же и допускать не нужно к состязанию о Писании; они не христиане и не имеют никакого права на христианские Писания»¹⁰¹. Еретики не обладают «ключом» для понимания Священного Писания, им чужда жизнь Церкви, просвещаемой и наставляемой Святым Духом, а потому толкования их, претендуя на научность, утверждаются на зыбких, мечтательных основаниях, в то время как «церковные писатели... научного изучения Священного Писания... вовсе не считали высшим, тем более единственным способом постижения Христовой истины»¹⁰². Поэтому спор с еретиками не может иметь ни смысла, ни надежды на соглашение, но приводит к плачевным результатам: «Если спорить от Писания, то повредишь мозгам да желудку, потеряешь голос и дойдешь до бешенства от богохульства еретиков» (Тертуллиан)¹⁰³.

«Писание лишь для того, кто причастен к церковной жизни. А вне Церкви и без Церкви нет и Священного Писания», — заключает молодой богослов свою лекцию¹⁰⁴.

РАБОТА НАД МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИЕЙ

Лето 1911 года молодой преподаватель напряженно работает над окончанием магистерского сочинения «Очерки из истории догмата о Церкви». Автор с трудом справляется с объемом используемой литературы и потоком новых идей: «Я в настоящее время бросаюсь от одной книги к другой. Совсем голова кругом пошла. Дело, пожалуй, и успешно идет, но столько всякой всячины заявляет о своем существовании, но столько вопросов возникает, столько мыслей роится в голове, что просто хоть отлагай еще на год окончание магистерской. Впрочем, я уверен, что и через пять лет не успокоился бы вполне»¹⁰⁵.

К сентябрю работа закончена: «Рад только тому я, что магистерская окончена (через неделю будет переписана)». В целях ускоренного окончания диссертации автору пришлось исключить из нее целую главу, соответствующую седьмой главе его кандидатского сочинения, в которой рассматривалось учение о Церкви святителей Кирилла Иерусалимского, Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и Илария Пиктавийского: «...кончина ее (диссертации. — *Примеч. авт.*) была безвременная и даже насильственная. Одну главу утаиваю, ибо в том виде, в каком она у меня имеется,

грош ей цена, а чтобы придать ей сколько-нибудь приличный вид, нужно работать целый месяц, а я его не имею. Добавлю после, хотя возможно, это будет на том свете»¹⁰⁶. Последнее высказывание оказалось пророческим.

В Совет академии Владимир Троицкий сдал рукопись своей работы лишь 1 марта 1912 года. Следует предположить, что автору пришлось потратить еще полгода на подготовку окончательного варианта своего труда. Для оценки научной значимости магистерского сочинения Владимира Троицкого были назначены два рецензента: заслуженный ординарный профессор М. Д. Муретов назначен решением Совета академии, ординарный профессор С. С. Глаголев — ректором МДА епископом Феодором (Поздеевским)¹⁰⁷.

НАЧАЛО ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С 1911 года молодой преподаватель начинает чтение лекций, пользующихся неизменной популярностью у слушателей. С. Волков вспоминал «его блестящие публичные лекции о Церкви и о России». «Слышанные мною лекции, — писал бывший студент МДА, — содержали введение в изучаемую дисциплину и были

прочитаны прекрасным языком. В них было много публицистического элемента, откликов на современность... Он не мог спокойно повествовать, ...а должен был гореть, зажигать своих слушателей, спорить, полемизировать, доказывать и опровергать. Теперь мне думается, что ему скорее подошла бы апологетика, а не экзегетика. Он никогда не был только теоретиком: он был человеком дела, всегда соединявшим теорию с практикой»¹⁰⁸. Здесь нужно заметить, что, как уже было сказано выше, на 1-й кафедре Нового Завета МДА экзегетика преподавалась именно в апологетическом ключе, и толкование евангельских текстов должно было включать опровержение «всяких лживых и богохульных теорий, ныне особенно усердно распространяемых»¹⁰⁹. Так что полемическая направленность лекций Владимира Троицкого вполне отвечала содержанию предмета занимаемой им кафедры.

На преподавательской кафедре Владимир Алексеевич освоился быстро и «с 4 или 5 лекции стал себя чувствовать совсем так же, как у себя дома», несмотря на то (а может и благодаря тому), что лекции читал по памяти и взял себе за правило: «тетрадку не брать даже и в академию»¹¹⁰.

1912 год стал весьма плодотворным в жизни и творчестве Владимира Алексеевича Троицкого. Он преподает, публикует статьи, путешествует. Но, конечно, главное для него событие этого года — окончание и защита магистерской диссертации.

ХРИСТИАНСТВО ИЛИ ЦЕРКОВЬ?

Тема Церкви остается приоритетной в научной и преподавательской деятельности Владимира Алексеевича. Вопрос, вынесенный в заглавие статьи «Христианство или Церковь?», — риторический: «Слово „Церковь“... уже в Новом Завете встречается 110 раз. Слова же „христианство“, как и многих других слов на „ство“, Новый Завет не знает»¹¹¹. Живое, органическое единство Церкви, обусловленное пребыванием в едином теле, дышащем единым Духом Святым, под единой главою — Христом, дает нам право говорить о вполне реальных границах Церкви. Это единство, не допускающее частичности, делает невозможной идею о частичной принадлежности инославных исповеданий к Церкви Христовой. Эта тотальность и жизненность церковного единства вынуждает нас вместе с Алексеем Степановичем Хомяковым признать отошедшие от Церкви сообщества, в том числе западные исповедания, «ересями против догмата о существовании Церкви, против ее веры в самое себя»¹¹². Мысль эта выводится из учения о Церкви апостола Павла и подтверждается толкованиями блаженных Феодорита и Феофилакта, преподобного Иоанна Дамаскина, святителя Иоанна Златоуста и, особенно, мыслями священномученика Киприана Карфагенского.

И снова, занимая исповедническую позицию в отношении к современникам, стыдящимся веры отцов, считающим ее признаком отсталости, Владимир Алексеевич подает пример отношения к Церкви: «Да, я верую во единую святую, соборную и апостольскую Церковь, принадлежу ко святой Православной Церкви, и потому я самый передовой человек, ибо в Церкви только возможна та новая жизнь, ради которой Сын Божий приходил на грешную землю, только в Церкви можно приходиться в меру полного возраста Христова, следовательно: только в Церкви возможен подлинный прогресс»¹¹³. Здесь намечается тема, которую автор разовьет через два года в работе «Прогресс и преображение».

В работе «Триединство Божества и единство человечества» та же тема церковного единства раскрывается в связи со словами из первосвященнической молитвы Спасителя к Богу Отцу: *Да будут едино, якоже [и] Мы* (Ин. 17, 11). Единство Святой Троицы и единство Церкви — это единство природы во множестве ипостасей, и только в Церкви возможно уподобление троичному единству.

СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ

Вступительную лекцию 1912 года «О церковности духовной школы и богословской науки» профессор А. И. Сидоров считает программной не только для творчества, но и для всей жизни

священномученика Илариона¹¹⁴. В этой лекции он настоятельно подчеркивает соборный характер церковной деятельности.

Наши таланты суть дары Божии, предназначенные для пользы всех членов единого тела Церкви, что накладывает на каждого высокую меру ответственности. «Ради всего тела и каждый отдельный его член одарен духовным дарованием»¹¹⁵.

Поэтому любая деятельность членов Церкви, любая наука, тем более наука богословская, обретают истинные смысл и значение лишь в церковном служении. «Ancilla Ecclesiae — это настоящее место науки, которое она только и может занимать для человека, сознательно исповедующего свою искреннюю веру в Церковь»¹¹⁶. Причем, вопрос служения принимает форму строгой логической дизъюнкции: «Наука всегда есть ancilla или Христа и Его св. Церкви, или антихриста, ведущего постоянную брань с ненавистной ему Церковью»¹¹⁷.

«Зачем я пришел сюда? куда мне идти? и что мне делать?» — спрашивает в начале своей первой лекции молодой преподаватель и сам же отвечает чуть позже: «Церковное послушание нести в послушании Церкви — вот мой посильный ответ на поставленные в начале лекции вопросы»¹¹⁸. И не только лично решается на это послушание, но, описав вкратце печальное состояние современной ему церковной жизни, призывает и других положить свои силы на защиту Церкви от

наглости ее врагов: «Нужны новые люди, новые воины, не щадящие жизни своей, когда придется бедствовать „за законы отеческие“. Нужны люди, сознательно и убежденно взявшие на себя церковное послушание, церковное служение. Нужны вдохновенные пророки, а не исполнительные чиновники! Нужны... Нужны... А ведь эти „нужны“ направлены к нам, к нашему поколению... Любовь к Церкви, преданность делу церковному, самоотверженное желание служить Церкви до самопожертвования — вот те камни, из которых должна создаваться теперь достойная Церкви ограда от врагов. Этого-то материала и нужно нам запастись как можно больше»¹¹⁹.

Профессор А. И. Сидоров, сопоставляя жизнь архиепископа Илариона с его призывами, пишет: «Сам владыка Иларион запас такого „материала“ предостаточно, став и „строителем новой стены“ Церкви, и „новым воином“, а точнее — одним из „новых полководцев“, храбро ведшим своих воинов на бесчисленные бесовские полчища и, не дрогнув сердцем, положившим живот свой за Матерь-Церковь, и мудрым церковным дидаскалом, и пастырем, напитавшим млеком истинного учения многих чад горнего Иерусалима»¹²⁰.

В июле 1912 года в составе академической группы Владимир Троицкий совершает поездку по странам Западной Европы (Германия, Швейцария, Италия, Франция), наполнившую его множеством разнообразнейших впечатлений: «Могу сказать смело, что этот июль был для меня самым

интересным месяцем из прожитых мною 311 месяцев»¹²¹. Воспоминания об этой поездке легли в основу его «Писем о Западе». Это была его вторая поездка за пределы Отечества.

ЗАЩИТА МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Защита магистерского сочинения В. А. Троицкого по разным причинам неоднократно откладывалась: «С магистерским у меня всё искушения — задерживается и задерживается»¹²². 22 ноября 1912 года на заседании Совета академии были зачитаны отзывы С. С. Глаголева и М. Д. Муретова. Общая оценка обоих рецензентов — в высшей степени положительная. Первый из рецензентов оценил появление магистерского сочинения Вдажимира Троицкого как «праздник богословской науки»¹²³, второй признал «диссертацию В. Троицкого достойною степени не только магистерской, но и докторской»¹²⁴. Столь высокая оценка не стала для диссертанта поводом для гордости и не лишила его способности трезво смотреть на проделанную работу: «Если бы я целиком верил тому, что в этих отзывах писано, то я бы, пожалуй, мог бы нос поднять довольно высоко... Зная свою книгу лучше рецензентов, я ничуть не возгордился». Чувство естественной радости диссертанта вызвано в основном

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ ДОГМАТА

О

ЦЕРКВИ.

*Сергію Николаю Петровичу Савошкину
въ знакъ признанія съ сердечными пожеланіями
подать итти въ печать и издать Церковь
его автора*

ВЛАДИМИРА ТРОИЦКАГО,

и. д. доцента Московской Духовной Академіи.

1912, XII, 6

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1912.

надеждой на скорую защиту: «Только обрадовался, что скоро можно выступить с защитой и потом сдать все дело в архив»¹²⁵.

«Очерки из истории догмата о Церкви» есть не что иное, как все та же защита истинного учения о Церкви от еретических мнений, исходящих из среды инославных сообществ, то есть это апологетика, но апологетика, защищающая от несправедливостей не юридических (как это было в первые века существования христианства), а догматических, пытающихся подорвать доверие людей к самой хранительнице истин веры — Церкви. Поэтому и речь исполняющего должность доцента МДА Владимира Троицкого перед защитой магистерской диссертации озаглавлена им «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры».

На выбор автором темы магистерской диссертации повлияло появление с середины XIX века значительных исторических трудов по исследованию догмата о Церкви протестантских и католических ученых, с одной стороны, и с другой — недостаток серьезных работ на эту тему в православном мире. Отмеченные автором два труда, посвященные этому вопросу, архимандрита (впоследствии епископа) Сильвестра (Малеванского) и профессора Д. Ф. Косицына, на его взгляд, устарели, «да они не совсем соответствовали научному уровню даже и своего времени»¹²⁶.

Главной целью «Очерков...» было «выразить раскрытие церковного самосознания

в древнецерковной письменности и богословской литературе»¹²⁷, подтвердить неизменность православной экклезиологии с древнейших времен в противовес протестантской теории о вытеснении «иерархической Церковью» «Церкви харизматической», а также в обличение некоторых сторон католического учения о Церкви, в частности, догмата о главенстве папы Римского. «Опыт такой апологии и представляет моя книга», — сказал диссертант в конце предваряющей защиту речи¹²⁸.

Основываясь на писаниях святых отцов первых веков существования Церкви, автор исследует святоотеческое понимание существенных свойств Церкви в исторической перспективе и приходит к убеждению, что сама Церковь всегда сознавала свою исключительность, свои единство, святость, соборность и апостольство, свою богочеловеческую природу, чуждость себе всех иных, в том числе и отделившихся от нее сообществ, какими бы ни были причины раскола. А вне Церкви нет ни спасения, ни благодати, ни таинств.

Если же иные церковные писатели (как, например, блаженный Августин) и признавали действительность крещения еретиков, то отмечали бесполезность для спасения этого крещения, если последние не соединятся с Церковью.

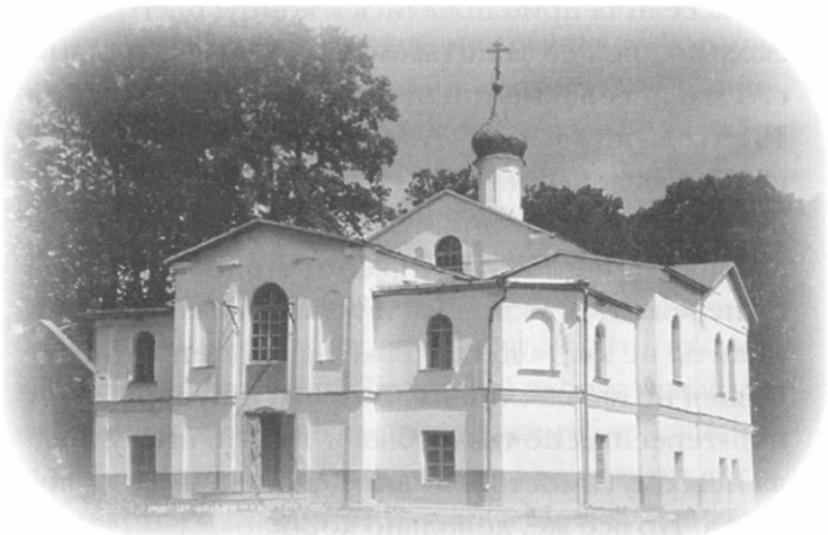
Отделившиеся от Церкви отделяются от единства любви, лишаются жизни, отпадают от Бога, теряют надежду спасения. Именно «любовь соединяла сердца всех воедино»¹²⁹ в древней Церкви

и соединяет всегда. Именно соединение в любви есть тот образ существования, который является непременным признаком Христовой Церкви: «Церковь есть общество верующих в Господа Иисуса Христа Сына Божия людей, возрожденных Им и Духом Святым, соединенных в любви и под непрекращающимся воздействием Святого Духа достигающих совершенства»¹³⁰. А «не имеющий любви — и Бога не имеет. Не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единокорными в Церкви Божией» (сщмч. Киприан Карфагенский)¹³¹.

Это самосознание всегда жило в Церкви, но свое наиболее ясное и определенное выражение получило ко времени священномученика Киприана Карфагенского. И с тех пор «эта мысль была окончательно усвоена и сохранена в церковном сознании. В этом отношении не было уже истории догмата в собственном смысле. Еще св. Киприан... это понятие о Церкви („именно, что Церковь есть Божественное учреждение для нравственного совершенствования людей и что она только одна обладает необходимыми благодатными средствами“) решительно проводил в церковную практику, и после св. Киприана, можно сказать, наступила преимущественно история церковной дисциплины»¹³².

Профессор А. И. Сидоров дал следующую характеристику магистерской работе Владимира Троицкого: «Если предпринять дерзновенную попытку дать ей оценку, то можно, наверное, сказать, что в нашей богословской науке эта

монография представляет собой наиболее серьезный и основательный опыт изучения древнехристианской экклезиологии в наиболее существенных моментах ее развития. Написанная тогда еще очень молодым человеком Владимиром Троицким, она поражает своей богословской и научной зрелостью, глубинным знанием источников, особенно святоотеческих творений и вообще памятников древнецерковной письменности, изящной техникой их анализа и верностью догматической интуиции. Все это делает данную монографию не только заметным явлением в православной историко-догматической науке, но и классическим трудом в русской патрологической науке»¹³³.

Параклитова пустынь Троице-Сергиевой лавры – место монашеского пострига священномученика Илариона

Прежде защиты соискателю магистерской степени пришлось пережить еще одно, последнее, испытание. На следующий день после чтения в Совете МДА отзывов рецензентов, то есть 23 ноября 1912 года, Святейший Синод назначает митрополита Московского и будущего священномученика Владимира (Богоявленского) митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским. Без подписи правящего архиерея журнала с отзывами о научном сочинении нельзя проводить защиту диссертации. Неопределенность ввергает диссертанта в плачевное состояние: «Хотел бы речь для защиты написать – не могу! Руки не поднимаются! Какая-то апатия, какая-то лень безотрадная!»¹³⁴

Все же магистерские «мытарства» Владимира Алексеевича приближались к концу. Всего за несколько дней до защиты ему было объявлено, что его магистерский диспут состоится 11 декабря 1912 года в 11 часов: «А у меня ни речи, ни гости не приглашены, ни обед не приготовлен»¹³⁵. Диспут прошел спокойно и закончился благополучно, если не считать того факта, что у диссертанта от пережитых волнений и усталости ко времени защиты не хватало сил даже на эмоции: «Диспут вышел не из блестящих. Возражений серьезных и интересных почти не было. Только всех удивила невозмутимость и полное спокойствие диссертанта. Но все же, довольно хорошо»¹³⁶.

Указом Святейшего Синода от 16 января 1913 года Владимир Троицкий был утвержден в степени магистра богословия и в должности

доцента Московской духовной академии¹³⁷. За лучшее магистерское сочинение 1912/13 учебного года Владимиру Алексеевичу Троицкому была присуждена премия митрополита Московского Макария размером 289 рублей¹³⁸.

МОНАШЕСТВО

Весной 1913 года Владимир Троицкий решает принять монашество¹³⁹. Товарищ Владимира Алексеевича инспектор Мариинского епархиального училища священник Г. И. Добро- нравов писал, что «монашество давно уже представлялось Владимиру Алексеевичу наиболее соответствующей его душевному складу формой жизни. Давно уже он любил предаваться иноческим подвигам, давно влекли его к себе св. обители, особенно пустынножительные. В его представлении... академическое делание на скамье ли студента или на кафедре профессора понималось как одно из монастырских послушаний»¹⁴⁰.

Тем не менее не исключено, что почти до самого пострига Владимир Троицкий окончательно не отвергал для себя возможности семейной жизни. Из его писем 1912 года мы узнаем, что он договаривается о свидании¹⁴¹, едет в Москву «на день рождения одной хорошенькой дамы»¹⁴², и даже в феврале 1913 года посещает Художественный театр «с одной дамой»¹⁴³. Впрочем, такого рода

*Архимандрит Иларион (Троицкий) – инспектор
Московской духовной академии*

события воспринимаются молодым богословом как некие акциденции, смешные случайности, о которых нельзя вспоминать без иронии. Ко времени пострига он ясно осознавал, что семейная жизнь — не его путь: «Что-то для меня женская половина вовсе как бы не существует... Существует для меня только Лавра и академия, и я существую для академии»¹⁴⁴. Выбор монашеского пути стал естественным следствием внутреннего состояния Владимира Алексеевича: «Нужно вам только сказать, что от всякого общества я отстал. В себя входить стал»¹⁴⁵.

28 марта 1913 года в лаврском скиту Параклит после малого славословия на великопостной утрени, под аккомпанемент первой весенней грозы, совершилось чудесное превращение Владимира Алексеевича в монаха Илариона, получившего свое новое имя в честь преподобного Илариона Нового, игумена Пеликитского. В постригаемом не видно и тени сомнения в своем выборе. Он «твердым голосом давал ответы на предлагаемые ему вопросы и произносил священные обеты»¹⁴⁶.

Ректор МДА епископ Феодор (Поздеевский) в слове наставления сказал новопостриженному: «Я знаю и не хочу скрывать сейчас, в чем твоя жертва Христу. Ты искушался и, быть может, теперь еще искушаешься любовью к той школе, которой ты служишь, и чувством опасения, как бы иночество не лишило тебя этой школы»¹⁴⁷.

Научную богословскую деятельность Владимир Троицкий воспринимал как форму служения Церкви. Своим постригом он явил готовность

послужить Матери Церкви на том месте, где это будет более полезно самой Церкви, даже если для этого ему придется отказаться от своего любимого рода деятельности, то есть от науки. Но опасения пока не сбываются. Облекшийся «ангельским чином» через сугубое служение Церкви отдает себя Богу. Господь оставляет ему академию. Дальнейшие исторические события показали промыслительное значение этого непростого для молодого богослова решения.

После пострига отец Иларион переживает небывалый с ним прежде духовный подъем, который служит уверением в правильности сделанного выбора: «Что я пережил, не умею рассказать, но после почувствовал себя помолодевшим, совсем мальчиком. В духовной радости пробыл 5 дней в храме... В прошедшие дни моего монашества я переживал преимущественно чувство радости и душевного мира... Да, дела прежние, но чувствуется значительная перемена в себе самом. Хочется верить, что это действие особой благодати, даруемой монаху... А стоит только сознаться: „ведь не одна же форма жизни должна быть для всех“. Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалейте, а сорадуйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый»¹⁴⁸.

11 апреля 1913 года, в Великий Четверг, монах Иларион рукополагается во иеродиакона и остается все в том же мирно-радостном настроении: «Продолжаю до сего времени пребывать

в мире и радости. Утром отслужишь обедню, приобщись — так это на душе хорошо. Дома ждет дело, но дела все мои интересные, а не житейские заботы... Слава Богу! Дожил до мира и покоя. Бесу и то доступу мало. Прямо чувствуешь, что после службы он боится близко подойти — обжигается. А нам того только и требуется»¹⁴⁹.

АРХИМАНДРИТ И ИНСПЕКТОР АКАДЕМИИ

Впрочем, благодатно-радостное состояние монаха и иеродиакона Илариона продолжалось не более двух месяцев, а именно до 30 мая, когда стало известно о его назначении на должность инспектора МДА с возведением в сан архимандрита. Настроение его теперь выглядит разительным контрастом недавней мирной радости и близко к унынию: «Сейчас чувствую больше всего одно: совершенно выбит из колеи, разрушены до основания мои планы и намерения относительно ближайшего будущего, а оно у меня намечено было на целые годы. Настроение подавленное... Летом, по крайней мере, июль весь, придется сидеть в академии: буду я в своей особе совмещать и ректора, и инспектора, и помощника инспектора»¹⁵⁰.

Впрочем, отец Иларион мужественно переносит крушение своих надежд и планов, главные из которых, без сомненья, были связаны

с его научной деятельностью. Это новое нелегкое и нежеланное для него церковное послушание он принимает с достойным подражания смирением: «Роптать не ропщу, потому что монах — церковная вещь. Личной жизни у него нет — один. Куда поставят, — берись и работай. Три года уж каникул у меня не было, на нынешние было рассчитывал, но вышло не по-моему. Слава Богу за все!»¹⁵¹

2 июня того же года Иларион — иеромонах, 5 июля — архимандрит. Новый 1913/1914 учебный год он начинает в должности инспектора академии. 5 ноября 1913 года на заседании Совета академии архимандрит Иларион единогласно избирается штатным экстраординарным профессором МДА¹⁵². С этого времени начинается в жизни отца Илариона пятилетний период его инспекторства в МДА, период, насыщенный разнообразными событиями, оставляющими инспектору немало возможностей для научных занятий.

Совершение богослужений, подготовка и чтение лекций, рецензирование учебных и научных сочинений, прием экзаменов, чтение и рецензирование сочинений (от семестровых до докторских), участие в заседаниях Совета академии, в различных академических актах и мероприятиях, написание и публикация статей в церковных журналах — вот неполный перечень действий и событий, наполняющих жизнь архимандрита Илариона. В 1911 году, еще в свою бытность Владимиром Алексеевичем, он читал лекции по Новому Завету на Женских курсах протоиерея Иоанна

Восторгова¹⁵³, в 1912 году Общество любителей духовного просвещения избрало его в действительные члены и поручило «на годичном собрании сказать вроде как бы „актовую речь“»¹⁵⁴. В 1914 году отец Иларион читал лекцию (вероятно, не одну) в общине великой княгини Елизаветы Федоровны¹⁵⁵, в 1916 году присутствовал там же на молебне перед началом чтений (а может, и совершал его)¹⁵⁶, в октябре 1916 года читал доклад в Епархиальном доме¹⁵⁷ и публичную лекцию с благотворительной целью по просьбе студентов академии¹⁵⁸. Время от времени он служит в московских храмах¹⁵⁹.

Еще во времена студенчества и магистратуры отец Иларион заведовал издательским отделом Пастырско-просветительского братства при МДА, занимался изданием и распространением листков духовно-нравственного содержания для народа, участвовал в студенческой опеке школы-приюта для детей. В 1914 году он участвует в составлении и издании двадцати четырех полемических листков против унии. 15 октября 1915 года архимандрит Иларион избирается в состав академической библиотечной комиссии сроком на пять лет¹⁶⁰. Уже на закате существования академии он председательствует на совещаниях «представителей Русской Церкви с католическими духовными лицами»¹⁶¹.

Много времени, сил и внимания требовала от инспектора МДА забота о духовно-нравственном состоянии учащихся, которое нередко оставляло

желать лучшего: «У меня тоже есть „мальчики“, с которыми беда: один запьет, другой буянит, один даже отравиться вздумал. Почему? Не говорит. „Через любовь“, должно быть. Редко день пройдет без какой-нибудь доуки»¹⁶².

Случались и совершенно внеплановые нагрузки. Так, в марте 1914 года Святейший Синод озадачил академического инспектора, который и без того не знал, «как справиться с академическими делами», поручением «увещания афонских монахов»¹⁶³, переселенных в Россию из-за споров о почитании имени Божия. Поручение это требовало специальных знаний, на приобретение которых архимандрит Иларион потратил немало времени¹⁶⁴. И хотя позже оно было отменено, академические дела отца инспектора пришли в запустение: «Возможно, что тревога была у меня напрасно, — вспоминал он о миновавшей „грозе“, — но она была, и времени у меня пропало много. Ведь до июня чуть больше месяца, а остается прочитывать 44 семестровых сочинения (прочитал на этой неделе восемь!), 5 кандидатских, еще 8 экзаменов, а праздники, службы»¹⁶⁵.

По должности отцу Илариону порой придется предпринимать поездки для решения академических вопросов с церковными и светскими властями. К примеру, в сентябре 1916 года он едет с этой целью в столицу: «У меня была интересная поездка с 20 по 25 сентября в Петроград по академическим делам, — пишет он родне. — Впервые выходил в официальный мир, например,

в синодальный. Со всеми почти чинами познакомился... Бывал и у светских (впрочем, и в Синоде все светские!) до Штюрмера¹⁶⁶ включительно. Кое-какия дела устроили, другия столкнули с мертвой точки. Пробыл 4ро суток и все время был очень занят»¹⁶⁷. Столичная жизнь не прельщает отца инспектора, ему привычней в провинции, в академии, на своей «малой родине»: «А все-таки хорошо в посаде, подальше от всех этих господ, подальше от всяких движений, слухов и т. д.»¹⁶⁸

Кроме посторонних приключений у отца инспектора еще ежедневно стечение людей (2 Кор. 11, 28): «Ты читать, а тут кто-нибудь придет по делу или без дела, ты читать, а тут гости и т. д.»¹⁶⁹ Для того чтобы хоть как-то справляться с делами, приходится сокращать сон: «Знаешь, — пишет он своему родственнику, — замечаю, что обучился в сутки спать часов по 5–6 не больше, только все ломает всего как-то»¹⁷⁰. «Живу и не вижу ни дней, ни ночей»¹⁷¹, — так архимандрит Иларион определяет напряженный характер своей деятельности.

И праздники вместо отдохновения несут дополнительную нагрузку: «Ну, в нашем положении приятнее, когда праздник окончится, а самый праздник ярмарка самая разнообразная: и митрополит, и акт, и гости академические, гости личные — и все это в куче»¹⁷².

Даже болезнь не всегда дает возможность отступить от обычного графика: «В нынешнем году еще прибавилось искушение особенное, — пишет он в октябре 1916 года. — Накануне где-то

жестоко простудился. Покров и служил, и праздновал в тумане. Ночь с 1-го на 2-е провел в бредовом состоянии, а на утро служил. Днем была слабость и меланхолия. Только утром третьего почувствовал себя и здоровым и свободным: на душе настал праздник»¹⁷³.

Неудивительно, что уже в первые месяцы такой напряженной жизни архимандрит Иларион, несмотря на природное здоровье, начинает испытывать переутомление: «Хуже всего, что расстроился физически и нервно: потерял сон и аппетит»¹⁷⁴. Весной 1914 года в письме к двоюродной сестре он признается: «Опять я затрепался и вот уже в третий раз за этот год чувствую переутомление»¹⁷⁵.

«ВОИН ХРИСТОВ ИЛАРИОН»

Важно отметить, что бодрость духа, всегда присущая отцу Илариону, не оставляет его и в этих сложных обстоятельствах: «Только из моего повествования вы не выводите заключения о моих злоключениях. Все приемлю с радостью. На это именно и шел, и встречаю, так сказать, уже знакомое»¹⁷⁶. В письмах его можно найти лишь скорбь о недостатке в его жизни собственно монашеского делания: «Скоро год будет моему монашеству. Хорошая вещь монашество, но оно

прошло мимо меня почти мельком. Беда моя вся в том, что у меня нет одиночества, а без одиночества мне жить трудно, теряется покой»¹⁷⁷. К этому примешивается печаль об отдалении от научной работы: «Когда был год моему монашеству, подвел итог, довольно плачевный. В науке застой, ...грехов всяких чуть разве поменьше прежнего, а душевного покоя совсем незаметно»¹⁷⁸.

Хотя рутина административных дел, связанных с инспекторской должностью, вскоре принесла отцу Илариону немало скорбных чувств, но в дальнейшем, даже в советских концлагерях и казематах, до последних дней жизни он не терял своей светлой веселости, той внутренней радости, которую испытал при постриге. Это постоянство — знак погруженности в духовную неизменную реальность, то Царство Небесное, которое и есть Церковь.

По слову святителя Феофана Затворника: «Научность всякая есть холодильник. Не исключается из сего даже и богословская наука»¹⁷⁹. Архимандрит Иларион смог избежать этих «побочных эффектов» научной деятельности и в силу своей природной живости и глубокого знания писаний святых отцов сумел сохранить и возрастить в себе теплоту веры и искренность в отношениях с окружающими. Его цельность, добросердечность, простота и целеустремленность могли увлечь многих, а соединенные с глубоким и некичливым умом, делали его весьма популярным в студенческой среде.

Вот как вспоминал о молодом архимандрите один из бывших студентов МДА С. А. Волков: «Высокий и стройный, с очень умеренной и пропорциональной полнотой, с ясным и прекрасным взглядом голубых глаз (он был немного близорук, но никогда не пользовался очками), всегда смотревший уверенно и прямо, с высоким лбом и небольшой окладистой русой бородой, звучным голосом и отчетливым произношением, он производил обаятельное впечатление. Им нельзя было не любоваться... Пожалуй, целостность и была главной чертой его личности. Этот смелый, исключительно талантливый человек все воспринимал творчески... Иларион благодатно влиял на меня своей личностью — прямоотой, властностью в отстаивании убеждений, восторженностью совершаемого им богослужения, энергией и жизнерадостностью... У него самого была поразительная восторженность и любовь ко всему, что было ему дорого и близко — к Церкви, к России, к академии, и этой бодростью он заражал, бодрял и укреплял окружающих»¹⁸⁰.

Широкие знания, глубокий ум, высокие чувства, твердая воля не могли не притягивать к нему людей, а добрые свойства его души, можно предположить, приводили к тому, что отец Иларион не только понимал умом значение существенных свойств Церкви, но и переживал это сердцем.

Утвержденность в святоотеческих поучениях, кроме общего впечатления от его личности,

проявлялась порой и в высказываниях отца Илариона. «Иларион любил говорить, что насколько христианин должен осознавать свои грехи и скорбеть о них, настолько же он должен радоваться бесконечной милости и благодати Божией и никогда не сомневаться и не отчаиваться в своем жизненном подвиге»¹⁸¹

В приведенном высказывании можно увидеть одну из важнейших мыслей святоотеческой аскетики о спасении через добродетель смирения, которая заключается в том, чтобы «ставить себя ниже бессловесных и знать, что они не подлежат осуждению» (авва Пимен)¹⁸². Оно также напоминает Божественный совет, услышанный в своем сердце современником архимандрита Илариона, насельником Афонской Горы, преподобным Силуаном: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся»¹⁸³. Упомянутая фраза несколько приоткрывает нам духовные основы видимых добродетелей архимандрита Илариона.

ЦЕРКОВЬ И НАУКА

Бездумное, по большей части, преклонение современного мира перед наукой, забвение религиозных основ жизни, пренебрежение к вере и Церкви вызывали в нем чувство крайней обеспокоенности, которое облекается в слова во вступительной академической лекции

архимандрита Илариона в сентябре 1913 года «Наука и жизнь».

Наука бессильна в главных вопросах человеческого бытия и бессмысленна, если она отрывается от своих религиозных корней. Богословская же наука такая же наука, «как и все прочие, — только она более жизненна, чем другие науки, потому что ее предмет — не мелочи жизни, а самое существо жизни»¹⁸⁴. Но эту жизненность, этот смысл науке может дать не просто религиозное сознание, не просто некая абстрактная вера в Бога, но вера истинная, соблюдаемая в Церкви.

Отец Иларион сменил чин человеческий, мирской на духовный, ангельский, но в главной идее своей жизни он остался верен, тождествен себе: «Я полагаю, что для сознательного христианина может быть лишь один взгляд не только на богословскую науку, но и на всякую науку и на все отрасли жизни и деятельности земной: все имеет смысл лишь постольку, поскольку служит Церкви, то есть совершенствованию человечества».

Прогресс науки не есть прогресс в собственном смысле, но лишь некое его подобие, потому что изменяет не природу, а формы предметов, и «только в Церкви возможна та новая жизнь, ради которой Божий Сын приходил на грешную землю, и только в Церкви возможен истинный прогресс». Поэтому и «передовой человек только тот, кто всецело живет жизнью Церкви»¹⁸⁵.

ЦЕРКОВЬ И ИНОСЛАВИЕ

Не только обмирщение, светскость сознания соблазняет человека и сбивает его с истинного пути, но и ложные представления о Боге и о путях спасения, искажение и забвение истин веры. И трудно сказать, что хуже. «Побежишь от волка — нападешь на медведя»¹⁸⁶, говорил старец Амвросий Оптинский. Ученый диакон Епифаний Катанский на VII Вселенском Соборе обратился к святителю Тарасию, патриарху Константинопольскому, с вопросом о ереси иконоборчества. Он спрашивал: «Вновь появившаяся ныне ересь менее прежде бывших или больше их (пагубна)?» Святейший патриарх Тарасий сказал: «Зло так зло и есть, особенно в делах церковных; что касается догматов, то погрешить ли в малом или в великом, это все равно; потому что в том и другом случае нарушается закон Божий»¹⁸⁷.

Именно так воспринимал архимандрит Иларион инославные конфессии. Их онтологическая чуждость православию, на его взгляд, такова, что он не представлял возможным даже именовать их церквями.

«Появилось несколько церквей, — недоумевал он, — православная, католическая, даже протестантская, англиканская и т. д., хотя, казалось бы, должно быть ясно, что у Одного Главного может быть лишь одно тело»¹⁸⁸. Даже антонимом термина «католический» он ставит не «православный», а «церковный», видимо, чтобы подчеркнуть «существенное отличие

католической жизни от жизни церковной»¹⁸⁹, так как для него существует одно богочеловеческое общество, собственное имя которого — «Церковь».

Теме отличия Церкви от обществ земных, человеческих, хотя и имеющих веру во Христа, а именно от римо-католичества и протестантизма, посвятил архимандрит Иларион две свои работы, опубликованные в 1913 и 1914 годах.

ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО

В работе «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» он делает попытку показать отличие католичества от Церкви не на основе разногласий догматического характера, для многих непонятных, а в самой жизни. Для этого отец Иларион избирает путь сравнения отношения к покаянию и самого характера покаяния в римо-католической и православной традициях, поскольку «покаяние — сущность христианской жизни»¹⁹⁰. Для этой цели архимандрит Иларион производит сравнительный анализ восточных и западных дисциплинарных правил, касающихся покаяния, от древних до современных, что приводит его к следующему выводу: «В православной Церкви покаяние — лечебница, из которой люди выходят со светлым, озаренным надеждой

лицом, потому что в руках они несут лекарства для врачевания их тяжелых и гнетущих совесть греховных недугов.

В католичестве покаяние — судилище, из которого обвиненные и приговоренные к тяжелым наказаниям преступники выходят мрачные и подавленные беспощадностью правосудия. Хорошо еще, что от наказания можно откупиться; иначе нет надежды на спасение, потому что вполне удовлетворить разгневанного Господина невозможно»¹⁹¹.

Этот печальный вывод, представляющий западное отношение к Богу как к неумолимому Судии, удовлетворяющемуся лишь карательными мерами, ставит католичество на ступень низшую, чем та, на которой находилось общество ветхозаветное, знакомое с понятием о Божиим милосердии. Поэтому вывод автора о том, что «католичество... не дает человеку подняться выше первой ступени — рабства... а Церковь возводит своего члена на ступень сына», представляется слишком мягким в отношении к католичеству, так как «раб Божий» — это положительная характеристика, хотя и говорит о несовершенстве.

Впрочем, в заключении работы автор поясняет, что католическое «рабство» остается вне Церкви, «отступив от которой, Западная Европа потеряла просвещающую всякого человека благодать Божественного Духа». Между тем как раньше, так и теперь «Церковь — столп и утверждение истины, а вне ее одно земное мудрование, часто враждующее против мысли Божественной»¹⁹².

ПРАВОСЛАВИЕ И ПРОТЕСТАНТИЗМ

В работе «Священное Писание и Церковь» Отец Иларион расширяет мысли о соотношении Священного Писания и Церкви, знакомые нам по его пробной лекции 1911 года, и вскрывает необоснованность одного из основных принципов протестантизма — «только Писание».

В работах архимандрита Илариона протестантство выглядит еще печальней, чем католичество. Здесь чуждость Церкви переходит уже в соработничество диаволу, как это выразил автор словами преподобного Викентия Лиринского: «Когда увидим, что некоторые приводят изречения пророческие и апостольские в опровержение вселенской веры (равно говорят о противоречии между Церковью и Священным Писанием), мы не должны сомневаться в том, что устами их говорит диавол»¹⁹³.

Антипротестантскую полемику автор строит на следующих мыслях: «Христос не писал... Он и приходил на землю вовсе не затем, чтобы писать... Христос создал Церковь. Церковь существовала и тогда, когда ни одной книги Священного Писания Нового Завета не было. Очевидно, книги Священного Писания не составляют сущности христианства, потому что самое христианство не есть учение, а есть *новая жизнь*, создаваемая в человечестве Духом Святым на основе

воплощения Сына Божия. А потому не будет дерзостью сказать, что не Священным Писанием, как книгой, спасается человек, а благодатию Духа Святого, живущего в Церкви... Благодатная сила Духа Святого действует в Церкви многообразно: в таинствах и священнодействиях Церкви, в общей молитве и общей любви, в церковных служениях; как богодухновенное Слово Божие действует она и через книги Священного Писания»¹⁹⁴.

Здесь становится особенно ясно, что для архимандрита Илариона учение о Церкви есть не столько раздел богословия, сколько первичный принцип, квинтэссенция, необходимейшее условие богословия, поскольку Церковь — это организм богочеловеческий, в котором человек, созданный по образу Божию, восстанавливая природное единство, уподобляется Святой Троице и становится богом по благодати. Церковь, *как полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23), раскрывается не только как хранительница Откровения, Священного Предания, но и как само Священное Предание, потому что основана и передана нам Сыном Божиим, и — как само Откровение, потому что только в ней и через нее Бог открывается нам в Своих благодатных энергиях.

Понимание этого значения учения о Церкви для владыки Илариона открывает основы его непоколебимой твердости в бушующем море расколов во времена большевистских гонений на Церковь.

Священное Писание же по архимандриту Илариону «есть неприкосновенная и неотчуждаемая собственность Церкви как одно из проявлений ее жизни»¹⁹⁵. Такой взгляд на Священное Писание близок воззрениям преподобного Силуана Афонского, которые восприняты современным православным богословием. «Предание, — писал старец Силуан, — объемлет собой всю жизнь Церкви настолько, что и самое Священное Писание является лишь одною из форм его»¹⁹⁶.

В отношении же протестантизма автор делает следующий вывод: «Внецерковное отношение к Писанию неизбежно приводит к абсурду и потере Самого Священного Писания», так как делает невозможным критерии истинности 1) толкования, 2) апостольской передачи учения Христова, 3) выбора канона священных книг¹⁹⁷. Из этого выводится уже знакомое нам заключение: «Вне Церкви Священного Писания и нет, и быть не может»¹⁹⁸.

ЦЕРКОВЬ И БОГОВОПЛОЩЕНИЕ

Работа «Краеугольный камень Церкви», опубликованная также в 1914 году, направлена по большей части против рационалистического сознания, проникающего в школьное богословие, которое подпадает «упреку св. Иринея Лионского,

*Ректор Московской духовной академии
епископ Феодор (Поздеевский)*

упреку в маловерии, потому что оно не ставит во главу угла истины воплощения Сына Божия, и этой истины не соединяет с истиной Церкви, как это должно быть по слову Самого Господа»¹⁹⁹.

Рассматривая смысл, который видели святые отцы в исповедании апостола Петра и в ответе Спасителя (см. Мф. 16, 15–19), архимандрит Иларион показывает непосредственную связь Воплощения Сына Божия и основания Церкви. Само Воплощение Христово, Сам Бог воплотившийся есть основание, «краеугольный камень Церкви», и, прежде всего, именно на этом факте основываются надежда и возможность наших спасения и обожения. Косвенно автор указывает, что не в примате папы главный принцип единства Церкви, но в единении тела Христова со своей Главой.

Таким образом, «начало спасения человеческого естества и основания Церкви», которое непосредственно с ним связано, положено не учением, не нравственным примером Иисуса Христа, но — «самим фактом воплощения и во-человечения второй Ипостаси Пресвятой Троицы»²⁰⁰. Тема Боговоплощения в экклезиологии архиепископа Илариона относится к основным. Ей посвящены также работы «Воплощение и Церковь», «Вифлеем и Голгофа» и другие.

Как мы видим, опровержению заблуждений католицизма, протестантизма и гуманизма, этих трех рационалистических направлений внецерковной религиозной жизни, архимандрит

Иларион уделяет особое внимание, как имевших наибольшее влияние на взгляды его современников.

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ БЕЗ ЧЕЛОВЕКОУГОДИЯ

В период своего инспекторства архимандрит Иларион поддерживает дружеские отношения с архиереями, ставшими после революции во главе различных церковных и антицерковных движений. Среди них – архиепископ Антоний (Храповицкий), впоследствии глава РПЦЗ, епископ Феодор (Поздеевский), в 1920-е годы лидер умеренной церковной оппозиции, настоятель Свято-Даниловского монастыря и епископ Евдоким (Мещерский), в будущем председатель обновленческих ВЦС и Синода (все трое побывали в должности ректора МДА). Архимандрит Иларион был в дружбе и с другими иерархами, из которых многие впоследствии окончили жизнь мученическим подвигом. Он был в дружеских отношениях, к примеру, с архиепископами Прокопием (Титовым) («Ведь он мой приятель»²⁰¹), Иувеналием (Масловским) («Это святой ангел!»²⁰²), Петром (Зверевым) и со многими другими будущими священномучениками. Но на примере дружбы с тремя вышеназванными иерархами хотелось бы показать два ценных душевных

качества отца Илариона, редко соединяющихся в одном человеке. С одной стороны, это открытость и дружелюбие в отношениях практически со всеми людьми. С другой – самостоятельность мышления, независимость и твердость в отстаивании собственной позиции. Эту черту характера владыки Илариона можно определить как доброжелательность (или человеколюбие) без человекоугодия.

С митрополитом Антонием архимандрит Иларион познакомился еще в бытность свою Владимиром Троицким и с тех пор поддерживал с владыкой Антонием теплые, дружеские отношения. Вероятно, высокопреосвященный Антоний в какой-то степени повлиял на решение Владимира Троицкого принять монашество. Последний так вспоминал о своей беседе с архиепископом Антонием Волынским на праздник Покрова 1912 года: «„Все еще рябчиком ходишь?“ – встретил меня святитель. Обо многом поговорили и вообще весьма утешился»²⁰³. Будучи инспектором МДА, архимандрит Иларион отзывался о своем старшем товарище-архиерее как о «глубокочтимом святителе»²⁰⁴, который «неустанно ратует за очищение нашего богословия от католической схоластики»²⁰⁵.

Тем не менее дружба и взаимоуважение обоих иерархов вполне уживались в них с самостоятельностью богословской мысли. Что касается научной ценности богословских рассуждений митрополита Антония, то архиепископ Иларион высказывался о ней критически. По воспоминаниям

С. Волкова, «знаменитый в те годы ученый архиепископ Антоний (Храповицкий) отозвался о работе Флоренского достаточно резко, сказав: „Или я уже ничего больше не смыслю в философии, или это просто хлыстовский бред!“ На это инспектор МДА заметил, что он „готов согласиться только с первой половиной его суждения, поскольку, занятый делами церковного управления и общественности, Антоний порядком поотстал от философии и недооценивает ее новейших направлений“»²⁰⁶.

Не менее добрые отношения сложились у инспектора академии с ректором МДА епископом Феодором (Поздеевским): «Рад я чрезвычайно, — писал он в первые месяцы своего инспекторства, — и радости не скрываю своей — тому, что преосвященный Феодор относится ко мне очень хорошо. Не ругает, даже когда следует. Отношения наши чрезвычайно просты: таких отношений между ректором и инспектором в Моск. академии давно не было, я не помню»²⁰⁷.

В 1915 году архимандрит Иларион встает на защиту ученого монашества в ответ на появление «Записки думского духовенства», о чем будет подробнее сказано ниже. Без сомнения, такого рода действия инспектора МДА приветствовались ректором академии епископом Феодором, известным апологетом монашества.

Тем не менее в защите монашества архимандрит Иларион сохраняет умеренную позицию, и когда на Всероссийском съезде ученого

монашества, проходившем под фактическим председательством епископа Феодора, был поднят вопрос о создании «монашеской» академии, архимандрит Иларион вместе с иеромонахом Варфоломеем (Ремовым) воспротивился этой идее, объясняя свою позицию тем, что «ученое монашество в настоящее время, в общем, не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения»²⁰⁸.

Также дружен был архимандрит Иларион и с епископом Евдокимом (Мещерским), ректором МДА в годы студенчества в ней Владимира Троицкого. Поддерживал он эти отношения и позже. Например, в июне 1912 года, проведя в Туле два с половиной дня, Владимир Алексеевич «мало кого видел, так как сидел почти все время» у преосвященного Евдокима, в те годы — епископа Каширского, викария Тульского архиерея²⁰⁹. Но это не помешало архиепископу Илариону (Троицкому) в 1923 году вести борьбу с обновленческим расколом, активным деятелем которого в то время стал архиепископ Евдоким (Мещерский).

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Несмотря на все старания отца Илариона и подобных ему, призывавших русский народ опомниться, вернуться к своим истокам, к вере отцов, сплотившей разрозненные племена

на в единый народ, а значит, просто вернуться в Церковь — и в уме, и на деле, — призывы эти были услышаны немногими и уже не могли остановить всеобщего отступления.

И вот в 1914 году начали сбываться тяжелые предчувствия. Пришла война. Архимандрит Иларион воспринимает ее как вразумление заблудившемуся русскому обществу, как возможность искупления отхода от Церкви грехами и ересями. Проповеди его обретают особую силу и проникновенность: «Православные русские люди!.. Пробил грозный час суда над Русской землей. За последние десять лет мы все немало нагршили. Мы, русские люди, допустили в нашей родной земле распространиться неверию. У нас небывалое прежде развращение нравов. Мы, русские люди, грешны пред нашей славной историей. Мы грешны перед памятью и заветами наших предков. Мы грешны пред нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Разучились любить царя и родину. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и превозносить все чужое. Пришел час искупить пред Богом наши народные вины, наши народные грехи»²¹⁰.

Начавшаяся война овладевает мыслями и чувствами архимандрита Илариона: «Во-первых, как-то душа не лежит к занятиям, — писал он в октябре 1914 года. — Это благодаря войне. Первое время ужасно много газет читал. Чуть не целыми днями. Теперь много сбавил, больше

читаю то, что крупным напечатано»²¹¹. Теперь тема войны звучит в его проповедях, речах и даже в лекциях.

ПРОГРЕСС И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Во вступительной лекции «Прогресс и преобразование», прочитанной 3 сентября 1914 года в академической аудитории, архимандрит Иларион делает попытку анализа глубинных, онтологических причин этой войны, ее для многих неясного, но главного духовного смысла.

Война эта, по мнению лектора, не есть какая-то досадная нелепость, случайность, которой могло не быть. Она не есть даже просто война государств, наций за некоторые политические, экономические, географические и тому подобные преимущества. Это — война двух идеологий, двух мировоззрений, мироощущений, а если точнее — двух образов существования, антиномичность, противонаправленность которых делает войну между ними естественным следствием конфликта, не разрешимого никакими мирными способами. Имя одного из этих образов существования — прогресс, другого — преобразование. Наиболее яркие представители: первого — Германия, второго — Россия.

Прогресс есть лишь «приспособление к человеческой жизни общего принципа эволюции,

а эволюционная теория есть узаконение борьбы за существование»²¹². Наиболее последовательный выразитель теории эволюции и прогресса — Ницше. Цель развития человечества — сверхчеловек. «Сверхчеловек должен навсегда порвать с христианскими добродетелями; для него они — порок и гибель». Главная добродетель — сила. Использование других, которые послабее, даже ценой их гибели для достижения своих «высших» целей — вот главный закон и основная добродетель прогресса. «Перенесите вы эти слова в политику, и вы получите политику Германии... Даже на большие народы, даже на русский народ германцы готовы смотреть как на навоз для удобрения той почвы, на которой должен расти и процветать германский культурный прогресс»²¹³. Отсюда и «война — это лучший показатель внутреннего существа культурного прогресса», и «это самопроклятие прогресса». Поэтому считающей себя христианской, но давно отпавшей от Христовой Церкви германской нации гораздо ближе турки-магометане, чем православные русские. Ближе, так как выгодней. Выгода — идол культурного прогресса, который «для своего процветания непременно требует полного пред ним рабства со стороны человеческого общества»²¹⁴.

Для славянского же православного мира, и в частности для России, не существует идолов, но существует идеал. Это — «религиозный идеал православия», который «есть не прогресс, но преобразование»²¹⁵. Русский характер, сложившийся

под влиянием Церкви, никогда не мог серьезно мыслить о земных достижениях, которые подразумеваются под словом прогресс, как о безусловных ценностях. «Вся культурная и политическая деятельность русскому кажется только поделием, на которое грешно отдавать свою душу целиком»²¹⁶. Не к сытому самодовольству стремится православная душа, но к спасению через преобразование человеческой природы, через обожение, возможное только в Церкви. Единение с Богом, требующее отказа от поклонения идолу прогресса, — вот идеал русского народа.

«Вступая во второе столетие родной и дорогой академии, — заканчивал инспектор академии свою лекцию, — будем каждый иметь в качестве руководящего светоча наш русский идеал преобразования, чтобы, когда придет время трудиться на ниве народной, не подавать жесткого европейского камня тому, кто просит настоящего русского хлеба»²¹⁷. «Концепция архимандрита Илариона была положительно встречена в среде богоискательской интеллигенции»²¹⁸.

Впрочем, несмотря на столь горячую патристическую настроенность, архимандрит Иларион не теряет способности рассуждения. Само академическое служение он представляет как участие в военных действиях на идейном фронте и переход с этого фронта в действующую армию воспринимает хотя и не как дезертирство, но, по крайней мере, как неоправданное понижение уровня борьбы против общего врага.

БОРЬБА С СЕКТАНТСТВОМ, «НЕМЕЦКОЮ ВЕРОЮ»

Когда в марте 1915 года и. д. доцента академии по кафедре истории и обличения русского сектантства А. В. Ремезов подал в Совет академии прошение о предоставлении ему отпуска с целью поступления в действующую армию, архимандрит Иларион представил Совету свое «особое мнение». «Меня нимало не смущает возможность упрека в недостатке патриотизма, — начинает он свою речь, выразившую мнение меньшинства членов Совета МДА, — так как иногда, по моему мнению, именно долг патриотизма требует оставаться на своем месте и заниматься своим прямым делом, на которое поставлен и к которому приготовлен... Я плохо верю в возможность быстрого превращения сектоведа в хорошего инженера... А между тем, борьба с немцами идет не только на поле брани, идет она и в торговле, и в промышленности, и в науке. Борьба с сектантством, с этою „немецкою верою“, есть борьба с тем же вражеским духом и с вражеской мыслью. Эта борьба есть прямая обязанность г. Ремезова, и при исполнении этой обязанности он, несомненно, может быть более полезен, как имеющий уже подготовку своим образованием»²¹⁹.

История подтвердила правоту архимандрита Илариона и в частном, и в государственном

масштабах. «Увы! — сокрушался спустя два года профессор И. В. Попов. — Печальная действительность — на стороне протестовавших: А. В. скончался не от неприятельской пули, а от изнурительной болезни. Значительная часть двух лет военной службы А. В. прошла на курортах, в больницах, госпиталях»²²⁰. И Россия потерпела поражение не на русско-германском фронте, а внутри страны, и поражение это имело своим источником пагубное изменение народного мировоззрения, потерю нравственных ориентиров, что явилось, в свою очередь, следствием массового отступления от Церкви. Необходимости пребывания в Церкви, возвращения к ней тех, кто отпал через неверие, безнравственность или увлечение в инославие и сектантство, и была посвящена богословская, преподавательская и проповедническая деятельность архимандрита Илариона в академический период его жизни.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ УЧАСТОК ФРОНТА

Война совершила значительный переворот в мыслях всего русского народа, хотя, как оказалось впоследствии, и недостаточный. Она заставила на многое посмотреть по-новому, переосмыслить отношение к западным идеям и к родному, многими забытому православию. Но война

ничего не изменила во взглядах архимандрита Илариона. Свою войну он начал как минимум со студенческой скамьи, и война эта велась не за материальные блага, не за внешнюю свободу, а за блага небесные, за возможность идти верным путем спасения, за чистоту Матери-Церкви, против пленяющих ее чуждых теорий. Разница лишь в том, что с началом войны традиционные для архимандрита Илариона темы стали вызывать больший интерес в обществе, и потому он теперь имел повод и возможность подробнее остановиться на своих старых идеях, тем более что, конечно же, и война как всенародное бедствие принесла отцу Илариону более глубокое понимание вопросов, жизненная важность которых стала явной для многих.

Тема войны, как битвы света и тьмы, как уже совершающегося в сердцах, умах и в жизни людей Армагеддона, становится особенно острой в работах отца Илариона военного периода.

Подзаголовок его вступительной лекции 1915 года «Богословие и свобода Церкви» звучит вполне в духе времени: «О задачах освободительной войны в области русского богословия». Война с грехом, *со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), *против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12) — естественное состояние Церкви Воинствующей. В этой лекции «воин Христов Иларион»²²¹ призывает дать бой западной схоластике, оккупировавшей русское православное богословие: «Схоластическая крепость — это *наш, академический* участок общего

фронта, — обращается он к студентам академии. — Если мы живые люди и живые члены Христовой Церкви, мы должны чувствовать, что эта крепость нам, нашей жизни мешает. Сравнить с землей неприятельскую крепость схоластики — вот наша, академическая задача, если мы хотим самым делом участвовать в великой освободительной войне»²²².

Западное богословие искажает самую суть, главный смысл христианской жизни — учение о спасении, взирая на Бога как на внешний, чуждый объект, карающего Судию, понимая спасение как юридический акт, требующий от человека лишь некоторых, по большому счету технических действий, забывая о Божией милости и о святоотеческом понимании спасения как пути соединения с Богом, обожения, преображения. «Душа веры в спасении и душа богословия в учении о спасении»²²³. Римский юризм, проникший в православное богословие, сделал последнее чуждым церковной жизни, церковному богослужению. Но положение не безвыходно: «В схоластическом учении о спасении прежде всего должны быть снесены до основания два форта, два понятия: удовлетворение и заслуга... Уничтожьте эти два форта, призрачная твердыня схоластики скоро падет и рассыплется. И погибнет печальная память ее без шума...»²²⁴

Архимандрит Иларион указывает и на некоторые средства, которые помогут одержать победу, это восстановление патриаршества и свобода Церкви от диктата государства²²⁵.

ХРИСТИАНСТВА НЕТ БЕЗ ЦЕРКВИ

Война, в том числе на богословском фронте, продолжается, и в 1915 году выходит в печать работа, название которой звучит как девиз всей жизни владыки Илариона: «Христианства нет без Церкви». Здесь он сконцентрировал основные мысли о Церкви, высказанные в его предыдущих работах.

Дух Святой соединяет верных любовью в теле Христовом по образу единства Пресвятой Троицы²²⁶. Церковь — единый богочеловеческий организм. К нему можно или принадлежать, являясь его органической частью, или быть ему чуждым, хотя и очень похожим на него. Учение это автор подтверждает, как и обычно, множеством святоотеческих высказываний, показывая, что Церковь всегда смотрела на себя именно так. Если же современный мир думает иначе, то истина остается неизблемой, но мир пожинает горькие плоды своих заблуждений, так как, какова бы ни была причина отступления от Церкви, результат один — смерть.

В наиболее сжатом виде эту истину архимандрит Иларион находит у святителя Иоанна Златоуста в толкованиях его на учение о Церкви апостола Павла, изложенное в Послании к Ефессянам: «В самом деле, если бы случилось руке отделиться от тела, дух, истекающий из головного мозга, ища продолжения и не находя ее там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если

не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собой любовью. Итак, если мы хотим получить Духа от Главы, будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охлаждаем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершать что-нибудь недостойное по отношению к этому телу Церкви. В этом и другом случае мы отделяемся от целого»²²⁷.

ЗАЩИТА УЧЕНОГО МОНАШЕСТВА

Как было кратко замечено выше, в 1915 году Архимандриту Илариону пришлось встать на защиту ученого монашества, на которое думское духовенство в известной «Записке», напечатанной в том же году, возложило главную вину за недостатки духовной школы. В «Записке думского духовенства» заявлялось, что «можно указать на сотни случаев, когда монах, почти только что сошедший со студенческой скамьи, в 25–26 лет назначается смотрителем училища или инспектором семинарии»²²⁸.

Хотя тенденция преимущественного назначения монахов на начальственные должности имела место в духовных учебных заведениях, но, во-первых, эта тенденция представляется вполне естественной, а во-вторых, гипербола «записки» («сотни случаев») вскрывает нередкую неприязнь белого духовенства к монашеству, которая в пол-

ной мере проявилась позже в обновленческом расколе. Архимандрит Иларион посчитал своим долгом разоблачить ложное заявление и привел статистические данные по административному составу семинарий и духовных училищ, согласно которым на должностных постах семинарий и училищ к 1915 году находилось всего 50 монахов, что составляло менее 10% от общего числа административных работников упомянутых учреждений. А, к примеру, среди инспекторов семинарий числилось 7 монахов, 7 священников и 45 светских лиц²²⁹.

Отмеченная неприязнь была одним из симптомов духовной болезни русского общества и не могла не тревожить отца Илариона, всегда чутко относившегося к такого рода недугам соотечественников, большинство которых являлись членами столь любимой и ценимой им Церкви.

МОНАШЕСТВО И БРАК

Возможно, эта тревога побудила его издать в 1915 году работу «Единство идеала Христова», в которой он опровергает возникшую на Западе теорию о разделении учения Христова на общеобязательные заповеди и частные советы. Исполнив последние, христианин якобы обретает «сверхдолжные заслуги». Церковь же смотрит на заповеди Христовы, в том числе и на заповедь совершенства, как на общую для всех христиан, для

всех членов единой Церкви, имеющих и единые цели. Все призваны к обожению, но все призваны и к подвигу. Это касается и монахов, и мирян. Единственное отличие монахов от мирян — безбрачие, но отличие это скорее бытовое, чем нравственное. Монахи имеют возможность уделять больше времени и внимания своей духовной жизни, а потому и успехи их более явны. Монашество не является магическим ритуалом, гарантирующим спасение. «Безбрачие лишь один из путей жизни наряду с путем брачным», так как, по слову апостола, *каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе* (1 Кор. 7, 7). «Оба эти пути сами по себе не делают человека святым или грешным. Унижать в нравственном смысле один путь перед другим — крайне не умно. Каждый избирает тот путь, который он считает для себя более удобным»²³⁰.

Пребывание, участие в жизни Церкви — вот необходимое условие спасения и преображения, а формы, в которых они совершаются, — вопрос вторичный, частный, зависящий от различных обстоятельств.

«ПИСЬМА О ЗАПАДЕ»

Тогда же, в 1915 году, издаются «Письма о Западе». Это воспоминания архимандрита Илариона о его поездке по Европе в 1912 году. Казало бы, путешествие по развитым европейским

государствам, городам — центрам мировой культуры и промышленности — не великий повод для размышлений на духовные темы. Но архимандрит Иларион верен себе и все события внешней жизни рассматривает с точки зрения своей традиционной тематики, то есть — в связи с вопросом о Церкви.

Письма — не академическая работа, а поэтому особенно хорошо передают характер отца Илариона, живой и непосредственный. Явно, что его эклезиологические взгляды не являются следствием незнания Запада и еще менее — бесчувствия к культуре и искусству или неприязни к людям, в частности — к иностранцам. Его притягивает величественная гармония Кельнского собора (перед отъездом он приходит прощаться с собором), восхищает выслушанная в органном исполнении музыкальная пьеса «Sturm» («Буря»), впечатляет красота европейской природы, а расцвеченный искусственной иллюминацией Рейнский водопад он оценивает как незабываемое зрелище. Созерцание рафаэлевского полотна «Сикстинская Мадонна» стало одним из сильнейших эстетических впечатлений и душевных переживаний его жизни. Перед этой картиной Владимир Троицкий, по собственному признанию, «переживал не умиление» даже, «а какое-то тихое самоуглубление или восхищение»²³¹. Свое неприятие католицизма и иных западных конфессий пламенный апологет Церкви отнюдь не переносит на личности, принадлежащие к этим конфессиям. На рейнском

пароходе он проявляет инициативу и знакомится с католическим сельским священником, которого о многом с интересом спрашивает и с которым даже («прости, Господи!») вместе обедает²³².

Тем не менее его богословская позиция после непосредственного знакомства с западноевропейскими жизнью, культурой и религиозностью не только принципиально не меняется, но — утверждается, получает, благодаря ближайшему знакомству с лагерем идейных противников, бóльшую глубину.

Рассматривая все в духовном плане, архимандрит Иларион находит, что в готике Кельнского собора материализованы «рабская боязнь и сентиментальная мечтательность»²³³, протестантское служение бедно, скучно и безжизненно, перед «Сикстинской Мадонной» невозможно, неловко молиться, и вообще «в западном христианстве (если можно о таком говорить) рабский дух»²³⁴. Православие же — «вера не рабов, но свободных, не наемников, но сыновей»²³⁵.

Православность — существенное свойство русского человека. «В Галиции, например, „русский“ значит православный»²³⁶, принадлежащий Церкви, вне которой — лишь видимость жизни. А потому Россия, хоть и «бедна... внешними эффектами, но богата внутренними красотами духа!»²³⁷

Главное положительное значение войны и состоит в возможности отрезвления, возвращения к этим богатствам, в отказе от привычного уже для многих каждения западным божкам и кумирам,

в условиях, заставляющих невольно приглядеться, понять величие русского, не делимого от православия духа, с одной стороны, и с другой — тупиковость, разрушительность западноевропейской, в частности, немецкой культуры, для которой жестокости войны являются не случайным, чуждым элементом, но естественной ее частью. Это результат многовекового пребывания вне Церкви Христовой, чрезвычайно исказившего и сам образ отношения человека к Богу, и понимание смысла евангельского спасения. Для западных христиан спасение заключается в «освобождении от наказания за оскорбление грехом правды Божией», а вся духовная жизнь «обращается в какую-то бессмысленную торговую сделку с Господом Богом». Западным рассуждениям о грехе и спасении архимандрит Иларион противопоставляет православную точку зрения, когда в основу спасения полагается «идея обновления естества человеческого, идея его обожения чрез воплощение Сына Божия», а грех понимается, прежде всего, как «болезнь, тление природы, которое внутренне связано со страданием, тогда как освобождение от греха, от тления дает блаженство»²³⁸.

Эта разница в понимании смысла спасения православными и инославными для отца Илариона важна не менее, чем разница в догматах, но делает нашу разъединенность более явной, ведь «Церковь едина, и католики», как и протестанты, для него «не Церковь, а следовательно, и не христиане, ибо христианства нет без Церкви»²³⁹.

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Война шла, но надежды первого времени на обращение русского народа, а в особенности людей образованных, к Матери-Церкви сменялись разочарованием. Большинство россиян интересовалось более внешним политическим устройством, чем внутренним духовным устройством, — скорее светскими правами, чем христианскими обязанностями, и гораздо охотней — выгодой, чем истиной. Духовности предпочитается если не материальность, то душевность, поэтическая мечтательность или революционный бунт (иногда фантастическим образом соединявшиеся, как, например, в творчестве и жизни Александра Блока), своя воля — воле Божественной, временные интересы заслоняют вечные. Массового возвращения интеллигенции из вавилонского плена западной культуры в церковный Иерусалим не произошло.

Вступительная академическая лекция будущего священномученика, прочитанная 26 августа 1916 года, звучит последним призывом к русской интеллигенции и одновременно — последним предупреждением. Ее название емко выражает основную мысль: «Грех против Церкви».

Студенческая молодежь из романа Леонида Андреева «Дни нашей жизни», которая восхищается звоном московских колоколов, призывающих

православных к воскресной всенощной, но не спешит на богослужение, а продолжает свой пикник с пивом на одном из обрывов Воробьевых гор, — это, по мнению лектора, наиболее яркий образ, выражающий отступление русской интеллигенции от своих церковных, а следовательно, и народных корней. Ведь «русский» и «православный», «церковный» — это почти синонимы. «Русский народный характер воспитывался в течение целых веков под руководством Церкви, а потому отпадение от Церкви для русского человека и является почти непременно отпадением от России. Россию можно представить без парламента, без университетов, но Россию нельзя представить себе без Церкви»²⁴⁰.

Петровские преобразования раскололи русских людей, по определению Константина Аксакова, на «народ» и «публику»: «Когда публика едет на бал, народ идет ко всенощной; когда публика танцует, народ молится. Средоточие публики в Москве — Кузнецкий мост. Средоточие народа — Кремль»²⁴¹. Замена поклонения Богу в Церкви поклонением кумирам западноевропейской культуры с тех пор — главный грех отступления русского образованного общества, образованного теперь уже не по образу Божию, но по чуждым Церкви западным образцам. Единство допетровского патриархального русского общества, жизнь которого нераздельна с жизнью Церкви, сменилась тяжелейшим расколом этого единого общества на народ и публику, что стало главной бедой России,

ее болезненной раной, «которая горит и не дает покоя русскому человеку доселе»²⁴².

Как опытный духовный врач, архимандрит Иларион четко определяет диагноз: «Русская болезнь имеет в основе грех против Церкви. Отношение к Церкви — вот пробный камень русского человека. Кто верен Церкви — тот верен России, тот — воистину русский»²⁴³.

Ставя диагноз, он предлагает и «курс лечения болезни»: «Для излечения разъедающих русскую душу ран необходимо раскаяться в двухвековом грехе против Церкви, возвратиться к вере отцов и дать Православной Церкви прежнее место в жизни государственной и общественной»²⁴⁴. В противном случае последствия могут быть самыми плачевными. Ведь тот, кто отрекся от Церкви, «отрекся от России, оторвался от русской почвы, стал беспочвенным космополитом... Еврей... от закона Моисеева отрекшийся, есть непременно полный нигилист, вредный и для своего народа, и для всякого другого, в котором он живет. Параллельно этому, именно русская интеллигенция поставляла в европейскую жизнь самых радикальных отрицателей, нигилистов и анархистов. Толстой и Бакунин — наши. Русских революционеров гоняют и в Западной Европе. Никакой человек, может быть, так не заглядывал в бездны отрицания, как человек русский»²⁴⁵.

Прежде всего, отец Иларион призывает восстановить патриаршество и вывести управление Русской Церкви из властных органов, где

Церковь подчиняется уже даже не православному монарху, а конституционным учреждениям, через которые «теперь юридически обсуждать и решать многие вопросы даже внутренней церковной жизни получили право и Фридман²⁴⁶, и Чхеидзе^{247, 248}. Смотреть на это было особенно больно в то время, когда в России получили полную свободу действий раскольники и сектанты. Вспоминая свои чувства, испытываемые при виде пустующего патриаршего места в Успенском соборе Московского Кремля, отец Иларион не может удержаться от восклицания: «Доколе, Господи! Когда же взойдет на это место верховный пастырь русского народа, возьмет в свои святительские руки свирель и палицу и соберет в единое Христово стадо всех русских людей, включая и тех горохищных овец, которые разбежались теперь по Воробьевым горам и пасутся по чужим и вредным пажитям?..»²⁴⁹

ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ И ВСЕМИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ХРИСТИАНСТВА

Предреволюционные годы были временем не только войны, но и оживленных контактов и дискуссий Русской Православной Церкви с инославными конфессиями. С 1913 года

в Нью-Йорке начинаются заседания комиссии по подготовке Всемирной конференции «Вера и церковное устройство». В 1914–1918 годах ведется активная переписка членов комиссии с иерархами и учеными богословами-мирянами РПЦ. Мнения в отношении возможности соединения с инославными разделились. Наиболее строгую позицию в этом вопросе заняли архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) и архимандрит Иларион (Троицкий).

«Приглашенный на экуменическую конференцию архиепископ Антоний заявил, что вне Православной Церкви нет благодати, что даже правильная вера (даже если она будет вполне православной) не спасает. Спасает только пребывание в Церкви. Однако он выразил искреннее желание принять участие в конференции и считал, что православная делегация должна начать богословский диалог с конференцией... Позицию архиепископа Антония поддержал архимандрит Иларион Троицкий»²⁵⁰.

18 января (старый стиль) 1917 года, в день памяти ревностных борцов за Церковь Христову святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, архимандрит Иларион заканчивает «письмо г. Роберту Гардинеру, секретарю комиссии для устройства мировой конференции христианства»²⁵¹. Это ответ на письма Роберта Гардинера 1916 года с разбором его высказываний из писем, адресованных архиепископу Антонию (Храповицкому). Несмотря на сравнительно небольшой

объем работы, в ней наиболее ярко выразился глубокий и ясный ум нашего богослова, сумевшего в сжатой форме, многопланово, четко и убедительно обосновать свою точку зрения на вопрос объединения христиан.

Автор вовсе не противник «идеи всемирной конференции христианства». Он заявляет «о своем полном сочувствии и своем молитвенном благожелании проектируемой конференции»²⁵². Но главные цели этой конференции он видит не в достижении иллюзии несуществующего единства, а, прежде всего, в достижении понимания, что «Христианская Церковь не есть философская или богословская школа», но «новое человечество, новый благодатный организм любви. Она — Тело Христово»²⁵³. Связи частей этого Тела не могут быть сохранены духовно при внешнем разделении. Единство Церкви столь безусловно, явно и всеобъемлюще, что любое отступление от нее тех, кто отделился по собственной воле, безоговорочно ставит их вне церковного тела, и если можно в этом случае говорить о каком-то отношении к Церкви, то лишь в смысле более или менее легких условий возвращения и присоединения к ней. Если думать иначе, если считать, что можно одинаково или с различной степенью легкости спастись в разных сообществах, называющих себя Церковью Христовой, но хулящих одна другую и обвиняющих друг друга в расколе или ереси, а иногда и физически уничтожающих за веру, то «какой же смысл имели все увещания

к послушанию, к покорности иерархии, к видимому единению с церковным обществом, которыми наполнена вся древнецерковная письменность, начиная с посланий апостольских и продолжая посланиями Климента Римского и Игнатия Богоносца?»²⁵⁴ «В самом деле, почему я должен избегать церковного мятежа, раскола и даже ереси, если отпадение от Церкви... ничем особенным мне не грозит?»²⁵⁵

Свидетельства святых отцов, церковные каноны, церковная история в письме архимандрита Илариона как бы «единими усты и едином сердцем» говорят нам об одной истине: вне единой, святой, соборной и апостольской Церкви нет ни спасения, ни благодатных таинств, в том числе крещения. Догмат этот неизменен, незыблем, но практика Церкви по принятию отступивших от нее входит в область церковной икономии и может изменяться ради церковной пользы, а точнее, для облегчения приведения заблудших ко спасению. Власть Церкви простирается на то, чтобы наполнить церковным, то есть благодатным содержанием действия, совершенные вне ее границ и лишённые благодати, обратив их тем самым в таинства.

Об этом говорят святые отцы, исповедуя безусловное отличие Церкви от иных сообществ. Об этом говорят церковные каноны, не установившие твердых, непреложных законов присоединения инославных, но узаконившие определенные формы принятия в Церковь разного рода отступников, руководствуясь не только степенью

повреждаемости их вероучения и обрядов, но и внешними обстоятельствами. Об этом же говорит и история Церкви, на протяжении которой члены одних и тех же конфессий в разное время принимались в Церковь то через крещение, то через миропомазание, то через покаяние, в зависимости от господствующих в каждой эпохе идей.

Надо заметить, что широкая и основательная аргументация архимандрита Илариона в подтверждение его видения догмата о Церкви не потеряла своего значения и сегодня.

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917–1918 ГГ.

После 1 мая 1917 года, когда стараниями обер-прокурора Синода В. Н. Львова епископ Феодор (Поздеевский) был освобожден от должности ректора МДА²⁵⁶, архимандриту Илариону пришлось взять на себя временное исполнение обязанностей ректора академии. 10 сентября 1917 года на место ректора был избран профессор А. П. Орлов²⁵⁷, который того же года «5 октября рукоположен в диакона, 8-го — во священника, и 9-го возведен в сан протоиерея»²⁵⁸. Архимандрит Иларион, освобожденный теперь

от ректорских обязанностей, подает прошение об увольнении, поскольку должность инспектора упразднена, а введенная вместо нее должность помощника ректора стала выборной²⁵⁹. 17 октября 1917 года указом Святейшего Синода он освобождается от занимаемой должности, а 29 октября того же года «почти единогласным избранием» Совета академии становится помощником ректора МДА, то есть — тем же инспектором²⁶⁰.

Основная деятельность архимандрита Илариона (Троицкого) в 1917 году связана с его участием в Поместном Соборе и с подготовкой к нему, а главной задачей этой деятельности являлись выборы патриарха. Вопрос о выборах патриарха вызывал в то время достаточно активное противодействие, в основном, со стороны духовенства и мирян, примкнувших впоследствии к обновленческому расколу. В июне 1917 года «на Московском съезде духовенства и мирян не был допущен доклад архимандрита Илариона по этому вопросу»²⁶¹.

Священный Собор Православной Российской Церкви открылся в Москве 15 августа на праздник Успения Божией Матери. Архимандрит Иларион (Троицкий) был избран в члены Собора от Московской духовной академии вместе с профессором И. В. Поповым и протоиереем Д. В. Рождественским²⁶². До этого архимандрит Иларион был избран заместителем делегата (профессора И. В. Попова) от МДА в Предсоборный Совет, но не смог принять участие в его работе по причине занятости организацией монашеских съездов²⁶³.

*Заседание Поместного Собора
Русской Православной Церкви в 1917 г.*

Архимандрит Иларион, может быть, не самый активный, но постоянный и деятельный участник Собора. Мы находим его участвующим в организационной работе Собора. Он наблюдает за голосованием²⁶⁴, участвует в подсчете голосов²⁶⁵, зачитывает проект обращения патриарха и Собора к Совету народных депутатов²⁶⁶.

Выступления отца Илариона вызывают живой отклик членов Собора и отличаются лаконичностью, конкретностью, церковностью отстаиваемой позиции. Круг вопросов, в обсуждении которых принимал участие архимандрит Иларион, определялся сферой его интересов. Это темы церковного управления и церковной жизни, связанные с вопросами о единстве и границах Церкви. Кроме того, он участвует

в полемике по вопросам духовной школы и отношений с новой властью.

Архимандрит Иларион предлагает охарактеризовать большевистскую социализацию церковного имущества как «кощунственное насилие»²⁶⁷, и поэтому в заявлении к СНК Собор обязан «заявить, что храмы и святыни наши не могут быть социализированы». При этом отец Иларион осознает, что такого рода декларация не повлияет на отношение советских властей к Русской Церкви и ее собственности: «Такое наше заявление, конечно, советского правительства не переубедит, и социализация храмов и святынь, вероятно, будет производиться и помимо нашей воли»²⁶⁸.

Как помощник ректора МДА, архимандрит Иларион не мог быть равнодушен к вопросам духовного образования, поднимаемым на Соборе. Мы видим его участвующим в обмене мнениями по докладу Отдела о духовно-учебных заведениях «О типе и управлении учебно-духовных заведений»²⁶⁹. После доклада Отдела о монастырях и монашесствующих отец Иларион предлагает поправку, узаконивающую, чтобы ученый инок оставался на академической службе в течение двадцати лет. Поправка вызвала сочувствие некоторых членов Собора, в частности, епископа Анатолия Чистопольского и профессора И. В. Попова, но была отклонена²⁷⁰.

Отклонена также предложенная архимандритом Иларионом поправка о недопустимости

выборов в епископский сан сразу из мирян²⁷¹. Не был согласен о. Иларион и с возведением в закон принципа выборности при замещении настоятелей монастырей: «Это не избрание, а игра в выборы»²⁷². Но, вероятно, веяния времени не позволили Собору принять его доводы²⁷³.

Большой успех у членов Собора имели рассуждения архимандрита Илариона о недопустимости создания внутри Русской Церкви параллельной единоверческой иерархии, таящей в себе возможность нового раскола²⁷⁴. Епископ Серафим Челябинский определил ответ архимандрита Илариона на аргументы единоверцев как «мудрый»²⁷⁵. В постановлении Собора был принят компромиссный вариант, согласно которому допускалось избрание викарного единоверческого епископа²⁷⁶.

Архимандрит Иларион принимает участие и в обсуждении вопроса автономии Украинской Церкви, отстаивая согласный с канонами принцип соответствия церковного и государственного административного деления²⁷⁷.

Обсуждение на Соборе поводов к расторжению брака естественным образом вылилось в богословский диспут о границах Церкви. Позиция архимандрита Илариона по этому вопросу неизменна: «Разделение на иноверие и инославие неприемлемо и различить степени отпадения невозможно... Нужно здесь говорить об отпадении от Церкви, с внешним отпадением соединяется и внутреннее разъединение с Церковью»²⁷⁸.

ВЫБОРЫ ПАТРИАРХА

Но основное внимание архимандрита Илариона (Троицкого) во время Собора 1917–18 гг. концентрируется на вопросах высшего церковного управления Русской Православной Церкви и, особенно, на вопросе о патриархе. Архимандрит Иларион является не только членом, но и докладчиком Отдела о высшем церковном управлении (обычно — вместе с профессором П. Д. Лапным)²⁷⁹. Он участвует в прениях, делает пояснения как докладчик Отдела о ВЦУ, отстаивает позицию представляемого им соборного отдела²⁸⁰, заслуживает благодарность от имени Собора за свою деятельность в качестве докладчика Отдела о ВЦУ²⁸¹.

Наибольшую известность, по своему значению для главного решения Собора, получило слово архимандрита Илариона, сказанное в защиту патриаршества. Протоиерей Владислав Цыпин говорит об этом слове как о «прославленном» и «хрестоматийном»²⁸².

Известно, что вопрос восстановления в Русской Церкви патриаршества не входил в круг вопросов, представленных для рассмотрения на Поместном Соборе 1917–18 гг. Официальное предложение о рассмотрении Собором этого вопроса впервые было сделано в докладе председателя Отдела о высшем церковном управлении Митрофаном (Краснопольским), епископом Астраханским на заседании 11 октября

1917 года²⁸³. С этого дня на Соборе вокруг вопроса о патриаршестве разгораются жаркие споры, не утихающие до принятия решения 28 октября. Соотношение сторонников и противников патриаршества среди ораторов, выступавших по этому вопросу, было соответственно 39 против 12. Один из ораторов не мог высказаться ни за, ни против выборов первоиерарха Русской Церкви по причине неопределенности границ его власти²⁸⁴. Двое из выступавших заявили о рассеянных сомнениях и об изменении своих взглядов в пользу патриаршества²⁸⁵. Таким образом, противники выборов патриарха составили менее четверти выступавших. Если же учесть их (то есть противников) повышенную активность, то можно предполагать, что среди членов Собора эта часть была еще меньшей. Понимание этого звучит и в речах самих противников патриаршества, говорящих о своей позиции как о противоречащей мнению большинства.

Отношение 141 голос против 112 не соответствует количеству сторонников и противников восстановления патриаршества в Русской Церкви, как это преподносится некоторыми историками²⁸⁶, поскольку приведенные цифры были получены в результате голосования по другому вопросу, а именно — по вопросу досрочных выборов патриарха, инициированному усилением в Москве революционных беспорядков. Многие члены Собора не смогли присутствовать на заседании 30 октября из-за уличных боев. Члены Собора решали,

выбирать патриарха немедля или подождать более полного состава Собора. Большая часть из 112 человек, проголосовавших против безотлагательных выборов патриарха, не являлись противниками выборов как таковых. Подавляющее большинство членов Собора не сомневались не только в необходимости восстановления патриаршества, но и в том, что патриарх будет избран. Сомневались лишь в оправданности досрочных выборов, совершаемых в отсутствие тех, кто был остановлен на пути к Соборной Палате свистом пуль и разрывами снарядов. «Нас здесь мало, — убеждал своих сотрудников член Собора А. А. Папков, — многие наши отцы и братья сидят в разных местах Москвы и при всем желании не могут сюда придти. А мы без них будем обсуждать вопрос об избрании патриарха. Нам и в этом деле нужно согласие, которого мы достигли раньше. 217 лет у нас не было патриарха, остается подождать несколько недель, и он будет. Зачем же спешить сегодня? Мы под гром орудий в угнетенном состоянии духа будем избирать патриарха: разве это допустимо? Имейте уважение к отцам и братьям, которые не могут прийти сюда. Мы можем сделать громадную ошибку, компрометирующую дело избрания»²⁸⁷.

Что касается речи архимандрита Илариона в защиту патриаршества, то можно сказать, что она прозвучала сигналом к окончанию прений по этому вопросу. Отец Иларион в своем выступлении показал иллюзорность обсуждаемого выбора. В основу речи оратор положил следующую

Святитель Тихон, патриарх Московский и всея Руси

«истину о патриаршестве»: «Мы не можем не восстановить патриаршества; мы должны его непременно восстановить, потому что патриаршество есть основной закон высшего управления каждой поместной Церкви»²⁸⁸. Следование церковным канонам есть необходимое условие решения вопросов церковного управления и церковной жизни вообще: «Н. Д. Кузнецову угодно было обвинить меня в какой-то тенденции, — отвечал позже отец Иларион своим оппонентам. — Но эта тенденция одна — соблюдать церковные правила и каноны»²⁸⁹.

В слове архимандрита Илариона соединились научность аргументации, взывающей к разуму собравшихся, и пламенность речи, выражавшей единство сердечных чувств и устремлений русского церковного народа. Один из членов Собора В. Я. Малахов, сказал, что с «исторической точки зрения» в речи архимандрита Илариона (и профессора Соколова) «представлены были наиболее характерные аргументы в пользу патриаршества»²⁹⁰, а талантливость его речи признавалась даже идейными противниками²⁹¹. После этого выступления совершилась окончательная поляризация сторонников и противников патриаршества. В стане тех, кто считал неприемлемым для Русской Церкви восстановление патриаршества, остались, в основном, только принципиальные его противники, которые, как, например, протоиерей А. П. Рождественский, только утвердились в своих мнениях после речи архимандрита

Илариона²⁹². К этому времени на Соборе, по мысли священника П. М. Волкова, получившей свое подтверждение в событиях обновленческого раскола, «патриаршества не желают те, которые хотят взять церковное управление в свои руки»²⁹³.

После слова архимандрита Илариона (Троицкого), прозвучавшего 23 октября 1917 года, прения по вопросу о патриаршестве проходят только на заседании 25 октября, причем явно, что большинство ораторов находятся под впечатлением этого слова, а на следующем заседании 28 октября ставится вопрос о досрочном избрании патриарха, чему способствовали известные исторические обстоятельства.

Таким образом, архимандрит Иларион на Поместном Соборе 1917–18 гг. был не только в числе инициаторов выборов патриарха, но и в значительной степени способствовал положительному решению на Соборе этого спорного для многих вопроса.

Таланты, церковность позиции архимандрита Илариона и его деятельность на Соборе, направленная на восстановление патриаршества, не могла остаться незамеченной. «Один из участников Собора, член Государственной Думы князь И. С. Васильчиков, вспоминал: „Своими выступлениями, всегда умными и красиво изложенными, и всем своим внешним обликом он очень скоро приобрел общую симпатию на Соборе“»²⁹⁴. Молодой архимандрит был выдвинут шестью голосами кандидатом в члены Высшего Церковного

Совета РПЦ от монашествующих, но, как и большинство монахов, отказался баллотироваться²⁹⁵. Был он и в числе кандидатов на избрание в патриарха, и получил при голосовании в первом туре три голоса, обогнав при этом таких известных иерархов как архиепископы Агафангел Ярославский (2 голоса) и Евлогий Волынский (1), епископ Андрей Уфимский (2), а также – председатель Отдела о ВЦУ епископ Митрофан Астраханский (1)²⁹⁶. Во втором туре за кандидатуру архимандрита Илариона отдали свои голоса четыре члена Поместного Собора Русской Православной Церкви²⁹⁷. Обратил внимание на архимандрита Илариона и новоизбранный патриарх Тихон, чему свидетельством служит участие отца Илариона в чине на stolования Святейшего²⁹⁸.

Член Собора, противник восстановления патриаршества и будущий обновленческий архiereй, протоiereй Дмитрий Рождественский иронизировал по поводу трех голосов, полученных в ходе предварительных выборов патриарха его коллегой по академической профессуре: «Оно конечно, для патриарха это маловато... маловато-маловато... Впрочем, чтобы быть... ослятей, на котором Святейший патриарх будет впоследствии выезжать, то оно... мне кажется, ...может быть и вполне достаточно»²⁹⁹. Предполагал это или нет о. Димитрий, но его ироническая оценка не лишена доли прозорливости, поскольку в ближайшие за Собором годы архимандрит Иларион становится викарным епископом патриарха,

одним из ближайших его помощников (в том числе – по борьбе с обновленчеством, к которому примкнул и протоиерей Димитрий), управляющим делами Московской епархии, то есть – своего рода «ослятей патриарха».

УГАСАНИЕ АКАДЕМИИ

С приходом большевиков к власти учебный процесс в МДА постепенно сходит на нет, прежде всего, по причине недостатка средств. Уже к концу 1917 года профессор И. В. Попов писал в академическом печатном органе: «В настоящее время академия до крайности стеснена в средствах к существованию. Нужно сказать резко: нам жить не на что»³⁰⁰. К концу 1918 года Высшее Церковное Управление «ввиду все возрастающих трудностей жизни» уже «не считает целесообразным возобновление в том или ином виде учебных занятий в академии»³⁰¹. "Профессоров решено было привлечь для чтения публичных лекций на религиозные темы в Москве и составления популярных брошюр в противовес лжеучителям, в частности, антирелигиозным»³⁰². В это время архимандрит Иларион именуется проректором МДА и исполняет должность ректора академии³⁰³. Известно, что Миссионерским Советом при Святейшем Синоде он был назначен лектором по Новому Завету на шестимесячных курсах³⁰⁴.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

10 марта 1919 года он без каких-либо серьезных обвинений был заключен в Бутырскую тюрьму, где пробыл до 7 июня.

Архимандриту Илариону настолько чужд дух уныния, что даже в тюрьме он не только не унывает, но и находит положительные моменты. Если опустить упоминания о тюрьме, то может сложиться впечатление, что его письма отправлены из дома отдыха: «Живу я по-прежнему хорошо; совсем здесь обжился, будто так и нужно. Здесь я даже поправился, потолстел, физически чувствую совсем хорошо. Чтоб усилить циркуляцию крови, – начал я ходить на работу, напр., выкачивать воду из тюремных подвалов. Хорошо, что несколько проведешь на воздухе и немного мускулы разовьешь. За работу еще 1 фунт хлеба прибавляют. Питаюсь по настоящему времени прекрасно, время идет незаметно; даже досадно, что, напр., книги медленно читаются. Жизнь идет размеренная, правильная. Будь все это где-нибудь в хорошей местности, прямо санаторий». Верный своей «первой любви» архимандрит Иларион и в тюрьме находит возможность для расширения своих научных познаний: «Сейчас в камере собрались у нас три профессора. Читаем время от времени лекции; прошли курс стенографии. Прямо считаю нужным сказать, эти 2 мес. прожил я и не без пользы, и даже интереснее, чем жил вне тюрьмы»³⁰⁵.

В саду Сретенского монастыря

1 июля 1919 года академическая библиотека перешла в ведение Наркомпроса, но сама академия не прекратила существования, а продолжала свою учебно-просветительскую деятельность вплоть до марта 1923 года, когда она была официально закрыта решением антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), возглавляемой Е. Ярославским³⁰⁶.

АРХИЕРЕЙСТВО

В 1919–20 учебном году проректор академии еще продолжал читать студентам свои лекции, а 21 апреля 1920 года архимандрит Иларион был освобожден от проректорской должности в связи с известием о его назначении епископом Верейским.

11/24 мая 1920 года, в день памяти равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских, патриарх Московский и всея Руси Тихон совершил наречение 33-летнего архимандрита Илариона (Троицкого) во епископа. Нареченный епископ в своем слове высказывает сознание недостойности для столь высокого церковного служения: «Был я грешным мирянином, стал грешным монахом, сделался грешным иереем, но быть грешным архиереем — трепещу: „Чем столько согрешила Церковь Божия, чем так прогневала Владыку своего, чтобы быть ей предоставленною

мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению?» Так восклицает Иоанн Златоуст (О священстве. 6, 12). Какими же словами скажу я, грешный и окаянный паче всех?» Отец Иларион не стремился к архиерейству и избегал его: «Я боялся архиерейства и всегда немало говорил против своего епископства». Но он привык к послушанию Церкви и отсечению перед ней своей воли: «Со дней детства определил я себя на служение Церкви и ей одной служил доселе, сколько позволяла мне леность моя. Всю свою деятельность ученую и профессорскую почитал я служением Церкви и в этом служении видел высший и единственный смысл всей нашей академической работы». А потому, несмотря на свое нежелание, на этот призыв Церкви он отвечает словами Священного Писания: *Воля Господня да будет* (Деян. 21, 14)³⁰⁷. Архимандрит Иларион был хиротонисан во епископа Вере́йского, викария Московской епархии 12/25 мая 1920 года.

НАСТОЯТЕЛЬСТВО В СРЕТЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Одновременно с архиерейской хиротонией епископ Иларион назначается настоятелем Сретенского монастыря, переживавшего не лучшие времена своей истории. Еще в 1918 году

власти пытались закрыть монастырь. Условия пребывания в нем насельников усложнялись с каждым годом. В том же 1918 году «комендантом по реквизиции помещений было объявлено, что по декрету должно быть оставлено в Сретенском монастыре для обслуживания храма только 10 человек братии и им вместе с настоятелем «должно быть предоставлено лишь 6 комнат»³⁰⁸. В начале настоятельства в Сретенском епископа Илариона, а именно — в июне 1920 года в монастыре из насельников уже никто не живет: «всех выселили»³⁰⁹. По этой причине владыка Иларион, вступив в должность настоятеля, продолжает жить на квартире своего друга по МДА священника Владимира Страхова. Квартира эта находилась недалеко от монастыря по адресу: улица Сретенка, д. 29, кв. 1³¹⁰.

В обитель были поселены светские лица, нередко позволявшие себе неподобающее поведение. Монастырские храмы приходили в упадок: «Храмы означенного монастыря требуют радикального ремонта крыш и водосточных труб и их окраски, вследствие проржавения которых образовалась во многих местах течь, приносящая опасный вред для целости храмов, что особенно резко выявляется по отношению Никольского храма...»³¹¹.

Монастырское имущество изымалось представителями власти порой без всяких документов. К примеру, в феврале 1920 года были отобраны и конфискованы сани, конская упряжь, а также

принадлежащие монастырю ордену и медали³¹². В феврале 1921 года «организационно-учетное отделение отдела юстиции Московского совета депутатов выдало мандат... перевезти имущество из кладовой Сретенского монастыря в отдел юстиции». В том же году были изъяты четыре монастырских колокола³¹³.

Почти через год после архиерейской хиротонии и вступления в должность настоятеля обители епископа Илариона Сретенский монастырь

Сретенский монастырь. Фото начала XX века

не имеет даже облачений для участия в богослужении своего настоятеля. В марте 1921 года община верующих Сретенского монастыря обратилась в отдел юстиции Моссовета «с просьбой снабдить ее архиерейскими облачениями — желтого, белого и черного цветов», поскольку «во главе ее стоит епископ, а своих архиерейских облачений у нее нет ни одного»³¹⁴.

Конечно же, хозяйственные заботы, к которым владыка Иларион не имел особой склонности, в отмеченных неблагоприятных условиях создавали дополнительные трудности новопосвященному архиерею.

БОГОСЛУЖЕНИЯ, ПРОПОВЕДИ, ДИСПУТЫ...

Кроме того, власть вела строгий контроль и за богослужебной деятельностью церковных иерархов. О времени и местах служения епископ Иларион обязан был заранее предоставлять уведомления в организационно-учетный отдел Московского Совета³¹⁵. Вероятно это упрощало работу осведомителей.

А следить было за чем. Первый год архиерейства владыки Илариона наполнен богослужением и проповедью. За это время им отслужены 142 литургии, более 142 всенощных и сказано

330 проповедей. Разъезды по Верейскому уезду длились порой по месяцу. «Главное мое дело теперь — проповедь», — сообщает он в письме своему коллеге по академии профессору Николаю Никаноровичу Глубоковскому³¹⁶.

В сентябре–октябре 1920 года епископ Иларион болел тифом и был не способен к активной деятельности: «Октябрь я половину лежал, а половину сидел и прохаживался. С ноября я вышел в свет»³¹⁷. Болезнь привела к осложнению на сердце, которое давало о себе знать и в последующие годы.

Проповеди и даже просто участие в богослужении владыки Илариона согревали сердца многих христиан в годы разгула безбожия. Н. П. Окунев в своем «Дневнике москвича» вспоминал о богослужениях в Сретенском монастыре великим постом 1921 года: «Привлекал туда епископ Иларион, не своим пышным архиерейским служением, а участием в службах в качестве рядового монаха... Ну! Я вам скажу, и пел же он! Голос у него приятнейший, чистый, звучный, молодой... высокий. Тенор. Пел попросту, не по нотам, но так трогательно и задушевно, что я, пожалуй, и не слыхивал за всю свою жизнь такого чудесного исполнения»³¹⁸. В это время там же, в Сретенском монастыре, канонаршил младший брат владыки Илариона архимандрит Даниил, вскоре — епископ Елецкий, тот самый, которого в детстве Володя Троицкий пугал опасностью остаться неученым.

Оставшееся свободное время епископ Иларион посвящал разрешению вопросов своей паствы. К осени 1921 года в очередной раз был арестован другой викарий патриарха, епископ Подольский Петр (Полянский), и владыке Илариону приходится заменять его в ведении дел патриаршей канцелярии. Кроме того, он участвует, и весьма успешно, в диспутах с атеистами. Все его силы были целиком отданы церковному служению: «Будто арестант, прикованный к своей тачке — так живу. Не только дней нет свободных, нет и часа свободного, когда мог бы я заняться тем, чем хочется, а не тем, что нужно и нужно к спеху»³¹⁹. Несмотря на все трудности, владыка Иларион и в своем положении видит существенную пользу: «Некогда читать, некогда писать, некогда... даже грешить. Ради третьего, м. б., Господь и устраивает мне такую жизнь»³²⁰. Не теряет он и своего обычного оптимизма: «Уж хоть бы в Бутырку на отдых взяли. Это единственно доступная нам дача или санаторий»³²¹.

Впрочем, отдых такого рода был уже недалеко. Весной 1921 года владыка Иларион вновь замечает повышенный интерес властей: «За последнее время немало имею беспокойства от одного провокатора, ищет, в чем бы меня завинить. Пока ему ничего не удастся, но ведь дьявол очень изобретательный ум по этой части. Оказаться обвиняемым легко, и к этому нужно быть всегда готовым»³²². Уже в сентябре 1921 года по незначительному поводу власти подвергли его кратковременному аресту.

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

23 февраля 1922 года ВЦИК³²³ издал декрет об изъятии церковных ценностей — декрет, носивший откровенно провокационный характер. Русская Церковь еще с августа 1921 года вела активную работу по сбору средств в помощь голодающим. Незадолго до этого декрета патриарх Тихон считал возможным «разрешить церковноприходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления»³²⁴.

Но власть ждала от Церкви не столько помощи голодающим, сколько повода для уничтожения самой Церкви. Поэтому и приняла постановление, которым узаконивала изъятие всех церковных ценностей без исключения, в том в числе и тех, которые использовались в богослужении. Это ставило церковную иерархию и рядовых верующих в условия необходимого противостояния государству, что называется, «по определению». Как писал Святейший Патриарх Тихон: «Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана»³²⁵.

Вот как описывала события, последовавшие за этим декретом, Надежда Мандельштам: «По рукам ходило послание патриарха Тихона, бравшегося организовать помощь голодающим. Веселенькие москвичи посмеивались и говорили, что новое государство не нуждается в помощи поповского сословия. Где-то в Богословском переулке — недалеко от нашего дома — стояла церквушка. Мне помнится, что именно там мы заметили кучку народа, остановились и узнали, что идет „изъятие“. Происходило оно совершенно открыто — не знаю, всюду ли это делалось так откровенно. Мы вошли в церковь, и нас никто не остановил. Священник, пожилой, встрепанный, весь дрожал, и по лицу у него катились крупные слезы, когда сдирали ризы и грохали иконы прямо на пол. Проводившие изъятие вели шумную антирелигиозную пропаганду под плач старух и улюлюканье толпы, развлекающейся невиданным зрелищем»³²⁶.

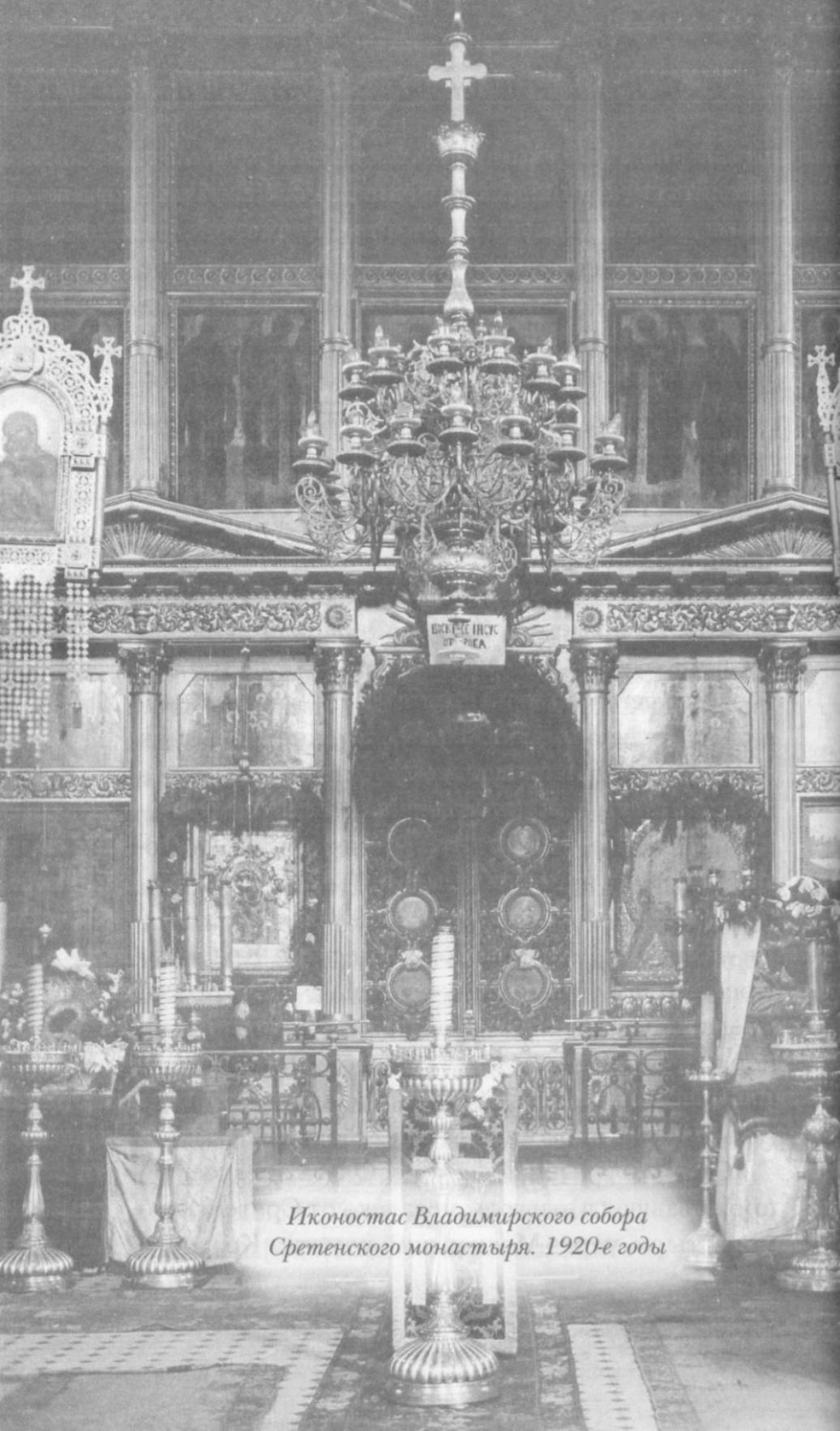
Естественно, что владыка Иларион мог относиться к этим откровенно кощунственным действиям властей только в духе послания Святейшего Патриарха Тихона: «С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства»³²⁷. Сведения о позиции святителя Илариона по вопросу о церковных ценностях иногда доводились агентами ГПУ до самого «вождя мирового пролетариата». Так в выписке из суточного рапорта МГО ГПУ³²⁸ № 53 за 4 и 5 марта 1922 года, сделанной для В. И. Ленина, говорилось: «4-го марта в церкви Сергея (Ульяновская ул[ица]) во время всенощной епископом

Иларионом была произнесена проповедь по вопросу об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих. Проповедь носила явно выраженную тенденцию создать враждебное настроение среди религиозных масс против изъятия ценностей»³²⁹. Заключение такого рода придавали возможному аресту владыки характер неизбежности.

АРЕСТ И ССЫЛКА

Популярность епископа Илариона в народе росла, но по мере возрастания народной любви увеличивалась и ненависть советских властей, которые ничего не смогли сделать, кроме как остановить деятельность владыки заключением, обвинив в помощи патриарху и участии в диспутах, через которые якобы дискредитировалась власть. Обвинение нелепое, но достаточное для ареста епископа Илариона, произведенного 22 марта 1922 года, и для годичной ссылки в Архангельск. Сам владыка «в опросном листе Политического Красного Креста о поводе к аресту» отвечал, «что, по его предположению, это изоляция на время изъятия церковного имущества»³³⁰. 22 июня 1922 года он был осужден коллегией ГПУ на ссылку в «в Архангельскую губ. сроком на 1 г. по 7 июня 1923 г.»³³¹

Сестра владыки Илариона, Ольга Алексеевна, проживавшая в эти годы недалеко от Сретенского монастыря, через Московский комитет Красного

*Иконостас Владимирского собора
Сретенского монастыря. 1920-е годы*

креста ходатайствует в конце мая о возможности передать брату несколько книг по церковной истории (Голубинского и Болотова), а в конце июня — об освобождении его «на 5 дней для личных дел и приготовления к отъезду»³³².

4 июля епископ Иларион прибывает с этапом заключенных в Архангельск, а 10 июля поселяется на жительство в частном доме почти в центре Архангельска.

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ

Ссылки ближайших помощников патриарха Тихона епископа Илариона (Троицкого), епископа Петра (Полянского) и других, арест самого Святейшего стали этапом подготовки большевиками обновленческого раскола, инициатором которого был Л. Троцкий. В «архисекретном» протоколе заседания комиссии под председательством Троцкого, собранной за два дня до ареста владыки Илариона, то есть 20 марта 1922 года, уже явно обозначена тема выявления и поддержки властью раскольнического духовенства: «Газетам принять меры к тому, чтобы дать более яркое и открытое выражение голосу тех попов, которые недовольны курсом Тихона и склонны провести не за страх, а за совесть декрет советской власти об изъятии ценностей»³³³.

Владыка Иларион с горечью за свое бессилие и недоумением о причинах раскола следил из ссылки за развитием обновленчества, корень которого видел, прежде всего, в нравственной распущенности: «Интересно, что на съезде для „оживления“ только и надумали: 1) жениться архиерею, 2) жениться монахам с оставлением в сане, 3) жениться священнику на вдове, 4) жениться священнику вторично, 5) жениться на свояченице, 6) жениться на двоюродной сестре. Итак, шесть „жениться“ — и только!»³³⁴.

«Похоть, поселившись в уме его, омрачила очи его», — говорит преподобный Ефрем Сирин о человеке, идущем на поводу у страстей³³⁵. Владыка Иларион еще более нелицеприятно отзывался о помрачении ума обновленцев («живцов», как называли их в народе): «В Москве совсем спятили с ума. Соберутся человек тридцать–сорок случайных людей с улицы: „Давайте Живую церковь устроим! Давайте! Готово!“ Ну не идиоты?»³³⁶

Несмотря на отдаленность от «эпицентра» событий, потрясших Русскую Церковь, ссыльный епископ ничуть не колеблется в вопросе о законности самозванного церковного управления: «„Новоиспеченных“ по канонам нельзя признать в сане, потому что все постановления их не законны»³³⁷. Традиционные понятия владыки о Церкви и ее границах дают ему твердое основание для стояния в истине: «Самозванщина у нас на носу, но еще ее нет. Ведь в ЖЦ самое главное — самозванство

ее управителей, никем не выбранных и никем не назначенных и никому не нужных. Поэтому благодати на самозванных арх. здесь столько же, сколько на любом татарине. И с ними в общение я никогда не вступлю, что бы ни было. А что будет? Ну, по странствую 5, м. б. 10 лет. Что ж? И странствовать может быть хорошо. Так как здесь я живу, жить еще можно»³³⁸.

В письмах его нет исповеднического пафоса и, как всегда, нет ропота. Лишь обычное довольство обстоятельствами: «А я очень доволен и рад тому, что живу здесь, главное — свободное время и книги...» Но есть глубокая скорбь о поругании Матери-Церкви ее неблагодарными чадами: «Меня совершенно не интересует моя личная судьба, потому что внешнее положение для меня не составляет ничего важного... Но я не могу не страдать и не говорить горячо, видя и понимая страдания Русской Церкви»³³⁹.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ. БОРЬБА С ОБНОВЛЕНЧЕСТВОМ

26 июня 1923 года владыка Иларион получает удостоверение, которым он уведомляется об окончании срока ссылки и обязуется по прибытии в Москву «явиться в 6-е отделение СОГПУ». 5 июля он прибывает в Москву³⁴⁰.

Накопившаяся за время вынужденного бездействия энергия позволила епископу Илариону по возвращении в Москву действовать с удвоенной силой. 5 июля 1923 года, накануне праздника Владимирской иконы Божией Матери, он уже служит всенощную в Сретенском монастыре, предварительно совершив чин освящения храма. Духовенство, вернувшееся из обновленчества, без покаяния не допускается к участию в богослужении.

В сводках ГПУ этому событию уделяется пристальное внимание. В них явно слышны тревога и обеспокоенность происходящим: «В храме Сретенского монастыря 05.07.1923 года совершалась всенощная епископом Иларионом, известнейшим проповедником, по своим способностям превосходящим известного проповедника Храповицкого. Иларион пользуется громаднейшей популярностью среди верующих и любим за свои проповеди, проникнутые чистой тихоновщиной... Епископ Иларион произнес проповедь, в которой обратился к священству, вступившему в обновленческие группы, чтобы они покаяться в Церкви всенародно, иначе он не допустит их к службе и в алтаре. Присутствующее духовенство публично покаялось, и Иларион освятил церковь от осквернения еретиков»³⁴¹.

6 июля владыка Иларион там же сослужит патриарху за литургией и произносит проповедь, в которой вновь обличает обновленческий раскол и призывает отпадших к покаянию. Возвращение патриарха Тихона из заключения в соединении

*Епископ Иларион (Троицкий) – викарий
Московской епархии. Архангельск, 1923 г.*

со словом епископа Илариона вызвало массовое возвращение заблудших чад в Церковь и, одновременно, панику в стане обновленцев.

Один из вождей обновленческого раскола священник Владимир Красницкий по этому поводу жаловался в ГПУ: «Усердно прошу обратить внимание на крайне провокаторскую контрреволюционную деятельность тихоновского ассистента Илариона. 6 июля, проповедуя в Сретенском монастыре, он произнес такую погромную речь, что в толпе в ограде и на улице произошли физические столкновения, и дело окончилось арестами.

За пережитые десять дней тихоновцы чрезвычайно обнаглели, держат себя вызывающе и готовы перейти к избиению, и это настроение — определенно погромное и ярко антисоветское — создается им, епископом Иларионом. Если его явно контрреволюционной деятельности не будет положен предел, то неизбежны общественные беспорядки и избиение церковных обновленцев»³⁴².

Влияние владыки на современников в это время было огромным. Не случайно он прозван был «российским епископатом за свой ум и твердое стояние в истине „Великим“»³⁴³. Сами обновленцы невольно проникались к нему уважением, и некоторые из них впоследствии вспоминали: «Трудно было придумать для патриарха Тихона лучшего помощника, чем епископ Иларион. Великолепный, пламенный проповедник, умевший говорить просто и эмоционально, ревностный служитель алтаря, владыка Иларион пользовался огромной популярностью среди московского духовенства и буквально обожанием народа. Самая внешность — богатырский рост, белокурая борода, иконописные тонкие черты лица импонировали своей величавостью, строгим изяществом, своеобразной картинностью. „Вот настоящий русский святитель“, — невольно приходила мысль каждому, кто видел Илариона.

Быстро поняв новую позицию патриарха, епископ сразу стал ее активным проводником. Он в эти дни переговорил с сотнями священников, мирян, монахов и монахинь. Он договорился

с приходами о чине их присоединения к патриарху, разработал чин покаяния, принял тут же десятки обновленцев, пришедших к патриарху с покаянием.

Благодаря неукротимой энергии этого человека церковная организация в Москве была восстановлена в два дня»³⁴⁴.

Но, конечно, у большинства обновленцев и, особенно, у их лидеров одно воспоминание об архиепископе Иларионе вызывало бурю негодования (в сан архиепископа владыка Иларион был возведен указом Святейшего Патриарха Тихона от 27 августа 1923 года, основанием к чему послужило его «ревностное и усердное служение Церкви Божией»³⁴⁵).

Уже в 1925 году, через два года после очередного ареста владыки и отправки на Соловки, лжемитрополит Александр Введенский, путешествуя по Тульской епархии, ставит ей в укор, что она «подарила, как известно, и столь отъявленного черносотенца, как тихоновский „столб“ — Илларион Троицкий»³⁴⁶ [орфография оригинала. — *Примеч. авт.*].

ТИХОН И ИЛАРИОН

Владыка Иларион в это время (1923 год) — ближайший помощник патриарха, управляющий Московской епархией. Их имена часто используются совокупно как нарицательные для

обозначения православного епископата: «Никакие бунты тоскующих о былой власти Белавиных и Иларионов положения в церкви не изменят» (Введенский)³⁴⁷. Всевозможные раскольнические оскорбления и клеветы также направляются прежде всего на этих двух иерархов: «Тихоны и Иларионы» «откармливаются» на простодушии Церкви Христовой; «священники и левиты — Тихоны и Иларионы» не принесли Церкви Божией ничего, «кроме горя и бед»; «„благодатные“ Тихоны и Иларионы только и делали, что... разжигали вражду против революции»; «Тихон с Иларионом вырабатывали „благодатно“ удушливые газы против революции» (Антонин Грановский)³⁴⁸.

Иным образом это единство святителей осталось в благодарной памяти Церкви: «Всечестная двоице, святой Тихоне, патриарше и исповедниче, блаженный Иларионе, сподвижниче того и мучениче, образ вы Христа распята в мире сем явила еста». «Ангели и архангели ныне на небесех ликовствуют, видяще два земная ангела, Тихона и Илариона, Церковию прославляемая» (тропари из 6-й песни канона священномученику Илариону)³⁴⁹.

Впрочем, у обновленцев имелись серьезные поводы для ненависти. Архиепископ Иларион с благословения патриарха освящал храмы, возвращенные из раскола, тем же чином, что и оскверненные от еретиков, что приводило раскольников в ярость.

В своем послании от 02(15).07.1923 года, составленном совместно с владыкой Иларионом,

Патриарх Тихон писал об отколовшихся: «...Они отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей в Церкви Христовой... А все действия и таинства, совершаемые отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в грехе»³⁵⁰. То, что обновленцы «называли Святыми Дарамы, сжигалось и никакой благодати за ними не признавалось»³⁵¹.

Несмотря на столь строгую позицию архиепископа Илариона в отношении к обновленчеству, в ней не было ничего, кроме заботы о Церкви, чему подтверждением служат его активные переговоры с уполномоченным ОГПУ по делам религии Е. А. Тучковым, а также в составе временного Священного Синода при патриархе (вместе с архиепископом Тверским Серафимом (Александровым) и архиепископом Уральским Тихоном (Оболенским)) — с обновленческим синодом, возглавляемым архиепископом (в обновленчестве — митрополитом) Евдокимом (Мещерским). При этом владыка Иларион твердо знает границы допустимого в отношениях с властью и раскольниками.

Поддержав политику Святейшего, направленную на «отмежевание Церкви от контрреволюции»³⁵² и признание Советской власти (что дало возможность многим заблудшим вернуться

в Церковь), архиепископ Иларион в переговорах с Тучковым сумел добиться значительных уступок для Церкви, в частности, снижения налогов для приходов и духовенства, отмены требования обязательной регистрации приходов, легальное существование которых ставилось в зависимость от произвола местных органов власти. Ему удалось убедить Тучкова и в невозможности вставить в формулировку поминовения властей слова «советских».

Что же касается мнения о том, что архиепископ Иларион в переговорах с лидерами обновленческого раскола соглашался обсуждать возможность удаления от церковного управления патриарха Тихона, то мнение это (достаточно распространенное и в наше время) является не более чем провокацией ОГПУ, совершенной через архиепископа Евдокима (Мещерского). В газете «Известия» от 23 сентября 1923 года было опубликовано письмо последнего к митрополиту Антонию (Храповицкому). Письмо содержало ложную информацию об отношениях Святейшего Патриарха Тихона и его ближайших помощников-архиереев: «Смешанная комиссия, — заявлял автор письма, — устами даже его ярых защитников (епископ Иларион) вынесла ему [патриарху. — *Примеч. авт.*] следующую резолюцию: сложить все полномочия, удалиться в монастырь, ждать над собою суда Собора епископов»³⁵³.

Главная каверзность этой откровенной лжи заключалась в том, что она не могла быть

опровергнута публично и ответ оклеветанных мог распространяться лишь в узких кругах. По этой причине владыка Иларион подвергся нападкам не только с шуйей, но и с десной стороны. Группа архиереев, сплотившаяся вокруг архиепископа Феодора (Поздеевского), прозванная патриархом «конспиративным Синодом», обвиняла Патриарший Синод в недопустимых компромиссах. Перешедший в 1925 году в обновленчество епископ Гервасий (Малинин) вспоминал: «Архиепископ Феодор мне говорил, ругая Илариона, что он погубит патриарха Тихона и Церковь, а в патриархе все спасение. Если же патриарха Тихона не будет, то власть не допустит вообще в России патриаршества, а без патриаршества для Церкви — крах»³⁵⁴.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ СВОБОДЫ

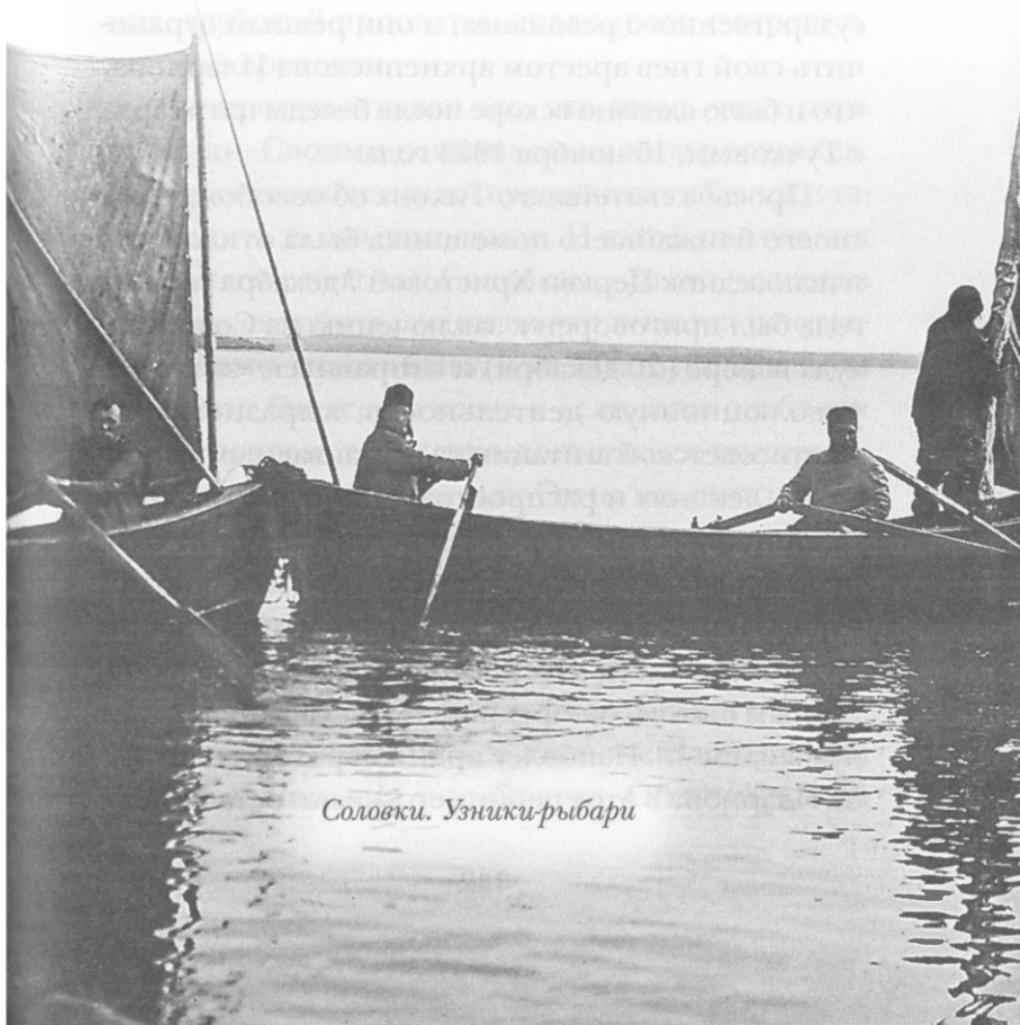
Архиепископу Илариону в период своей недолгой свободы в 1923 году приходилось заниматься и разбирательством административных дел Московской епархии, что было не просто по причине упадка церковной и, в частности, монастырской жизни. Об этом говорит, например, одно из дел, порученных для расследования патриархом владыке Илариону. Суть этого дела сводилась к тому, что пожилые монахи Симонова

монастыря, привыкшие к спокойной, расслабленной жизни, враждебно отнеслись к законным требованиям молодого архимандрита Петра (Руднева) и устроили целую кампанию, чтобы выжить настоятеля из монастыря³⁵⁵.

Кроме проповедей и докладов владыки большое воздействие на народ имели диспуты с его участием, которые велись с обновленцами и атеистами. Особенно сильный интерес вызывали диспуты архиепископа Илариона с обновленческим архиепископом Александром Введенским и наркомом просвещения Луначарским.

Нам известно о следующих диспутах владыки Илариона с лидером обновленцев Александром Введенским. Намеченный на 31 июля 1923 года диспут не состоялся, чему причиной было отсутствие архиепископа Илариона, но в диспутах 17 августа, 4 сентября и 13 октября 1923 года владыка сумел принять участие³⁵⁶. Основательная, продуманная аргументация, уверенная, располагающая манера выступлений архиепископа Илариона склоняли подавляющее большинство слушателей на его сторону, а следовательно, на сторону патриаршей Церкви. Сам владыка Иларион о диспутах с Введенским позднее говорил: «Я его к стенке прижимал»³⁵⁷. Вот как описывал участие владыки Илариона в этих диспутах один из его земляков: «Держал себя преосвященный исключительно смело и дерзновенно, настолько, что иногда делалось за него жутко. Оратор он был необыкновенный. Казалось, вот-вот

его арестуют тут же на месте за его смелые высказывания, которые, однако, вызывали бурю аплодисментов присутствующих рабочих. Долго продолжался диспут и закончился он тем, что все присутствующие рабочие этого завода стали подходить под благословение к преосвященному Илариону, а их было не менее 3–4 тысяч»³⁵⁸. Успех архиепископа Илариона на диспутах с Александром Введенским в значительной степени ускорил его новый арест.

Соловки. Узники-рыбари

ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ

К ноябрю 1923 года все ухищрения властей и обновленцев, направленные на создание иллюзии примирения последних с Церковью, были исчерпаны. Тучков в первой половине ноября 1923 года беседует лично со Святейшим, требуя непременно примириться с синодом Евдокима (Мещерского) на неприемлемых условиях, на что получает решительный отказ. Вероятно, арест патриарха не был выгоден властям в силу возможного нежелательного международного и внутригосударственного резонанса, и они решили ограничить свой гнев арестом архиепископа Илариона, что и было сделано вскоре после беседы патриарха с Тучковым, 15 ноября 1923 года.

Просьба святейшего Тихона об освобождении своего ближайшего помощника была отклонена, и исповедник Церкви Христовой 7 декабря того же года был приговорен к заключению на Соловках, куда вскоре (20 декабря) и отправился «за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в антисоветской агитации на устраиваемых им диспутах, лекциях и распространение контрреволюционных слухов»³⁵⁹ (из резолюции Е. А. Тучкова).

Владыка Иларион не лелеял особых иллюзий в отношении дальнейших перспектив жизни при советской власти. Впервые познакомившись с лагерным бытом, он предрек: «Отсюда живыми мы не выйдем»³⁶⁰. Наиболее яркий образ архиепископа Илариона в этот период его жизни оставил нам

один из союзников владыки по соловецкой неволе: «Архиепископ Иларион — человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник-оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый; везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью. Большой рост, широкая грудь, пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Он остается в памяти у всех, кто встречался с ним. За годы совместного заключения являемся свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости.

Он просто отдавал все, что имел, что у него просили. Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. И такой послушник находился у него и в Соловках... Этого человека можно оскорбить, но он на это никогда не ответит и даже, может быть, и не заметит сделанной попытки. Он всегда весел и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро попытается прикрыть это все той же веселостью. Он на все смотрит духовными очами и все служит ему на пользу духа.

На Филимоновой рыболовной тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря, мы с архиепископом Иларионом, еще двумя епископами и несколькими священниками, все заключенными, были сетевязальщиками и рыбаками. Об этой нашей

работе архиепископ Иларион любил говорить переложением слов стихир на Троицын день:

„Вся подает Дух Святой: прежде рыба́ри бого-
словцы показа, а тепе́рь наобо́рот — богословцы
рыба́ри показа“. Так смирялся его дух с новым
положением.

Благодушие его простиралось на самую совет-
скую власть, и на нее он мог смотреть незлоби-
выми очами. Всех нас, церковников, советская
власть наделила равными сроками заключения.
Архиепископу Илариону, потрудившемуся око-
ло Патриарха в Москве и наносившему тяжелые
удары безбожию и обновленческому расколу, без-
условно ставшему величиною в общероссийском
масштабе, и, почти, юноше, маленькому иеромо-
наху из Казани, у которого все преступление со-
стояло в том, что он с диакона, обновленца, снял
орарь и не позволил ему с собою служить, было
дано три года.

— „Любочестив бо сый Владыка, — говорил по
этому поводу арх. Иларион пасхальными словами
Иоанна Златоуста, — приемлет последнего яко
же и первого; упокоевает в едионадесятый час
пришедшего, якоже делавшего от первого часа.
И дела приемлет, и намерение целует, и деяние
почитает, и предложение хвалит“. Слова эти зву-
чали иронически, но давали чувство мира и застав-
ляли принимать испытание, как от руки Божией.

Но это благодушие вовсе не было потерей
мужества пред богоборной властью. Еще в Кем-
ском лагере, в преддверии Соловков, захватила

нас смерть Ленина. Когда в Москве опускали его в могилу, мы должны были здесь, в лагере, простоять пять минут в молчании. Владыка Иларион и я лежали рядом на нарах, когда против нас посреди барака стоял строй наших отцов и братьев разного ранга в ожидании торжественного момента. „Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят“, — убеждали нас. Глядя на владыку, и я не вставал. Хватило сил не склонить голову перед таким зверем. Так благополучно и отлежались. А Владыка говорил: „Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество“.

Владыку Илариона очень веселила мысль, что Соловки есть школа добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения, трудолюбия. Обокрали прибывшую партию духовенства, и отцы были сильно огорчены. Я в шутку им сказал, что так их обучают нестяжанию. Владыка был в восторге. У меня два раза подряд украли сапоги, и я разгуливал по лагерю в рваных галошах, чем приводил его в подлинное веселие, которое и в нас вселяло благодущие. Но нужно заметить, что не все аскетически настроенные монахи понимали такой дух. Некоторым все казалось, что спасаются только в монастыре, и они подчас сильно огорчались лишениями.

Любовь его ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто поразительными. Он был самой популярной личностью в лагере, среди всех его слоев. Мы не

Православное духовенство в Соловецком лагере особого назначения

говорим, что генерал, офицер, студент и профессор знали его, разговаривали с ним, находили его или он их, при всем том, что епископов было много и были старейшие и не менее образованные. Его знала „шпана“, уголовщина, преступный мир воров и бандитов, именно как хорошего, уважаемого человека, которого нельзя не любить. На работе ли, урывками, или в свободный час его можно было увидеть разгуливающим под руку с каким-нибудь таким „экземпляром“ из этой среды. Это не было снисхождение к младшему брату и погибшему. Нет. Владыка разговаривал с каждым, как с равным, интересуясь, например, „профессией“, любимым делом каждого. „Шпана“ очень горда и чутко самолюбива. Ей нельзя показать пренебрежения безнаказанно. И потому манера владыки была всепобеждающая. Он как друг облагораживал их своим присутствием и вниманием. Наблюдения же его в этой среде, когда он делился ими, были исключительного интереса.

Он доступен всем, он такой же, как и все, с ним легко всем быть, встречаться и разговаривать. Самая обыкновенная, простая, несвятая внешность — вот что был сам владыка. Но за этой заурядной формой веселости и светскости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство, не говоря уже об умственном, сопряженном с силой

Священномученик Иларион (в центре) среди ссыльного духовенства в Соловецком концлагере. Конец июня 1924 г.

и ясностью убеждения. Этот вид обыкновенной греховности, юродство, личина светскости скрывали от людей внутреннее делание и спасали его самого от лицемерия и тщеславия. Он был заклятый враг лицемерия и всякого „вида благочестия“, совершенно сознательный и прямой. В „артели Троицкого“ (так называлась рабочая группа архиепископа Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показывать строгость своего быта, не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

Каждого приезжающего священника, конечно, Владыка подробно расспрашивает обо всем, что

предшествовало заключению. „За что же вас арестовали?“ — „Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли, — отвечает отец игумен, — ну, собирался народ и даже бывали исцеления...“ — „Ах, вот как, даже исцеления бывали... сколько же вам дали Соловков?“ — „Три года“. — „Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть не досмотрела“... Само собой понятно, что говорить об исцелениях по своим молитвам было более чем нескромно»³⁶¹.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ

Здесь представляется уместным дать небольшой комментарий к рассказу об отношениях владыки Илариона с уголовниками. Тюремный священник начала XX-го века архимандрит Спиридон (Кисляков) раскрывает основу подобных отношений с заключенными следующим образом: «Как только я сблизился с арестантами, так сразу понял, что для этого элемента необходимо с моей стороны: должна быть исключительная любовь к ним. Эта любовь должна быть искренняя и деятельная. Без нее лучше и не знакомиться с этим миром. Мир этот слишком обижен судьбой, слишком озлоблен на все и на всех, и чтобы его вызвать из этого состояния, необходимо нужно священнику стать, и стать твердо, обеими ногами на почву деятельной любви к ним»³⁶².

Христианская любовь своим источником имеет Самого Бога, а богообщение немислимо без молитвы. Без сомнения, и добродетели священномученика Илариона основывались на его молитвенном опыте. Подтверждение этому мы находим в книге воспоминаний о духовном наставнике, жившем в советское время, отце Арсении. В воспоминаниях одного из духовных чад отца Арсения иеромонаха Серафима находим следующий эпизод: «На правильный путь меня наставил архиепископ Иларион (Троицкий). Мы встретились с ним в Соловках, его также направили на уборку нечистот. „Владыка! — обратился я к нему. — Что мне делать, убираю нечистоты, иеромонах я, обязан денно и нощно молиться, но как могу, грязный, пакостный? Крестного знамения рукой такой не положишь. Что делать? Мысли суетные стали одолевать“.

*Келейный корпус Филипповой пустыни
Соловецкого монастыря, где владыка Иларион
во время ссылки работал сторожем*

Владыка Иларион сказал: „Необходимо молиться и молиться так, чтобы окружающий Вас мир ушел и в душе жила только одна молитва. Грязной рукой крестного знамения не кладите на себя, а мысленно возведите глаза вверх, потом вниз, направо и налево. Вы совершите крестное знамение, а в бараке, очистившись от грязи, креститесь рукой. Молясь во время работы, уйдя в молитву, не будете видеть грязь и смрад. Так делаю я, и это помогает переносить все тяжести. Господь избавит Вас от суетных мыслей; вспомните, чему учил Вас наставник и учитель — о. Агапит.»³⁶³.

Как не может укрыться гора, стоящий на верху горы (Мф. 5, 14), так духовный подвиг владыки Илариона был известен и вдохновлял многих даже и за пределами России. Митрополит Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский), позже управлявший западноевропейскими приходами, приводил владыку Илариона в пример того, как в заключении «подвиг исповедничества... может переходить в подвиг духовного отца, брата, миссионера»³⁶⁴.

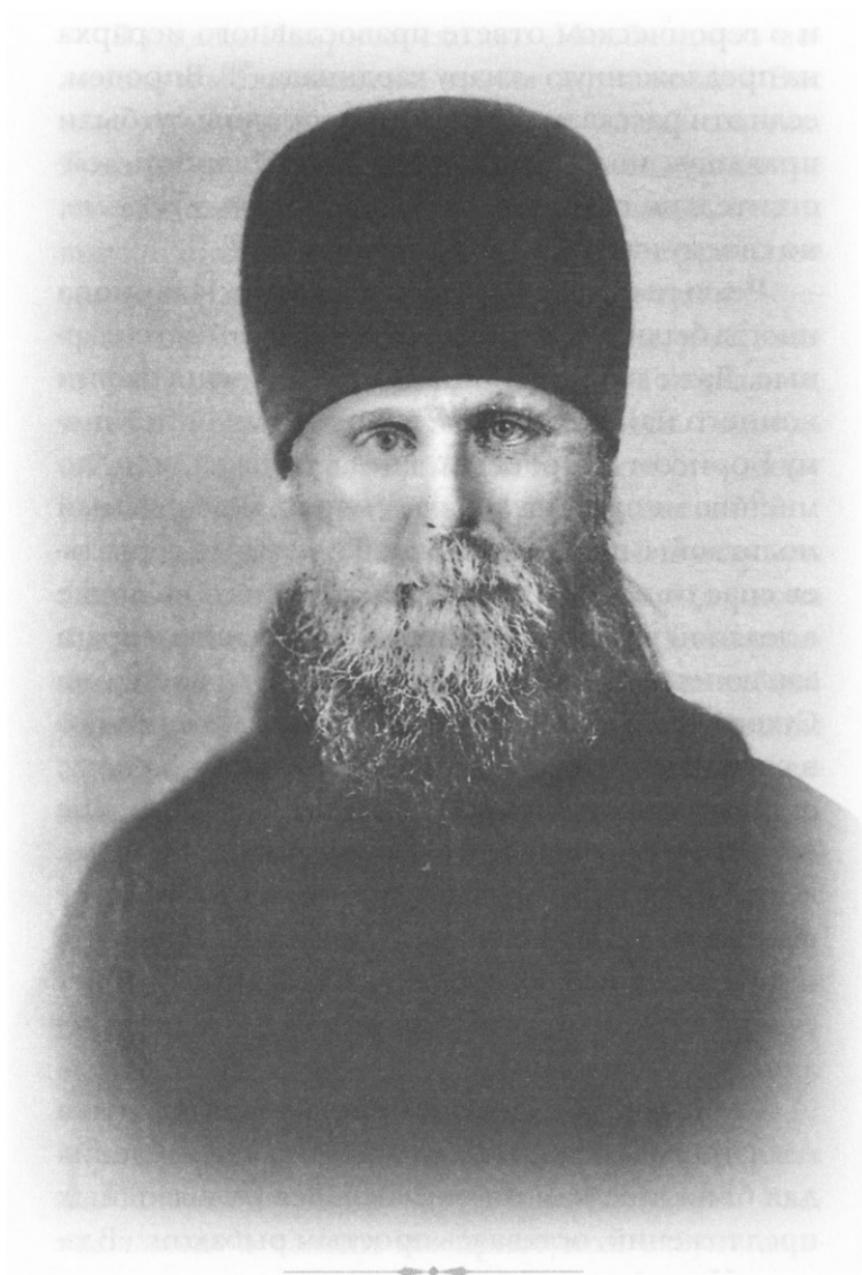
ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛИИ

В самом же лагере личность архимандрита Илариона была окружена легендами. Рассказывали о взятии им приступом взбунтовавшегося кавказского монастыря, о фантастической встрече владыки в Кеми с папским нунцием

и о героическом ответе православного иерарха на предложенную «тиару кардинала»³⁶⁵. Впрочем, если эти рассказы и не были историчны, то были правдивы по существу. Владыка Иларион действительно говорил: «Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю»³⁶⁶.

Реальные действия архиепископа Илариона иногда были гораздо значительней, чем легендарные. Даже в богатой православной агиографии немного найдется случаев, подобных описанному Борисом Ширяевым, когда владыка, идя, по мнению многих, на верную смерть, укрепляемый молитвой, с помощью Божией и четырех собратьев спас от верной гибели застрявшего на лодке в ледяной шуге жесточайшего безбожника и врага заключенных — лагерного полкового военкома Сухова. Незадолго до этого Сухов палил картечью в распятие. Владыка уподобился самому Христу, спасающему одного из Своих палачей Лонгина сотника и обращающего Своего гонителя Савла. «Спас Господь!» — так восприняли это чудо все видевшие. «Спас Господь!» — не мог не сознаться и сам спасенный богоборец, в Страстную Субботу судорожно крестящийся на им же самим расстрелянного Распятого³⁶⁷.

Свой дар убеждения использовал владыка и в лагере. Выхлопотав у начальства послабления для ближних, сам он отказывался от выгодных предложений, оставаясь простым рыбаком. «Владыка Иларион всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда было нужно

Архиепископ Иларион. Соловецкий концлагерь, 1929 г.

добиться чего-нибудь трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось сконцентрировать духовенство в 6-й роте, получить для него некоторое ослабление режима, перевести большинство духовных всех чинов на хозяйственные работы... Он же отстоял волосы и бороды духовных лиц при поголовной стрижке во время сыпнотифозной эпидемии... Остричь... стариков-священников значило бы подвергнуть их новым издевательствам и оскорблениям»³⁶⁸.

По воспоминаниям Бориса Ширяева, именно архиепископ Иларион добился у Эйхманса праздничного пасхального богослужения в лагере не только для духовенства, но и для других заключенных³⁶⁹ (с выданными из музея крестами, хоругвями и чашами), когда, несмотря на богоборческую власть, «ликующий хор „сущих во гробех“ славил и утверждал свое грядущее неизбежное, непреодолимое силами зла воскресение...»³⁷⁰.

БОРЬБА ЗА ЦЕРКОВНОЕ ЕДИНСТВО

В заключении, как и прежде на свободе, основной заботой и, к сожалению, скорбью владыки Илариона была его забота о Церкви, в особенности о ее единстве, так актуальном в двадцатые годы XX века, печально известные множеством расколов. И здесь еkkлезиологическая концепция

священномученика Илариона особенно явным образом проявила свою жизненность. Твердая позиция по отношению к расколам, его незыблемая вера, глубокие знания, искренность и способность убеждать, основанная на высоких нравственных качествах, делали его для многих непререкаемым авторитетом. При своей горячей вере владыка обладал ясным умом и трезвым рассудком. Быстро разбираясь в раскольнических заблуждениях, он столь уверенно и аргументированно отстаивал свою позицию, что уверенность его поневоле передавалась окружающим, ободряюще действуя и на духовенство, и на мирян.

«Надо верить, что Церковь устоит, — убеждал он друзей по несчастью. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохранятся хоть крошечные, еле светящиеся огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь...» «И короткая беседа с Иларионом ободряла, — вспоминал один из узников СЛОНа³⁷¹ Олег Волков. — Так бывает, когда общаешься с человеком убежденным, умным и мужественным. Да еще таким стойким...»³⁷²

Сам же архиепископ Иларион, несмотря на ограниченные возможности, для того, чтобы Церковь устояла как можно с меньшими потерями, делал очень много, решительно отвергая предательские соблазны.

Новому, организуемому властью раскольническому сообществу, которое возглавил архиепископ Нижегородский Григорий (Яцковский), не хватало авторитетности в глазах членов Церкви. Для

восполнения этого недостатка была сделана попытка привлечь в раскол архиепископа Илариона.

С этой целью в июле 1925 года он был переведен в Ярославль для бесед с Тучковым, где и пробыл до апреля 1926 года сначала в политизоляторе, а затем — в общей камере в Коровниках. Здесь архиепископ Иларион делает попытки вернуться к «своей первой и постоянной любви — науке» и продолжить богословскую работу. «Я себе задал громадную тему, — писал он из ярославского изолятора, — которую разве только в десяток лет можно вполне разработать. Самый большой вопрос, конечно, книжный»³⁷³. Каждый месяц от друзей из Москвы он получает по ящику книг, и каждый месяц отправляет обратно проработанную литературу. Но, увы, надежды тщетны. На научные исследования у него не остается не только десяти лет, но даже и десяти месяцев. Бескомпромиссность позиции лишает исповедника условий, благоприятных для занятия богословием. «Для Илариона три года?! Так мало?» — после серии неудавшихся бесед театрально удивляется Тучков сроку, полученному архиепископом Иларионом, и добавляет еще три³⁷⁴.

Столичным службам с раскольниками владыка Иларион предпочитает тайное пасхальное богослужение в недоконченном здании пекарни в пересыльном лагере Попова острова, которое они с епископом Нектарием (Трезвинским) и священником Павлом Чехрановым не столько пропели, сколько прошептали весной 1926 года³⁷⁵.

Есть некоторые упоминания о том, что в июне 1927 года были возобновлены уговоры привезенного в Москву архиепископа Илариона возглавить григорианское ВЦУ с обещанием белого клобука и полной свободы действий³⁷⁶. Переговоры вел сам расколначальник архиепископ Григорий. Ответ владыки был неизменен. Впрочем, Тучкову удалось, вероятнее всего в феврале 1926 года, убедить архиепископа Илариона написать письмо митрополиту Сергию об условиях возможного Собора³⁷⁷. Не зная хорошо современной обстановки вокруг Церкви, владыка невольно высказал мысли, использованные раскольниками-григорианами в свою пользу. «Григорьевцы, конечно, по этому поводу немало ликовали, а арх. Иларион, возвратившись в Соловки, поскорбел. Часто, прерывая какие-то свои мысли, он говорил нам вслух: „Вот, григорьевцы говорят, что Иларион за нас, а Иларион опять в Соловках“»³⁷⁸.

Степень причастности владыки Илариона к написанию «Соловецкого послания» недостаточно ясна. Можно лишь предположить, что вряд ли она была значительной, поскольку после длительных переговоров с Тучковым сомнительно наличие у высокопреосвященного Илариона надежды на попытку понимания позиции Церкви со стороны власти, свое отношение к которой владыка приблизительно в это время выразил словами: «Это воочию сам сатана...»³⁷⁹.

Игумен Дамаскин по этому поводу пишет следующее: «Когда владыка прибыл на остров

*Архиепископ Иларион
в Соловецком лагере*

[из Ярославля в нач. лета 1926 г. — *Примеч. авт.*], текст декларации уже был одобрен большинством архиереев. Единомыслен был с ними и архиепископ Иларион, лишь выразил сомнение, не будет ли некорректным поучать заместителя местоблюстителя митрополита Сергия, но по размышлении согласился, что это послание будет иметь для митрополита значение совета, который он волен принять или нет»³⁸⁰.

Известно об энергичной деятельности священномученика Илариона, направленной на умирение волнений, возникших в Русской Церкви и особенно в ее епископате в 1927 году по поводу действий заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского). Главным же предметом пререкания стала Декларация митрополита Сергия от 16/27 июля 1927 года об отношении Русской Православной Церкви к советской власти.

Осенью того же года опасность отделения от заместителя местоблюстителя увеличилась действиями митрополита Иосифа (Петровых), недовольного переводом с Ленинградской епископской кафедры на Одесскую. Смущение, колебания и разделение стали проникать в среду заключенных на Соловках иерархов. Уже в ноябре 1927 года «архиепископ Иларион сумел собрать до пятнадцати епископов в келии архимандрита Феофана, где все единодушно постановили сохранять верность Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Сергием.

„Никакого раскола!“ — возгласил архиепископ Иларион. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!»³⁸¹

Сколь большое значение эта инициатива владыки имела впоследствии, видно из следующего случая. Его современнику, соратнику по борьбе с обновленцами и союзнику, епископу Мануилу (Лемешевскому) после освобождения из лагеря по прибытии в Москву 10/23 февраля 1928 года митрополитом Иосифом (Петровых) было сделано предложение примкнуть к расколу с обещанием немедленного возведения в сан митрополита, на что епископ Мануил дал такой ответ: «Я — представитель „соловецкого“ епископата. Все мы единогласно и единодушно в количестве семнадцать человек под председательством архиепископа Илариона клятвой скрепили себя не отделяться от митрополита Сергия, хранить церковное единство и не присоединяться ни к какой группе раздорников. Мне поручено „соловецким“ епископатом доложить о всем этом митрополиту Сергию»³⁸².

В письме от 8/21 июля 1928 года владыка Иларион писал: «Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения... Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали. Он мол отступник. И как пишут, будто без ума они. Сами в яму попадают и за собой других тащат»³⁸³. О митрополите Иосифе же почти пророчествовал: «У него будто злоба какая...

С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет»³⁸⁴.

Что же касается письма от 22.10 (04.11) 1927 года, в котором митрополит Сергей и сотрудничающие с ним епископы именуются «церковными прелюбодеями» и приводятся слова некой «блаженной» о том, что митрополит Сергей «хуже еретика», то авторство его приписывается владыке Илариону ошибочно. По стилю, структуре, основным идеям и темам, по характерным терминам, выражениям и употребляемым образам следует признать это письмо принадлежащим перу мученика Михаила Новоселова³⁸⁵.

Архиепископ Иларион приложил немало усилий для вразумления отделившегося от митрополита Сергея епископа Виктора (Островидова), бывшего Глазовского, а затем Ижевского и Воткинского, временно управлявшего Вятской епархией, а в 1928 году угодившего на Соловки. Задача эта была весьма нелегкой. Ее не смогли решить до этого многие иерархи.

Вот что говорил об этом сам владыка Иларион: «Который Глазовский, ну это прямо искушение одно. Говорить с ним не приведи Бог. У него все будто навыворот, и все говорит, что все родные за него, и ничего слушать не хочет... Ну совсем человек сбился и себя одного за правого почитает»³⁸⁶.

Митрополит Иоанн (Снычев), ссылаясь на документ из архива митрополита Мануила (Лемешевского)³⁸⁷, пишет, что стараниями архиепископа Илариона епископ Виктор примирился

*Мощи священномученика Илариона
в соборе Сретенского монастыря*

и вошел в общение с митрополитом Сергием (Страгородским), о чем письменно уведомил православных Вятской епархии, призвав их последовать своему примеру, после чего раскол в Вятской земле скоро сошел на нет³⁸⁸.

«ВОТ ТЕПЕРЬ-ТО Я СОВСЕМ СВОБОДЕН!»

За год до окончания второго трехлетнего срока, в день пятилетия своего заключения владыка Иларион при мысли о будущем испытывал чувство некоторого замешательства: «Сейчас я переживаю не вполне приятное состояние полной неизвестности: уеду ли отсюда или опять останусь, — писал владыка своей двоюродной сестре 15 ноября 1928 года. — Если уеду, то скоро, но сменяю ли я в этом последнем случае ястреба на кукушку³⁸⁹ — тоже неизвестно. Словом, внутри у меня неизвестность или неопределенность. Чего пожелать самому себе — тоже не знаю»³⁹⁰.

Но определяться было не нужно. Дни его были уже сочтены. Впрочем, как раньше, так и теперь в настроении святителя Илариона слышится не только Амвросиево «жить — не тужить», но и Златоустово «слава Богу за все»: «И так, за долгие годы привык и живу, не тужу. На лучшее не надеюсь, от худшего не отрекаюсь. Какова есть о мне воля Божия, — так пусть и будет»³⁹¹.

По окончании срока архиепископа Илариона (Троицкого) приговорили к ссылке в Казахстан. Добраться до места ссылки он должен был в этапном порядке через пересылочные тюрьмы. На этапе его обокрали. В довершение всего где-то на пересылках владыка заразился сыпным тифом и в Ленинград прибыл в совершенном изнеможении. В больнице его обрили, но исповедник Христов уже предощущал свою скорую свободу в Церкви Небесной и в беспамятстве говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет...»³⁹²

Генерал И. М. Зайцев со слов бывшего чекиста М. И. Юповича писал, что архиепископа Илариона пытались отравить еще в Ярославле, после переговоров с Тучковым, но яд не подействовал. Архимандрит Феодосий (Алмазов) был уверен, что причиной смерти владыки Илариона также был яд: «Очевидно, таковой ему был влит уколом, когда он болел тифом в Петрограде и организм был ослаблен. Несомненно, архиепископ Иларион в Петрограде умер от отравления»³⁹³.

15/28 декабря 1929 года, когда врач подошел к архиепископу Илариону с радостной вестью о том, что кризис миновал и теперь возможно выздоровление, больной ответил: «Как хорошо! Теперь мы далеки от...» — и с этими словами скончался³⁹⁴.

10 мая 1999 года Архиерейским Собором Русской Православной Церкви архиепископ Иларион (Троицкий) был прославлен в лике священномучеников в сонме новомучеников и исповедников Российских.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Григорий Богослов, свт. Собрание творений: В 2-х т. Репр. изд. — [Б.м.] : Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1994. Т. 1. С. 677.
- 2 Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об отцах Церкви: в 3 т. Репр. изд. — М.: Паломник, 1996. Ч. 1. С. 20.
- 3 Игнатий Антиохийский, св. К римлянам // Ранние отцы Церкви: Антология. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1998. С. 124.
- 4 Там же. С. 124–125.
- 5 Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви: В 9 кн. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1997. Кн. 9: 1917–1997. С. 85.
- 6 Цит. по: Щелкачев А.В. Новая и новейшая история Православной Церкви: Продолжение. — М.: ПСТБИ, 1997. С. 53–55.
- 7 Минея: Декабрь: В 2-х ч. — М.: Изд. Московской Патриархии, 1982. Ч. 2. С. 81.
- 8 Крупный приход, имевший в своем составе 2 священников, 1–2 диаконов и 2 псаломщиков.
- 9 В. К. [Виноградов, Виктор Капитонович] Воспоминания / публикация, вступ. ст. и примеч. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. II:1 (34). С. 122.
- 10 Фомин Н.К. Районирование в Тульской губернии (1924 г.) URL: http://tounb.ru/tula_region/historyregion/histori_fakts/sobitiya_34.aspx

- 11 Напр.: Иларион (Троицкий), архим. Христианства нет без Церкви. — М.: Православная беседа, 1992. С. 3.
- 12 Иларион (Троицкий), архиеп. Письмо Л. П. Архангельской от 3 февр. 1926 г. — Архив А. В. Никитского.
- 13 Архиепископ Брянский и Севский Даниил (Троицкий; 6 октября 1887 — 17 марта 1934) / [сост.] Отд. агиологии Брянского Епархиального управления // Брянский Монастырский Вестник, 2008. № 3. С. 7.
- 14 Золотухина Н. В. Навеки свободны: Свидетельства о вере новомучеников города Серпухова и Серпуховского района // Воскресная газета Покров: Общероссийская просветительная образовательная газета / гл. ред. игум. И. В. Киприан (Яценко), чл. ред. совета: Евгений, архиеп. Верейский и др. № 20. Ноябрь 2008. С. 6.
- 15 Иларион (Троицкий), архим. Письмо Л. П. Архангельской от 24 нояб. 1914 г. — Архив А. В. Никитского.
- 16 ГАУ ТО «Государственный архив», ф. 3, оп. 17, д. 640, л. 214.
- 17 Никитский В. А. Родные люди и родные места священномученика Илариона // Засечный рубеж (газета), 2004, май, № 18. С. 7.
- 18 ГАУ ТО «Государственный архив», ф. 3, оп. 17, д. 640, л. 214.
- 19 Ольга жила по адресу: ул. Рождественка, д. 29, кв. 4, недалеко от Сретенского монастыря, где в эти годы епископ Иларион был настоятелем.

- 20 Иларион (Троицкий), еп. Письмо Л. П. Архангельской от 7 мая 1921 г. — Архив А. В. Никитского.
- 21 В. К. [Виноградов, Виктор Капитонович] Воспоминания. С. 125.
- 22 Второе название села.
- 23 Ведомость о Церкви Святыя и Живоначальныя Троицы Тульского уезда села Квашнина за 1840-й год // «Клировая ведомость церквей Тульского уезда» [1840]. ГАУ ТО, ф. 3. оп. 17, д. 940, л. 335 об.
- 24 Тульский синодик (1558–2009) / авт.-сост. Георгиевская Т. В., Петрова М. В. — Тула: АСТРА-ПРИНТ, 2010. С. 241.
- 25 Ведомость о Церкви Святыя и Живоначальныя Троицы Тульского уезда села Квашнина за 1840-й год // «Клировая ведомость церквей Тульского уезда» [1840]. ГАУ ТО, ф. 3. оп. 17, д. 940, л. 335 об.
- 26 К. [апитон] В [иноградо]-в, [свящ.] Священник Петр Иванович Троицкий. (Некролог) // Тульские епархиальные ведомости. 1892, № 18. С. 163.
- 27 Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / авт.-сост. П.И. Малицкий. Изд. 2-е, испр. и доп. — Тула: Пересвет, 2010. С. 364.
- 28 ГАУ ТО «Государственный архив», ф. 3, оп. 17, д. 940, л. 333.
- 29 Там же, л. 335 об.
- 30 Там же, л. 334 об., л. 42 об.
- 31 ГАУ ТО «Государственный архив», ф. 3, оп. 17, д. 587, л. 75 об.

- 32 Там же.
- 33 Там же, л. 78 об.
- 34 ГАУ ТО «Государственный архив», ф. 3, оп. 17, д. 603, л. 42 об. — 43.
- 35 Дамаскин (Орловский), игум. Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский, викарий Московской епархии // Он же. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. — Тверь: Булат, 2005. Кн. 4. С. 379.
- 36 ГАУ ТО «Государственный архив», ф. 3, оп. 17, д. 623, л. 172 об.
- 37 Тульские епархиальные ведомости. 1917, № 13–14, 1–8 апреля. С. 84.
- 38 ГАУ ТО «Государственный архив», ф. 3, оп. 17, д. 623, л. 172 об.
- 39 Там же.
- 40 ГАУ ТО «Государственный архив», ф. 3, оп. 17, д. 640, л. 213.
- 41 Там же, ф. 3, оп. 17, д. 623, л. 173 об.
- 42 Там же, ф. 3, оп. 17, д. 640, л. 213 об.
- 43 В. К. [Виноградов, Виктор Капитонович] Воспоминания. С. 122.
- 44 Там же.
- 45 Виноградов Капитон, прот. Семейная хроника. Рукопись. — Архив храма в честь св. блгв. кн. Александра Невского г. Тулы.
- 46 Здесь и далее — орфография оригинала.

- 47 Виноградов Капитон, прот. Дневник. 1901 г. 18 февраля. Рукопись. — Архив храма в честь св. блгв. кн. Александра Невского г. Тулы.
- 48 Там же. 1912 г. 3 августа.
- 49 Там же. 1906 г. 14 мая.
- 50 Там же. 1913 г. 7 марта.
- 51 Там же. 1913 г. 26 марта.
- 52 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг.: Деяния 118–136. — М.: ГАРФ, Новоспасский мон-рь. 2000. Т. 9. С. 119.
- 53 В. К. [Виноградов, Виктор Капитонович] Воспоминания. С. 122.
- 54 Там же, с. 125, сноска 3.
- 55 Никитский В. А. Родные люди и родные места священномученика Илариона // Засечный рубеж (газета), 2004, май, № 18. С. 7
- 56 В. К. [Виноградов, Виктор Капитонович] Воспоминания. С. 122.
- 57 Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Без Церкви нет спасения / вступ. ст. мон. Софии: Житие сщмч. Илариона (Троицкого). — М.; СПб: Средненский монастырь, Знамение, 2000. С. 550.
- 58 Там же.
- 59 Иларион (Троицкий), архим. Христианства нет без Церкви // Он же. Христианства нет без Церкви. — М.: Православная беседа, 1992. С. 31.
- 60 Гитович Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. С. 14.

- 61 Волков Сергей. Последние у Троицы: Воспоминания о Московской духовной академии. — М., СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 116, 117.
- 62 Иоанн (Снычев), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский. Священномученик Иларион, архиепископ Верейский: Житие и свидетельства. — М.: Изд-во Сретенского мон-ря, 1999. С. 3.
- 63 Кривошеева Наталия. Блаженни непорочнии в путь ходящи: Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) [начало] // Москва (журнал). 1998. № 1. С. 211.
- 64 Клировые ведомости по городу Кашире и уезду. За 1900 год. — ГАУ ТО, ф. 3. оп. 17. д. 623. л. 172.
- 65 Служанка церкви (лат.). См.: Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Без Церкви нет спасения. С. 373.
- 66 Иларион (Троицкий), архиеп. Письмо Л. П. Архангельской от 3 февр. 1926 г. — Архив А. В. Никитского.
- 67 Цит. по: Дамаскин (Орловский), иером. Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) // Иларион (Троицкий), архиеп. Церковь как союз любви. — М.: ПСТБИ, 1998. С. 5–6.
- 68 Григорий Двоеслов, свт. Собеседования. — М.: Благовест, 1996. С. 184.
- 69 Романов А. М., великий князь. Книга воспоминаний. — М., СПб.: АСТ, Полигон, 2009. С. 53, 54.
- 70 Цит. по: Анафема: История и XX век: Сб. статей / сост. П. Паламарчук. — М.: Изд-во Сретенского мон-ря, 1998. С. 293.
- 71 Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время: 1863–1936.

- В 2-х кн. — Нижний Новгород: Братство во имя св. кн. Александра Невского, 2004. Кн. 2. С. 536.
- 72 Перелыгин А. И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). — Орел: Типография Труд, 2008. С. 28.
- 73 Шавельский Георгий, протопресв. Русская Церковь пред революцией. — М.: Артос-Медиа, 2005. С. 419.
- 74 Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. — М.: Отчий дом, 1994. С. 112.
- 75 Цит. по: Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Репр. изд. — Вильнюс: [б. и.], 1991. С. 184.
- 76 Филарет (Дроздов), митр. Творения. — М.: Отчий дом, 1994. С. 408.
- 77 Цит. по: Сергей (Страгородский), патр. Отношение православного человека к своей Церкви и инославию: Сборник статей. — М.: Изд. прихода храма св. прав. Иоанна Русского, изд-во Моск. Патриархии, 2001. С. 82.
- 78 Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. — М.: Московский рабочий, ВПМД, 1994. С. 202.
- 79 Шавельский Георгий, протопресв. Русская Церковь пред революцией. — М.: Артос-Медиа, 2005. С. 387.
- 80 Там же. С. 385.
- 81 Там же. С. 344.
- 82 Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. С. 244.

- 83 Иларион (Троицкий), сщмч. Творения: В 3-х т. Т. 3: Церковно-публицистические труды. — М.: Изд-во Сретенского мон-ря, 2004. С. 498.
- 84 Там же. С. 82.
- 85 Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Без Церкви нет спасения. С. 119.
- 86 Там же. С. 120–121.
- 87 Там же. С. 122–123.
- 88 Там же. С. 133.
- 89 Там же. С. 134.
- 90 Там же. С. 135, 138.
- 91 Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1910 год // Богословский вестник. 1910. № 12. С. 234–235 (4-я пагин.).
- 92 Там же. с. 238.
- 93 Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1910 год // Богословский вестник. 1911. № 1. С. 264 (5-я пагин.).
- 94 Там же. № 4. С. 405 (5-я пагин.).
- 95 Там же. С. 402.
- 96 Там же. С. 403.
- 97 Там же. С. 402.
- 98 Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1911 год // Богословский вестник. 1911. № 10. С. 131 (3-я пагин.).
- 99 Там же. № 5. С. 443–444 (3-я пагин.).

- 100 Троицкий В. А. Письмо свящ. Леониду Архангельскому от 19 авг. (в копии ошибочно — 19 дек.) 1911 г. — Архив А. В. Никитского.
- 101 Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Без Церкви нет спасения. С. 392–393.
- 102 Там же. С. 398.
- 103 Там же.
- 104 Там же. С. 406.
- 105 Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 7 июня 1911 г. — Архив А. В. Никитского.
- 106 Троицкий В. А. Письмо свящ. Леониду Архангельскому от 19 авг. (в копии ошибочно — 19 дек.) 1911 г. — Архив А. В. Никитского.
- 107 Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1912 год // Богословский вестник. 1912. № 10. С. 107–108 (3-я пагин.).
- 108 Волков Сергей. Последние у Троицы: Воспоминания о Московской духовной академии. — М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 112, 114.
- 109 Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1910 год // Богословский вестник. 1911. № 4. С. 402 (5-я пагин.).
- 110 Троицкий В. А. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от [начала ноября] 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 111 Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Без Церкви нет спасения. С. 69.
- 112 Там же. С. 83.

- 113 Там же. С. 114–115.
- 114 Сидоров А. И. Преосвященный Иларион (Троицкий) как богослов и церковный ученый // Иларион (Троицкий), архиеп. Очерки из истории догмата о Церкви. — М.: Паломник, 1997. С. XVI (1-я пагин.)
- 115 Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Без Церкви нет спасения. С. 361.
- 116 Там же. С. 369.
- 117 Там же. С. 373.
- 118 Там же. С. 359, 374.
- 119 Там же. С. 378–379.
- 120 Сидоров А. И. Преосвященный Иларион (Троицкий) как богослов и церковный ученый. С. XIX (1-я пагин.).
- 121 Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 3 авг. 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 122 Троицкий В. А. Письмо свящ. Леониду Архангельскому от 22 авг. 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 123 Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1912 год // Богословский вестник. 1913. № 7/8. С. 584 (7-я пагин.).
- 124 Там же. С. 602.
- 125 Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 29 нояб. 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 126 Иларион (Троицкий), архиеп. Очерки из истории догмата о Церкви. — М.: Паломник, 1997. С. 575.

- 127 Там же. С. VIII (2 пагин.).
- 128 Там же. С. 579.
- 129 Там же. С. 63.
- 130 Там же. С. 11.
- 131 Там же. С. 388.
- 132 Там же. С. 473.
- 133 Сидоров А. И. Преосвященный Иларион (Троицкий) как богослов и церковный ученый // Иларион (Троицкий), архиеп. Очерки из истории догмата о Церкви. — М.: Паломник, 1997. С. XXXIX (1-я пагин.).
- 134 Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 29 нояб. 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 135 Троицкий В. А. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 16 дек. 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 136 Там же.
- 137 Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1913 год // Богословский вестник. 1913. № 9. С. 49 (5-я пагин.).
- 138 Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1912–1913 учебном году // Богословский вестник. 1913. № 10. С. 29 (3-я пагин.).
- 139 Основываясь на неверной датировке некоторых копий писем В. Троицкого (архим. Илариона), о. Дамаскин (Орловский) делает ошибочный вывод о том, что после защиты диссертации Владимир Алексеевич побывал в Житомире, где активно общался с еп. Прокопием (Титовым)

и архиеп. Антонием (Храповицким) (Дамаскин (Орловский), иером. Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) // Иларион (Троицкий), архиеп. Церковь как союз любви. — М.: ПСТБИ, 1998. С. 12).

Протодиакон Сергей Голубцов, отталкиваясь от этой исторической неточности, делает следующее предположение: «Можно предположить, что они (названные выше архиереи. — *Примеч. авт.*), не смотря на то, что юноша мечтал заняться наукой, в значительной мере склонили его к принятию монашества» (Голубцов Сергей, протод. Материалы к биографиям профессоров и преподавателей МДА: Архиепископ Иларион (Троицкий) // Богословский вестник. 1998. Вып. 2. С. 112).

Но, во-первых, видится неверным представлять Владимира Троицкого робким юношей, подпавшим под влияние сильных личностей, поскольку известна самостоятельность его мышления, отмеченная, в частности, рецензентами его научных работ. Во-вторых, В. Троицкий, конечно, был хорошо знаком с высокопреосвященным Антонием и, без сомнения, прислушивался к мнению известного иерарха. К примеру, последний общался с молодым преподавателем Священного Писания Нового Завета во время своего посещения МДА в октябре 1912 года (Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 30 окт. 1912 г. — Архив А. В. Никитского). Тем не менее в декабре 1912 г. Владимир Троицкий ездил не в Житомир, а в Херсон, к родственникам о. Леониду и Лидии Павловне Архангельским. В Житомире же он был через год после этой поездки. Это становится понятным из сопоставления содержания двух писем. Так, в письме к своей двоюродной

сестре Лидии Павловне от января 1913 года Владимир Алексеевич замечает: «Антоний хоть и ругается... что я Херсон... предпочел Житомиру, но хотел 10-го (января. — *Примеч. авт.*) в вагоне по пути в СПб диссертацию прочитать» (Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от января (в копии — первая часть письма, ошибочного датированного апрелем) 1913 г. — Архив А. В. Никитского). Письмо тому же адресату от 27 декабря 1913 года, первоначально ошибочно датированное 1912 годом, подписано «Арх. Иларион». Автор письма, между прочим, замечает, что пишет «из вагона, как и прошлый год на этом же самом месте». И далее: «Еду в Киев, но из Киева мой путь уже не будет направлен к Херсону, не к Херсону, а к Житомиру» (Иларион (Троицкий), архим. Письмо Л. П. Архангельской от 27 дек. 1913 г. — Архив А. В. Никитского). Датировка этого письма декабрем 1913 года подтверждается упоминанием определения Совета академии о сочинении прот. Николая Малиновского, которое (определение) было принято на заседании Совета 11 декабря 1913 года, после отзывов М. Тареева и архим. Илариона (Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1913 год // Богословский вестник. 1914. № 5. С. 608–640 (3-я пагин.); Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1913 год // Богословский вестник. 1914. № 6. С. 641–712).

- ¹⁴⁰ Цит. по: Кривошеева Наталия. Блаженни непорочнии в путь ходящи: Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) [начало] // Москва (журнал). 1998. № 1. С. 217.
- ¹⁴¹ Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 1912 г., из Петрограда. — Архив А. В. Никитского.

- 142 Его же. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от [начала ноября] 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 143 Его же. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от февраля 1913 г. — Архив А. В. Никитского.
- 144 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от 30 окт. 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 145 Его же. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от [начала ноября] 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 146 А. [Автор не установлен] Из академической жизни // Богословский вестник. 1913. № 4. С. 881 (2-я пагин.).
- 147 Феодор (Поздеевский), архиеп. Жизнеописание. Избранные труды / сост. иером. Роман (Лукин). — [Б.м.]: Св.-Троицкая Сергиева лавра, 2000. С. 386.
- 148 Иларион (Троицкий), иерод. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от апреля 1913 г. — Архив А. В. Никитского.
- 149 Иларион (Троицкий), иерод. Письмо свящ. Леониду Архангельскому от 27 апреля 1913 г. — Архив А. В. Никитского.
- 150 Иларион (Троицкий), архим. Письмо Л. П. Архангельской от 5 июля 1913 г. — Архив А. В. Никитского.
- 151 Там же.
- 152 Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1913 год // Богословский вестник. 1914. № 4. С. 549–550 (4-я пагин.).

- 153 Голубцов Сергей, протод. Материалы к биографиям профессоров и преподавателей МДА: Архиепископ Иларион (Троицкий) // Богословский вестник. 1998. Вып. 2. С. 158.
- 154 Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 30 окт. 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 155 Иларион (Троицкий), архим. Письмо Л. П. Архангельской от 6 апр. 1914 г. — Архив А. В. Никитского.
- 156 Его же. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 8 окт. 1916 г. — Архив Ю.В. Архангельской.
- 157 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от окт. 1916 г. — Архив Ю.В. Архангельской.
- 158 Его же. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 8 окт. 1916 г. — Архив Ю.В. Архангельской.
- 159 Его же. Письмо свящ. Леониду Архангельскому от 29 апр. 1914 г. — Архив А. В. Никитского; Иларион (Троицкий), архим. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от апреля 1914 г. (в копии — вторая часть письма, ошибочно датированного апрелем 1913 г., первая часть этого составного письма — другое письмо, отправленное В. Троицким Л. П. Архангельской в январе 1913 г.) — Архив А. В. Никитского
- 160 Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1915–16 учебном году // Богословский вестник. 1916. № 10/11/12. С. 7 (5-я пагин.).
- 161 Волков Сергей. Последние у Троицы: Воспоминания о Московской духовной академии. — М., СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 113.

- 162 Иларион (Троицкий), архим. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от апреля 1914 г. (в копии – вторая часть письма, ошибочно датированного апрелем 1913 г., первая часть этого составного письма – другое письмо, отправленное В. Троицким Л. П. Архангельской в январе 1913 г.) – Архив А. В. Никитского.
- 163 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от марта 1914 г. – Архив А. В. Никитского.
- 164 В жизнеописаниях сщмч. Илариона обыкновенно говорится, что Святейший Синод дважды, весной 1913 г. и в марте 1914 г., поручал о. Илариону участие в деле «увещания» афонских монахов (Например: Дамаскин (Орловский), игум. Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский, викарий Московской епархии // Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. – Тверь: Булат, 2005. С. 391, 393; Голубцов Сергей, протод. Материалы к биографиям профессоров и преподавателей МДА: Архиепископ Иларион (Троицкий) // Богословский вестник. 1998. Вып. 2. С. 116.).

Согласно этой версии, оба раза через некоторое время поручение отменялось. Такое в течение года почти тождественное повторение факта, имеющего характерные особенности, не может не вызвать подозрения, которые увеличиваются через ознакомление с обстоятельствами жизни Троицкого весной 1913 года. Нам известно, что в марте 1913 года В. Троицкий готовится к постригу, и указанное поручение Св. Синода в этом случае явно выглядело бы неуместным. После пострига о. Иларион в течение двух месяцев

пишет своим родным о благостном состоянии, не омраченном никакими неприятностями.

Явным диссонансом к этим фактам звучит письмо о. Илариона Лидии Павловне Архангельской, датированное апрелем 1913 года, в котором пишущий замечает: «Дело с афонцами разрешается без моего участия. Возможно, что тревога была у меня напрасно, но она была, и времени у меня пропало много» (Иларион (Троицкий), архим. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от апреля 1914 г. (в копии — вторая часть письма, ошибочно датированного апрелем 1913 г., первая часть этого составного письма — другое письмо, отправленное В. Троицким Л. П. Архангельской в январе 1913 г.) — Архив А. В. Никитского).

Сомнения эти достаточно легко разрешаются внимательным ознакомлением с содержанием означенного письма. Оказывается, что письмо это состоит, собственно, из двух писем с разницей во времени около года. Датировка этих объединенных в одно писем устанавливается по описываемым в них событиям с точностью до нескольких дней.

Время написания первого письма определяется следующими указаниями. В нем названо число отъезда автора письма из Херсона от Архангельских — 31 декабря и описываются события, происшедшие с отправителем за две недели после разлуки с адресатом (т. е. с Лидией Павловной). Кроме того, автор письма упоминает о своей магистерской: «Жду утверждения». Как уже отмечалось выше, Владимир Троицкий был утвержден в степени магистра богословия указом Св. Синода от 16 января 1913 года (Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1913 год // Богословский вестник. 1913. № 9. С. 49 (5-я п. гин.)). Таким образом, время написания первого

письма с уверенностью можно определить как период от 13 до 16 января 1913 года плюс–минус один–два дня.

Что же касается второй части составного письма, датированного в копиях апрелем 1913 года, то время его написания определяется не менее точно. Во-первых, письмо написано в последние числа апреля: «Ведь до июня чуть больше месяца». Во-вторых, говорится: «Ждем скоро диспутов Флоренского и Виноградова, вероятно, в самом непродолжительном времени состоятся». Этим упоминанием точно определяется год второго письма, поскольку магистерские диспуты священника Павла Флоренского и и. д. доцента МДА «по кафедре пастырского богословия с аскетикой и гомилетики» Василия Виноградова состоялись, соответственно, 19 и 22 мая 1914 года (Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1914 год // Богословский вестник. 1914. № 9. С. 152–155 (3-я пагин.)) (об этих диспутах как о прошедших говорится в другом письме архим. Илариона – от 2 июня 1914 г.). После этого указания на время года и сам год написания письма говорится, что «дело с афонцами разрешается» без участия автора письма. Отмеченные особенности позволяют с уверенностью датировать вторую часть составного письма концом апреля 1914 года.

Таким образом, письмо, ошибочно датированное апрелем 1913 года, состоит из двух писем. Первое (без окончания) написано и. д. доцента МДА В. Троицким в середине января 1913 года, а второе (без начала) написано инспектором академии архим. Иларионом в конце апреля 1914 года.

Предложенный анализ позволяет утверждать, что поручение по увещанию афонских монахов дано было Св. Синодом архим. Илариону

(Троицкому) единожды в марте 1914 года, о чем и упоминается в письме о. Илариона, написанном в марте 1914 г.: «... на днях такое получил Синодом поручение, что сразу потерял покой и хожу осунувшимся. Дело это вообще грязноватое, крайне ответственное, к моему образу (довольно таки позапачканному) мало подходящее, требующее немалой книжной подготовки, которой я не имею вовсе, а времени и мало остается, и главное — без того не знаю, как справиться с академическими делами. Это поручение меня просто угнетает» (Иларион (Троицкий), архим. Письмо Л. П. Архангельской от марта 1914 г. — Архив А. В. Никитского). Поручение это было отменено в апреле того же года, о чем мы узнаем из письма конца апреля 1914 года, ошибочно датированного апрелем 1913 года.

- ¹⁶⁵ Иларион (Троицкий), архим. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от апреля 1914 г. (в копии — вторая часть письма, ошибочно датированного апрелем 1913 г., первая часть этого составного письма — другое письмо, отправленное В. Троицким Л. П. Архангельской в январе 1913 г.) — Архив А. В. Никитского.
- ¹⁶⁶ Штюрмер Борис Владимирович — с 20 января по 10 ноября 1916 г. был председателем Совета министров Российской империи.
- ¹⁶⁷ Иларион (Троицкий), архим. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 8 окт. 1916 г. — Архив Ю.В. Архангельской.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Иларион (Троицкий), архим. Письмо свящ. Леониду Архангельскому от 9 июня 1914 г. — Архив А. В. Никитского.

- 170 Его же. Письмо свящ. Леониду Архангельскому от 17 ноября 1913 г. — Архив А. В. Никитского.
- 171 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от окт. 1916 г. — Архив Ю.В. Архангельской.
- 172 Там же.
- 173 Его же. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 8 окт. 1916 г. — Архив Ю. В. Архангельской.
- 174 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от 27 октября 1913 г. — Архив А. В. Никитского.
- 175 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от марта 1914 г. — Архив А. В. Никитского.
- 176 Его же. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от апреля 1914 г. (в копии — вторая часть письма, ошибочно датированного апрелем 1913 г., первая часть этого составного письма — другое письмо, отправленное В. Троицким Л. П. Архангельской в январе 1913 г.) — Архив А. В. Никитского.
- 177 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от марта 1914 г. — Архив А. В. Никитского.
- 178 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от 6 апр. 1914 г. — Архив А. В. Никитского.
- 179 Цит. по: Новоселов М. А. Догмат и мистика в православии, католичестве и протестантстве. — М.: Лепта-Пресс, 2003. С. 43.
- 180 Волков Сергей. Возле монастырских стен: Мемуары. Дневники. Письма. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. С. 119–122.
- 181 Там же, с. 121–122.

- 182 Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Репр. изд. — Б. м.: Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 140.
- 183 Софроний (Сахаров), архим. Старец Силуан: Жизнь и поучения. — М.: Православная община. С. 41.
- 184 Иларион (Троицкий), сщмч. Без Церкви нет спасения. С. 291.
- 185 Там же, С. 299.
- 186 Агапит (Беловидов), схиархим. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле. В 2-х ч. Репр. изд. — М.: Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1992. Ч. 2. С. 60.
- 187 Деяния Вселенских Соборов: В 4-х т. — М.; СПб.: Воскресение, Паломник, 1996. — Т. IV: VI Собор, VII Собор. С. 358.
- 188 Иларион (Троицкий), сщмч. Без Церкви нет спасения. С. 141.
- 189 Там же. С. 140.
- 190 Там же. С. 142.
- 191 Там же. С. 209.
- 192 Там же. С. 210.
- 193 Иларион (Троицкий), сщмч. Священное Писание и Церковь // Он же. Без Церкви нет спасения. С. 26.
- 194 Там же. С. 7–9.
- 195 Там же. С. 50.

- 196 Софроний (Сахаров), архим. Старец Силуан: Жизнь и поучения. — М.: Православная община, 1991. С. 81.
- 197 Иларион (Троицкий), сщмч. Священное Писание и Церковь // Он же. Без Церкви нет спасения. С. 49.
- 198 Там же. С. 50.
- 199 Иларион (Троицкий), сщмч. Краугольный камень Церкви // Он же. Без Церкви нет спасения. С. 451.
- 200 Там же, С. 452.
- 201 Иларион (Троицкий), архим. Письмо Л. П. Архангельской от 24 ноября 1914 г. — Архив А. В. Никитского.
- 202 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от 15 октября 1914 г. — Архив А. В. Никитского.
- 203 Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 30 окт. 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 204 Иларион (Троицкий), сщмч. О жизни в Церкви и о жизни церковной // Иларион (Троицкий), сщмч. Творения: В 3-х т.: Т. 3: Церковно-публицистические труды. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. С. 471; Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Триединство Божества и единство человечества // Иларион, архиеп. Верейский, сщмч. Без Церкви нет спасения С. 626.
- 205 Иларион (Троицкий), архиеп. Вифлеем и Голгофа // Иларион (Троицкий), архиеп. Церковь как союз любви. — М.: ПСТБИ, 1998. С. 425–426.
- 206 Волков Сергей. Возле монастырских стен: Мемуары. Дневники. Письма. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. С. 155.

- 207 Иларион (Троицкий), иером. Письмо Л. П. Архангельской от 27 октября 1913 г. — Архив А. В. Никитского.
- 208 [Попов И. В.] Живая жизнь: IV. Всероссийский съезд ученого монашества // Богословский вестник. 1917. № 6/7. С. 144 (1-я пагин.).
- 209 Троицкий В. А. Письмо Л. П. Архангельской от 12 июня 1912 г. — Архив А. В. Никитского.
- 210 Иларион (Троицкий), сщмч. О жизни в Церкви и о жизни церковной // Иларион (Троицкий), сщмч. Творения: В 3 т. — М.: Изд-во Сретенского мон-ря, 2004. Т. 3. С. 318.
- 211 Иларион (Троицкий), иером. Письмо Л. П. Архангельской от 15 окт. 1914 г. — Архив А. В. Никитского.
- 212 Иларион, (Троицкий), сщмч. Прогресс и преобразование // Он же. Без Церкви нет спасения. С. 266.
- 213 Там же. С. 267.
- 214 Там же. С. 265.
- 215 Там же. С. 270.
- 216 Там же. С. 275.
- 217 Там же. С. 283.
- 218 Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Kusnacht (Schweiz): Institut Glaube in der 2. Welt, 1996. С. 313.
- 219 Журналы собраний Совета Императорской Московской духовной академии за 1915 год //

- Богословский вестник. 1916, № 2. С. 69, 71 (4-я пагин.).
- 220 [Попов И. В.] Живая жизнь: II. В академии // Богословский вестник. 1917. № 10/11/12. С. 431 (2-я пагин.).
- 221 Тропарь сщмч. Илариону: Священномученик Иларион: Служба и житие. — [Б.м.]: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. С. 6.
- 222 Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Богословие и свобода Церкви // Он же. Без Церкви нет спасения. С. 350.
- 223 Там же. С. 340.
- 224 Там же. С. 348.
- 225 Там же. С. 350.
- 226 Об этом также см. работы архимандрита Илариона «Триединство Божества и единство человечества» (1912), «Церковь как союз любви» (1914).
- 227 Иларион (Троицкий), архим. Христианства нет без Церкви. С. 25.
- 228 Цит. по: В. В-в [Виноградов В. П.]. Из хроники церковно-общественной жизни // Христианин: Журнал церковно-общественной жизни, науки и литературы. — Сергиев Посад. 1915. № 9. С. 189.
- 229 А. И. [Архимандрит Иларион]. Небольшое примечание к «записке думского духовенства» // Там же. С. 385.
- 230 Иларион (Троицкий), сщмч. Единство идеала Христова // Он же. Без Церкви нет спасения. С. 242.

- 231 Иларион (Троицкий), сщмч. Письма о Западе // Он же. Без Церкви нет спасения. С. 545.
- 232 Там же. С. 536.
- 233 Там же. С. 483.
- 234 Там же. С. 502.
- 235 Там же. С. 531.
- 236 Там же. С. 470.
- 237 Там же. С. 531.
- 238 Там же. С. 498–499.
- 239 Там же. С. 469.
- 240 Иларион, (архиеп. Верейский), сщмч. Грех против Церкви // Он же. Без Церкви нет спасения. С. 562.
- 241 Там же. С. 560.
- 242 Там же. С. 563.
- 243 Там же. С. 562.
- 244 Там же. С. 585.
- 245 Там же. С. 562.
- 246 Фридман Нафтали Маркович (1863–1921) – российский общественный и государственный деятель, юрист, один из самых известных депутатов-евреев Государственной Думы.
- 247 Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) – политический деятель России и Грузии, депутат 3-й и 4-й Государственной Думы, глава фракции меньшевиков, член думской масонской ложи «Роза» Великого Востока народов России.

- 248 Там же. С. 586.
- 249 Там же. С. 587.
- 250 Православие и экуменизм: Документы и материалы, 1902–1998. — М.: Изд-во МФТИ, 1999. С. 26.
- 251 Иларион (Троицкий), архим. Единство Церкви и Всемирная конференция христианства // Он же. Христианства нет без Церкви. С. 54.
- 252 Там же. С. 103.
- 253 Там же. С. 58–59.
- 254 Там же. С. 62–63.
- 255 Там же. С. 62.
- 256 [Попов И. В.] Живая жизнь: I. В академии // Богословский вестник. 1917. № 6/7. С. 120 (1-я пагин.)
- 257 Его же. Живая жизнь: III. В академии // Богословский вестник. 1917. № 8/9. С. 280 (2-я пагин.).
- 258 Его же. Живая жизнь: II. В академии // Богословский вестник. 1917. № 10/11/12. С. 434 (2-я пагин.)
- 259 Его же. Живая жизнь: I. В академии // Богословский вестник. 1917. № 6/7. С. 121 (1-я пагин.).
- 260 Его же. Живая жизнь: II. В академии // Богословский вестник. 1917. № 10/11/12. С. 434 (2-я пагин.).
- 261 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Т. 1: Кн. I, вып. 3: Деяния VI–XVI. Репр. изд. — М.: Новоспасский мон-рь, 1994. С. 140.

- 262 Деяния Священного Собора... Т. 2. Деяния XVII–XXX. С. 7–8.
- 263 Деяния Священного Собора... Т. 1: Кн. I, вып. I: Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. С. 9.
- 264 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Репр. изд. Т. 5. — М.: Новоспасский мон-рь. 1996. С. 367.
- 265 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Т. 1: Кн. I, вып. 2: Деяния I–V. С. 71; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 5. С. 23, 367.
- 266 Деяния Священного Собора... Деяния 152–170. — М.: ГАРФ, Новоспасский мон-рь. 2000. Т. 11. С. 119–120.
- 267 Там же, С. 130.
- 268 Там же, С. 129.
- 269 Деяния Священного Собора... Деяния 118–136. Т. 9. С. 100.
- 270 Деяния Священного Собора... Деяния 137–151. Т. 10. С. 85–86, 89–90.
- 271 Деяния Священного Собора... Т. 6: Кн. VI: Деяния LXVI–LXXVII. С. 96, 109, 114.
- 272 Деяния Священного Собора... Деяния 118–136. Т. 9. С. 259.
- 273 Там же. С. 251–259.
- 274 Деяния Священного Собора... Т. 6: Кн. VII, вып. I: Деяния LXXVIII–LXXXII. Т. 6. С. 44–46, 94–96.

- 275 Там же. С. 130.
- 276 Там же. С. 134–135.
- 277 Деяния Священного Собора... Деяния 152–170. Т. 11. С. 168–169, 181, 183.
- 278 Деяния Священного Собора... Деяния 102–117. – М.: ГАРФ, Новоспасский мон-рь, 1999. Т. 8. С. 109.
- 279 Деяния Священного Собора... Т. 5. С. 117; Деяния Священного Собора... Т. 6: Кн. VI: Деяния LXVI–LXXVII. С. 141, 246, 261.
- 280 Деяния Священного Собора... Т. 5. С. 203–206, 208, 220, 221; Деяния Священного Собора... Т. 6: Кн. VI: Деяния LXVI–LXXVII. С. 250, 251, 257–259, 262–267, 270–284.
- 281 Деяния Священного Собора... Т. 5. С. 221; Деяния Священного Собора... Т. 6: Кн. VI: Деяния LXVI–LXXVII. С. 284
- 282 Цыпин Владислав, прот. Русская Православная Церковь: 1917–1925. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1996. С. 40.
- 283 Деяния Священного Собора... Деяния XVII–XXX. Т. 2. С. 225–231.
- 284 Там же. С. 353–354.
- 285 Там же. С. 270, 269.
- 286 Напр.: Сафонов Дмитрий. Великая радость на земле и на небе: Святитель Иларион (Троицкий) и его вклад в восстановление патриаршества. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/5852.htm>
- 287 Деяния Священного Собора... Деяния XXXI–XL. Т. 3. С. 39.

- 288 Деяния Священного Собора... Деяния XVII–XXX. Т. 2. С. 377.
- 289 Деяния Священного Собора... Т. 6: Кн. VI: Деяния LXVI–LXXVII. С. 109.
- 290 Деяния Священного Собора... Деяния XVII–XXX. Т. 2. С. 425.
- 291 Там же. С. 428.
- 292 Там же.
- 293 Там же. С. 373.
- 294 Цит. по: Сафонов Дмитрий. Великая радость на земле и на небе: Святитель Иларион (Троицкий) и его вклад в восстановление патриаршества.
- 295 Деяния Священного Собора... Т. 5. С. 364, 365.
- 296 Деяния Священного Собора... Деяния XXXI–XL. Т. 3. С. 51, 53.
- 297 Там же. С. 55.
- 298 Деяния Священного Собора... Т. 4: Кн. IV: Деяния XLVI–LI. С. 41.
- 299 Цит. по: Голубцов Сергей, протод. Материалы к биографиям профессоров и преподавателей МДА: Архиепископ Иларион (Троицкий) // Богословский вестник, 1998. Вып. 2. С. 119.
- 300 [Попов И. В.] Живая жизнь: II. В академии // Богословский вестник. 1917. № 10/11/12. С. 430–436 (2-я пагин.) С. 434.
- 301 Свидетельства архим. Илариона (Троицкого) и свящ. Павла (Флоренского) о прекращении существования старой «академии у Троицы» / публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2009. № 8–9. С. 502.

- 302 Сафонов Д. В. Академическое служение сщмч. Илариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством: По материалам публичных диспутов в Политехническом музее // Богословский вестник. 2005–2006. № 5/6. С. 337.
- 303 Свидетельства архим. Илариона (Троицкого) и свящ. Павла (Флоренского) о прекращении существования старой «академии у Троицы». С. 503.
- 304 Сафонов Д. В. Академическое служение сщмч. Илариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством. С. 338.
- 305 Иларион (Троицкий), архим. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 9 мая 1919. — Архив А. В. Никитского.
- 306 Сафонов Д. В. Академическое служение сщмч. Илариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством. С. 341.
- 307 Цит. по: Дамаскин (Орловский), иером. Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) // Иларион (Троицкий), архиеп. Церковь как союз любви. С. 30–31.
- 308 Цит. по: Иоанн (Лудищев), иером. События церковной жизни 1923 года и Сретенский монастырь. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/54512.htm>
- 309 Шутова Т.А. Священник Александр Ельчанинов. Тифлисский период биографии // Сретенский сборник. Вып. 1. М., 2010. С. 261. Цит. по: Иоанн (Лудищев), иером. Сретенский монастырь в 1920 году. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/51560.htm>

- 310 Сафонов Дмитрий. Архиерейское служение священномученика Илариона (Троицкого) в 1920 – первой половине 1923 г. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5822.html>
- 311 Из письма наместника Сретенского монастыря архимандрита Сергия (Плаксина) в Отдел охраны памятников старины от 14 июня 1921 года. Цит. по: Иоанн (Лудищев), иером. События церковной жизни 1923 года и Сретенский монастырь. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/54512.htm>
- 312 Иоанн (Лудищев), иером. Сретенский монастырь в 1920 году. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/51560.htm>
- 313 Цит. по: Иоанн, (Лудищев), иером. Сретенский монастырь в 1921 году. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/52023.htm>
- 314 Там же.
- 315 Там же.
- 316 Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей РПЦ, а также в секретных документах руководителей советского государства; 1888–1932 / сост., автор предисл., послесл. и комм. М. Склярова. – СПб.: Борей, 1994. С. 303.
- 317 Иларион (Троицкий), еп. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 22 декабря 1920 г. – Архив А. В. Никитского.
- 318 Окунев Н. П. Дневник москвича [отрывок] // Иоанн (Снычев), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский. Священномученик Иларион, архиепископ Верейский: Житие и свидетельства. – М.: Сретенский мон-рь, 1999. С. 29.

- 319 Иларион (Троицкий), еп. Письмо Л. П. Архангельской от 23 марта 1921 г. — Архив А. В. Никитского.
- 320 Его же. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 20 сентября 1921 г. — Архив А. В. Никитского.
- 321 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от 23 марта 1921 г. — Архив А. В. Никитского.
- 322 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от 7 мая 1921 г. — Архив А. В. Никитского.
- 323 Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет — высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти РСФСР с 1918 по 1937 г.
- 324 Послание Святейшего Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей (15/28.02.1922) // Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943 / под ред. прот. Владимира Воробьева и др.; сост. М.Е. Губонин. — М.: ПСТБИ, Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. С. 190.
- 325 Там же.
- 326 Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 114–115. Цит. по: Иоанн (Лудищев), иером. Сретенский монастырь в 1922 году. URL: <http://www.pravoslavie.ru/52386.html>
- 327 Послание Святейшего Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей (15/28 02.1922) // Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 190.

- 328 Московский губернский отдел Государственного политического управления.
- 329 Сообщение Московского губотдела ГПУ о проповеди епископа Верейского Илариона (Троицкого) против изъятия церковных ценностей // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925. В 2 кн. — Новосибирск, М.: Сибирский хронограф, РОССПЭН. Кн. 2. 1998. С. 28.
- 330 Иоанн (Лудищев), иером. Сретенский монастырь в 1922 году. URL:<http://www.pravoslavie.ru/52386.html>
- 331 Сафонов Дмитрий. Архиерейское служение священномученика Илариона (Троицкого) в 1920 — первой половине 1923 гг. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5822.html>
- 332 Там же.
- 333 Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы... / Сост. Г. Штриккер. — М.: Профилен, 1995. С. 157.
- 334 Иларион (Троицкий), еп. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 28 авг. 1922 г. — Архив А. В. Никитского.
- 335 Ефрем Сирин, св. Творения: в 8 т. — [Б.м.]: Изд. отд. Моск. Патриархии, 1993. Т. 2. С. 141.
- 336 Иларион (Троицкий), еп. Письмо свящ. Леониду 20 сент. 1922 г. — Архив А. В. Никитского.
- 337 Там же.
- 338 Иларион (Троицкий), еп. Письмо свящ. Леониду и Лидии Архангельским от 26 фев. 1923 г. — Архив А. В. Никитского.

- 339 Цит. по: Дамаскин (Орловский), иером. Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) // Иларион (Троицкий), архиеп. Церковь как союз любви. С. 39.
- 340 Иоанн (Лудищев), иером. События церковной жизни 1923 года и Сретенский монастырь. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/54512.htm>
- 341 Там же.
- 342 Цит. по: Дамаскин (Орловский), игум. Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский, викарий Московской епархии // Он же. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. – Тверь: Булат, 2005. С. 416.
- 343 Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия... – Самара: [Б.и.], 1997. С. 86.
- 344 Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М., Kusnacht (Schweiz): Крутицкое Патриаршее подворье, Institut Glaube in der 2 Welt, 1996. С. 313–314.
- 345 Цит. по: Иоанн (Лудищев), иером. События церковной жизни 1923 года и Сретенский монастырь. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/54512.htm>
- 346 Диспуты митрополита Александра Введенского: 10. По Тульской епархии // Церковное обновление (газета). 15 июля 1925 г. № 11. С. 87.
- 347 Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 377.

- 348 Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви: 1917–1945. — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. С. 77–78.
- 349 Священномученик Иларион: Служба и житие. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. С. 24.
- 350 Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 291.
- 351 Щелкачев А. В. Новая и новейшая история Православной Церкви: Продолжение. С. 92
- 352 Там же. С. 286.
- 353 Кривошеева Н. А. Кто же является распространителем «ложных слухов?» // Ученые записки: Вып. 6: Церковная история XX века и обновленческая смута. — М.: Индрик, 2000. С. 115.
- 354 Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 352.
- 355 Акты святейшего патриарха Тихона... С. 738–741.
- 356 Сафонов Д. Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г. // Альфа и Омега. 2005. № 2 (43). С. 168, 169, 172, 179.
- 357 Цит. по: Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 352
- 358 В.К. [Виноградов Виктор Капитонович] Воспоминания неизвестного // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ, 2010. Вып. II:1 (34). С. 122–123.
- 359 Цит. по: Дамаскин (Орловский), иером. Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого). С. 52.
- 360 Польский М., протопресв. Новые мученики российские: Первое собрание материалов. — Джорданвиль: Св.-Троицкий мон-рь, 1949. С. 133.

- 361 Там же, С. 127–130.
- 362 Спиридон (Кисляков), архим. Из виденного и пережитого: записки миссионера. — [Б. м.]: Образ, 2004. С. 38–39.
- 363 Отец Арсений: Изд. 5-е / под ред. прот. В. Воробьева. — М.: ПСТГУ, 2009. С. 628–629.
- 364 Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в патриархии: Впечатления и наблюдения от поездки в Москву // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии: Сборник. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 268.
- 365 Ширяев Б. Неугасимая лампада. — М.: Товарищество русских художников, 1991. С. 323.
- 366 Цит. по: Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 352.
- 367 Ширяев Б. Неугасимая лампада. С. 320, 325–329.
- 368 Там же, С. 324–325.
- 369 Датировка этого события требует уточнения. Согласно воспоминаниям бывших соловецких узников, храмовое богослужение в Соловецком лагере было доступно для заключенных лишь в период с 1925 по 1929 гг. Самое торжественное общедоступное пасхальное богослужение на Соловках совершалось в 1926 г. Но Пасху 1926 года архиеп. Иларион встречал на пересыльном пункте Попова острова. По словам М. М. Розанова, архиеп. Иларион возглавлял пасхальное богослужение в 1929 году, но к нему были допущены почти исключительно духовенство и монахи (Розанов М.М. Соловецкий концлагерь в монастыре: 1922–1939: Факты — домыслы — «параши»: Обзор

воспоминаний соловчан соловчанами: В 2-х кн. — США: Изд. автора, 1979. Кн. 1. С. 249–250). Возможно, описываемое в книге «Неугасимая лампада» праздничное богослужение, возглавляемое архиеп. Иларионом, совершалось в 1928 году, когда в Соловецком лагере «Пасху открыто праздновали в последний раз» (Сошина Антонина. Наш путь — смиренная преданность Отцу Небесному: Исполнение пастырского долга в условиях лагеря // Соловецкое море: альманах. 2006. № 5). Не исключено также, что описанные события относятся к 1925 году, когда начальник СЛОНа Эйхманс сделал доступным храмовое богослужение для духовенства и верующих.

- 370 Там же. С. 397.
- 371 СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения.
- 372 Волков Олег. Погружение во тьму: из пережитого. — М.: [Б. и.], 2009. С. 92, 93.
- 373 Иларион (Троицкий), архиеп. Письмо Л. П. Архангельской от 3 февр. 1926 г. — Архив А. В. Никитского.
- 374 Польский М. протопресв. Новые мученики российские: Первое собрание материалов. — Джорданвилль: Св.-Троицкий мон-рь, 1949. С. 131.
- 375 Чехранов Павел, свящ. Две тюремные Пасхи. Из воспоминаний // Воспоминания соловецких узников / редкол.: иерей В. Умнягин (отв. ред.) и др. — Соловки, 2013. Т. 1: 1923–1939. С. 711–715.
- 376 Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия... — Самара: [Б.и.], 1997. С. 86, 87.
- 377 Акты святейшего патриарха Тихона... С. 494–495.

- 378 Польшкий М. протопресв. Новые мученики российские: Первое собрание материалов. — Джорданвиль: Св.-Троицкий мон-рь, 1949. С. 131.
- 379 Там же.
- 380 Дамаскин (Орловский), игум. Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский, викарий Московской епархии // Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. — Тверь: Булат, 2005. С. 438.
- 381 Иоанн (Снычев), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский. Священномученик Иларион, архиепископ Верейский: Житие и свидетельства. — М. : Изд-во. Сретенского мон-ря, 1999. С. 20.
- 382 Его же. Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк. — СПб: [Б. и.], 1993. С. 104.
- 383 Его же. Церковные расколы Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия... С. 272–273.
- 384 Там же. С. 272–273.
- 385 Более подробно об авторстве этого письма см.: Горбачев Андрей. Об авторстве одного письма, приписываемого священномученику Илариону. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/71868.htm>
- 386 Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия... С. 325–326.
- 387 Там же, С. 326. С.А., прот. Новое разделение в Православной Церкви, т. н. иосифлянство

- или димитрианство и автокефалисты. — Архив митрополита Мануила (Лемешевского), № 15.
- 388 Там же, С. 326. Подробнее об этом: Горбачев Андрей. Святители Иларион (Троицкий) и Виктор (Островидов): к вопросу об отношении к декларации митрополита Сергия (Страгородского). URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/79180.htm>
- 389 «Променять кукушку на ястреба» — народная поговорка, обозначающая «сменить плохое на худшее». Владыка Иларион приводит эту поговорку в измененном виде. Он сомневается, удастся ли ему сменить «ястреба на кукушку», т. е. — худшее на плохое, поскольку жизнь в богоборческом государстве таила для него не меньше опасностей, чем пребывание в лагере.
- 390 Иларион (Троицкий), архиеп. Письмо Л. П. Архангельской от 15 ноября 1928 г. (В копии ошибочно — 1929 г.) — Архив А. В. Никитского.
- 391 Его же. Письмо Л. П. Архангельской от 23 марта 1929 г. — Архив А. В. Никитского.
- 392 Польский М., протопресв. Новые мученики российские. С. 134.
- 393 Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: Записки соловецкого узника. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1997. С. 105.
- 394 Иоанн (Снычев), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский. Священномученик Иларион, архиепископ Верейский: Житие и свидетельства. С. 26.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>О предках и родственниках</i>	9
<i>Детство и юность</i>	18
<i>Россия в начале XX века</i>	21
<i>Где границы Церкви?</i>	26
<i>Студент академии</i>	29
<i>Церковь и идолы</i>	29
<i>Кандидатская диссертация</i>	34
<i>Профессорский стипендиат</i>	37
<i>Церковь и Писание</i>	39
<i>Работа над магистерской диссертацией</i>	41
<i>Начало преподавательской деятельности</i>	42
<i>Христианство или Церковь?</i>	44
<i>Служение Церкви</i>	45
<i>Защита магистерской диссертации</i>	48
<i>Монашество</i>	55
<i>Архимандрит и инспектор академии</i>	59
<i>«Воин Христов Иларион»</i>	64
<i>Церковь и наука</i>	67

<i>Церковь и инославие</i>	69
<i>Православие и католичество</i>	70
<i>Православие и протестантизм</i>	72
<i>Церковь и Боговоплощение</i>	74
<i>Человеколюбие без человекоугодия</i>	77
<i>Начало войны</i>	80
<i>Прогресс и преображение</i>	82
<i>Борьба с сектантством, «немецкую верою»</i> . . .	85
<i>Академический участок фронта</i>	86
<i>Христианства нет без Церкви</i>	89
<i>Защита ученого монашества</i>	90
<i>Монашество и брак</i>	91
<i>«Письма о Западе»</i>	92
<i>Церковь и интеллигенция</i>	96
<i>Единство Церкви и Всемирная конференция христианства</i>	99
<i>Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.</i>	103
<i>Выборы патриарха</i>	108
<i>Угасание академии</i>	115
<i>Первый арест</i>	116

<i>Архиерейство</i>	118
<i>Настоятельство в Сретенском монастыре</i> . . .	119
<i>Богослужения, проповеди, диспуты</i>	122
<i>Изъятие церковных ценностей</i>	125
<i>Арест и ссылка</i>	127
<i>Обновленческий раскол</i>	129
<i>Возвращение из ссылки. Борьба с обновленчеством</i>	131
<i>Тихон и Иларион</i>	135
<i>Последние месяцы свободы</i>	139
<i>Власть соловецкая</i>	142
<i>Духовные основы</i>	150
<i>Легенды и реалии</i>	152
<i>Борьба за церковное единство</i>	155
<i>«Вот теперь-то я совсем свободен!»</i>	164
<i>Примечания</i>	166

Духовно-просветительское издание

Андрей Александрович Горбачев

**Жизнь и труды
священномученика
ИЛАРИОНА**

Редактор • М. Г. Жукова

Дизайн переплета, макет • Ю. В. Щербаков

Верстка • Н. Л. Харитоновна

Корректор • А. Н. Панкова, Е. А. Вершинина

Технолог • М. Ю. Мыскин

Подписано в печать 19.07.2016

Формат 84 x 108/32. Объем 6,5 п.л. Тираж 5000 экз.

Печать офсет. Бумага офсетная. Заказ №1613800

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Адрес издательства: 107031, Москва, ул. Б. Лубянка, 19

Интернет-магазин: www.sretenie.com

Магазин «Сретение»: (495) 623 80 46

Книжная торговля Сретенского монастыря:

(495) 628 82 10

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН —

яркая личность, имя которого значилось на Поместном Соборе 1917/1918 гг. в числе кандидатов на патриаршество. Даже в Соловецком лагере, куда он был сослан, о нем ходили легенды. Рассказывали о взятии им приступом взбунтовавшегося кавказского монастыря, о фантастической встрече владыки в Кемпи с папским нунцием и о героическом ответе православного иерарха на предложенную «тиару кардинала». Впрочем, если эти рассказы и не были историчны, то были правдивы по существу. Владыка Иларион действительно говорил: «Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю».

